

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 11. № 4/2025

DISCOURSE

Volume 11. No. 4/2025

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2025

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издаётся с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарук, д-р филол. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

И. В. Кононова, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

Р. В. Светлов, д-р филос. наук, проф., Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта, Калининград, Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгеева, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филол. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филол. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; история философии; эстетика; этика; логика; философия науки и техники; социальная и политическая философия; философская антропология, философия культуры; философия религии и религиоведение).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (языки народов зарубежных стран; теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No F577-62347 of 14.07.2015). Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Inna V. Kononova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskaia, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Roman V. Svetlov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, history of philosophy; aesthetics; ethics, logic, philosophy of science and technology, social and political philosophy; philosophical anthropology; philosophy of culture; philosophy of religion and religious studies);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (languages of the peoples of foreign countries; theoretical, applied and comparative linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Design. ETU, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Штайн О. А. Молчание как высказывание: мембрана городской топологии.....	5
Погасий В. А. Семиотический анализ религиозного откровения как фактора религиозной и культурной трансформации.....	18
Прокофьева Д. В. Проблема экзистенциального отчуждения и пути его преодоления	28
Московчук Л. С., Гусев О. Н. Билингвизм как категория культурфилософского анализа	38

СОЦИОЛОГИЯ

Желизнык М. Н. Кто они – герои нашего времени?.....	48
Драч В. Е., Торкунова Ю. В. Цифровая турбулентность в высшем образовании: ИИ как вызов академической идентичности	61
Пашковский Е. А. Особенности создания и потребления музыки в эпоху стриминговых платформ	76
Клементьева Т. Н. Взаимоотношения христианских организаций и научного сообщества в современной России: опыт социологического исследования.....	88

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ульяницкая Л. А., Перемот К. В. Валлонский язык в социокультурной бельгийской среде – история и современность	103
Исаева Е. В., Семенов С. В., Черных Д. Л., Гудовщиков А. В. Семиотический анализ текстов и интерпретация знаковых систем в цифровую эпоху: Sentiment-анализ с использованием платформы KNIME.....	121
Ковалев Б. В. Анализ стилистического двухголосия в романе Марио Варгаса Льосы «Говорун» методами Delta Берроуза и Zeta Крейга	139
Трампетти Л. Переводы «Декамерона» Джованни Боккаччо на русский язык: российские и зарубежные публикации	151
Наumenko Ю. Н., Стеблецова А. О. Обзорная статья (Review) в англоязычном медицинском дискурсе: функциональная систематизация жанровых разновидностей	166
Кононова И. В., Мельничук Т. А. Коммуникативные характеристики жанра американского предвыборного президентского видеоролика в динамическом аспекте.....	177
Правила представления рукописей авторами	192

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Shtayn O. A. Silence as Utterance: the Membrane of Urban Topology.....	5
Pogasiy V. A. Semiotic Analysis of Religious Revelation as a Factor of Religious and Cultural Transformation.....	18
Prokofyeva D. V. The Problem of Existential Estrangement and Ways of Its Overcoming.....	28
Moskovchuk L. S., Gusev O. N. Bilingualism as a Category of Cultural Philosophical Analysis	38

SOCIOLOGY

Zheliznyk M. N. Who are They are the Heroes of Our Time?	48
Drach V. E., Torkunova Yu. V. Digital Turbulence in Higher Education: AI as a Challenge to Academic Identity.....	61
Pashkovsky E. A. Features of Music Creation and Consumption in the Era of Streaming Platforms	76
Klementyeva T. N. The Relationship between Christian Organizations and the Scientific Community in Modern Russia: the Experience of Sociological Research.....	88

LINGUISTICS

Ulianitskaia L. A., Peremot K. V. Walloon Language in the Belgian Socio-Cultural Environment – History and Modern State	103
Isaeva E. V., Semenov S. V., Chernykh D. L., Gudovshikov A. V. Semiotic Analysis of Texts and Interpretation of Sign Systems in the Digital Era: Sentiment-analysis Using the KNIME Platform	121
Kovalev B. V. Burrows's Delta and Craig's Zeta for Analysis of Stylistic Duality in Mario Vargas Llosa's Novel "The Storyteller"	139
Trampetti L. Giovanni Boccaccio's "Decameron" Translated into Russian: A Review of Russian and non-Russian Studies on the Topic.....	151
Naumenko Yu. N., Stebletsova A. O. Review Articles in the English-Language Medical Discourse: Functional Systematization of Genre Varieties.....	166
Kononova I. V., Melnichuk T. A. Communicative Characteristics of American Presidential Campaign Commercials: a Diachronic Approach....	177

Оригинальная статья
УДК 101.1; 130.2; 316; 81:39; 316.77; 711.4
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-4-5-17>

Молчание как высказывание: мембрана городской топологии

Оксана Александровна Штайн

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия,
shtaynshtayn@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-1701-3147>

Введение. В статье рассматривается молчание как граница между публичным и приватным, пересечение которой может трактоваться как нарушение, но и как создание нового образа публичности. При множественном пересечении, если опираться на выводы Ханны Арендт, создается не просто образ публичности, но особое место политического со своими границами. Образ становится образом действия, возмущенное или укоряющее молчание делается политическим актом, выход за пределы привычной речи и становится выступлением, выступанием вперед.

Методология и источники. В статье анализируются с опорой на феноменологический метод и дискурсивную критику различные проявления *vita activa* деятельной жизни, связанные с молчанием: заявление о себе в молчаливом жесте, объявление как появление, предшествующее слову, сближение. При этом метод и критика вписываются в топологическую структуру города, с его пространствами возможного. Ключевым здесь становится образ мембраны, введенный Ж. Симондоном и развитый в перформативной теории Д. Батлер.

Результаты и обсуждение. Мембрана и есть тот модус возможности, в котором городская топика взаимодействий превращается в топологию молчания как действия, гневного, настойчивого, уверенного. Город сам по себе не производит никакой уверенности, но мембрана оживления города, когда и его архитектура, и его повседневность становятся живыми, производит уверенность совместного действия. Это уже не договоренность, открытая или молчаливая, но то молчание, которое само себя выворачивает наизнанку и предвосхищает новые конструктивные договоренности горожан, способствуя созданию гражданского общества.

Заключение. Полученные результаты позволяют уточнить понятия публичного пространства, перформативности речи и обращения к Другому, как и вообще установить границы образа Другого, не редуцируя его к отдельным когнитивным или практическим ситуациям. Молчание может пониматься уже не как часть фигур речи, но часть топологии речи и топологии города одновременно, внутри динамического посредничества между различными социальными позициями.

Ключевые слова: молчание, публичная сфера, фигуры умолчания, возможное, топология, город

Для цитирования: Штайн О. А. Молчание как высказывание: мембрана городской топологии // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 4. С. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-5-17.

© Штайн О. А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Silence as Utterance: the Membrane of Urban Topology

Oksana A. Shtayn

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia,
shtaynshtayn@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-1701-3147>*

Introduction. The article considers silence as a boundary between the public and the private, the crossing of which can be interpreted as a breach, but also as the formation of a new public image. If we rely on the conclusions of Hannah Arendt, then with multiple intersections not just an image of publicity is created, but a special locus of the political with its own boundaries. The image becomes an expression of action, indignant or reproachful silence becomes a political act, goes beyond the usual speech and becomes a performance, a step forward.

Methodology and sources. I analyze, using the phenomenological method and the critique of discourse, the various manifestations of *vita activa*, the active life, associated with silence: the declaration of oneself in a silent gesture, the declaration as an appearance preceding the word, *rapprochement*. I prove that method and critique are embedded in the topological structure of the city, with its spaces of the possible acts. The image of the membrane, introduced by Gilbert Simondon and developed in Judith Butler's performative theory, becomes key here.

Results and discussion. The membrane is the modus of possibility in which the urban topics of interactions turns into a topology of silence as action, writhing, insistent, confident. The city itself produces no certainty, but the membrane of the city's revitalization, when both its architecture and its everyday life become alive, produces the certainty of joint action. This is no longer an agreement, open or tacit, but that silence which turns itself inside out and anticipates new constructive arrangements of citizens, contributing to the constitution of civil society.

Conclusion. The obtained results allow us to clarify the notions of public space, performativity of speech and addressing the other, as well as to identify the boundaries of the image of the Other without reducing them to individual cognitive or practical situations. Silence can be understood no longer as part of figures of speech, but as part of the topology of speech and the topology of the city at one time, as part of the dynamic intermediation between different social positions.

Keywords: silence, public sphere, silent positions, possible, topology, city

For citation: Shtayn, O.A. (2025), "Silence as Utterance: the Membrane of Urban Topology", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 4, pp. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-5-17 (Russia).

Введение. Социальная онтология на современном этапе требует обращения к первичной сборке онтологических построений, которые могут быть конвертированы в социальные. Наиболее убедительную сборку в XX в. создавала Ханна Арентт: ее политическое не ограничивается отдельными вариантами социальной физики, но сразу переходит на уровень социальной онтологии, критической для любой такой физики. Цель статьи состоит в актуализации такой онтологии внутри исследования топологии молчания как индивидуального, так и коллективного.

Ханна Арентт в своих работах определяла начало нравственного и морального бытия человека. Она применяла как расклад принятую древними римлянами этимологию слова «персона»: «сквозь голос». Личность – всегда публичная речь, обращенная другим гражда-

нам. На самом деле этимология этого слова – передача греческого πρόσωπον – лицо, буквально налобник, наглазник. То есть для греков была важна маска как защита лица и тела, как имущества, тогда как римляне подчеркивали публичность такой защиты, возможность открытой тяжбы.

Арендт считала, каждый человек определяет систему отношений к себе не столько через события, сколько через рассказ о них, также как события в их борьбе за автономию предъявляют себя через язык, который выступает условием независимого мышления. Так независимости не поддерживают друг друга, а молчаливо встречаются.

Человек реализуется в двух сферах. Арендт делит сферы жизни на политическую и до-политическую – «частную сферу домохозяйств» [1, с. 180]. Личность формируется через голос (мы поем, кричим, поддерживаем, выступаем, пишем, молчим). Наш голос и пишет наши биографии. Голос всегда требует акустики, ищет расширения пространства влияния: красноречиво можно говорить и молчать, ввергая собеседника в краску и стыд («красноречиво молчать», *dum tacent clamant*, по Цицерону).

Память связывает воедино нити сознания. Так происходит не только о-сознание, но и о-бретение себя. В некоторых языках, отмечает Ханна Арендт, сознание как начало, организующее память, соответствует совести как началу, организованному памятью. Совесть и сознание тождественны. В такой связке знания, памяти и совести, которая и есть горизонт идей Ханны Арендт, и состоит научная новизна статьи, в которой впервые рассмотрено, как подход Ханны Арендт составляет не просто рефлексия над отношением индивида и коллектива, но и рефлексия над самими первичными параметрами индивидуации и коллективизации. Память как первичная критика опыта оказывается ключом для раскрытия этих скрытых сюжетов мысли Ханны Арендт и выявления их потенциала уже в новейшей мысли.

Память содержит информацию, знание, поэтому умалчивание, индивидуальное или коллективное, рано или поздно приводит к забвению – отречению не только от совести, информации, знания, окружающих, но и от себя. Ханна Арендт обосновывает на примерах, рассуждая о самих условиях появления публичного голоса, что ответственность – это ответ личности. Нежелание помнить или желание замалчивать и далее – снятие ответственности, т. е. неумение ответить ни перед собой, ни перед другими. Провалы исторической памяти, вырезание портретов в коллективных фотографиях семейных альбомов, замалчивание истории семьи преступны, потому что переступают через свидетельство Другого, не дают состояться свидетельству, которое уже есть, потому что уже есть Другой, выступивший за пределы своего я в поле общей речи. Невозможно заставить семью или народ замолчать и забыть, потому что это будет деформацией общей речи и отрицанием каждого отдельного носителя общей речи, это будет не просто замалчивание, а разрушение самого публичного слова и публичного молчания, которое и создает *res publica*, общее дело. Арендт уточняет, что еще Геродот свел понимание истории к ключевой задаче «спасать деяния людей от забвения» [2, с. 63]. В этой реактуализации памяти в социальной онтологии как неизбежной для онтологической рефлексии (онтологического вопрошания), а не только индивидуальной или коллективной социальной рефлексии, и состоит актуальность статьи.

Методология и источники. В статье рассматриваются основные труды Ханны Арендт, и задачей становится выявление основных топосов и соотнесение с топосами современной

политики. Методологией работы становится методология исторической критики, показывающей границы понятий города, публичной речи и индивида в обществе – мы выясняем историческую изменчивость таких понятий и необходимость для философской мысли напрямую обращаться к истокам истории. Это не историко-философский метод, учитывающий развитие идей, напротив, это метод проверки идей, насколько идея может убедительно переписать исторический опыт как опыт не только накопленных стандартов социального взаимодействия, но и опыт общей памяти, открывающий новые возможности публичного действия.

История как категория человеческого существования «старше, чем письменное слово, старше Геродота, даже старше Гомера» [2, с. 68], можно продолжить, старше слова произнесенного. Ханна Арендт полагает, что история начинается с рассказа Одиссея о своих странствиях, поэтому рассказ как ответственное повествование и является началом истории. Снятая с себя ответственность превращает человека в активный или латентный топос молчания и стыда. Это *damnatio memoriae*, истребление памяти, как стирание имен и лиц свергнутых императоров на римских стенах или вырезание фотографий заявленных «врагов народа» в семейных альбомах. Это радикальное лишение права на лицо и голос, не просто замалчивание или оттеснение на периферию, но утверждение системы лишений, лишенностей вместо системы создаваемой речи и молчания, обращенных к Другому. *Damnatio memoriae* – особое преступление против общего слова и дела, состоятельности общего дела, самого состояния человека, которое бессовестно санкционирует себя и потому не может быть обличено частным лицом, оно может быть обличено только коллективной совестью или покаянием.

Другой пример – различные искусственные стратегии лишения речи, такие как буллинг (травля), дискредитация чужой речи как недостаточной (неполной), нарциссическая автоматизация эффективной коммуникации (трансгрессия, наблюдающаяся у некоторых лидеров мнений) и другие. В этом смысле интересна культура отмены как социальный бойкот, но подразумевающий взаимное и взаимозависимое лишение речи: мы не будем с тобой общаться, чтобы ты не мог использовать свою речь как инструмент влияния. Этот бойкот стал возможен благодаря развитию сетевых медиа, а не городской жизни, так как конфигурации настаивания на речи и отказа от речи в большом городе, как мы покажем, всегда сложнее.

Мы определяем молчание как топос, ситуацию поиска речью своего места, когда речь где-то неуместна. Замалчивание – это искусственный слом городских топосов, например, когда блеск витрин замалчивает неравенство в современном городе. Умалчивание – это молчание, не ведущее к слому топосов, сохраняющее все топосы привычной жизни, например, социальная маска умалчивает о действительных намерениях человека, но позволяет сохранять все рутинные действия. Ханна Арендт критиковала как замалчивание, так и умалчивание. Мы исходим из того, что возможно внутреннее, продуктивное умалчивание, противостоящее замалчиванию, и в самой мысли Арендт указывается на возможность продуктивного отношения к внутреннему молчанию при условии реализации человеком своей политической природы. Мы доказываем, что эта продуктивность и есть перформативность, противостоящая политикам замалчивания.

Ханна Арендт критично относилась к политике умалчивания, к молчанию как политическому действию: «Мы лишаемся языка для использования в таких формах действия и со-

противления, которые нацелены на саму политику исключения» [2, с. 180]. Для Арендт молчание – зона трусливых табу и исключений, а речь, напротив, – условие внутреннего и внешнего развивающегося диалога, трансформирующего животную жизнь (зоэ) в социальную биографизированную (биос). «Я» рождает отношение к себе и отношение к другим, которое только отчасти фиксируется биографией. Поэтому такое самопредъявление является взятием слова, но не простой реплики, а биографического слова. Человек предъявляет себя в качестве биографического существа, слово оказывается первичным не только по сути сообщаемого, но и по порядку восприятия каждого человека другим человеком как Другого.

Внутренний диалог – это совесть и автокоммуникация, внешний диалог – это публичная вопрошающая речь. Внутреннее молчание всегда наполняется мыслью, словно ваза водой, а вот выведенное наружу молчание перед всеми – новая перверсия мысли, по Арендт. «Современный индивид составляет неотъемлемую часть общества, перед лицом которого пытается себя отстоять и от которого всегда терпит поражение» [2, с. 295], – пишет Ханна Арендт.

Для Арендт начать говорить – это начать говорить публично. У- или за-малчивание – произведенный личностью (группой) выбор несообщаемости, рано или поздно приводящий к забвению. Умалчивание, как и речь, являются равноправными социальными актами.

Результаты и обсуждение. Главным результатом исследования становится понимание города как места власти, но одновременно места проницаемого и проницательного молчания.

Ханна Арендт идеализировала полис, свободное объединение людей, позволяющее людям свободно высказываться и действовать. Римская «республика», *Res publica*, и есть общее дело, общественное хозяйство в противоположность частному домо-хозяйству (ойкономии).

С момента образования города-полиса «каждый гражданин отныне принадлежал двум порядкам существования, и его жизнь характерным образом строго делилась на то, что он называл своим собственным, и то, что оставалось общим». В публичном пространстве полиса действовал принцип равенства, в то время как частное домохозяйство опиралось на патриархальное неравенство. Публичная сфера изначально была наделена более высоким статусом, нежели частная. Слово статус того же корня, что слово статуя, нечто установленное и образцовое, образец, шаблон, с которым можно и нужно сверяться, в который нужно себя вписывать.

В книге «*Vita activa, или О деятельной жизни*» [3] Ханна Арендт говорит о возможности бегства из открытого публичного пространства в миры повседневной жизни, наукотворчества и просто творчества. Арендт тревожит состояние современного ей общества производства и потребления, замкнувшееся на себе самом с вечным требованием комфорта.

Как определяет деятельную жизнь Ханна Арендт? Активность – диалектически качественное понятие, определяющееся, как выразился бы Кант, на которого она часто ссылается, в мужестве пользоваться своим умом, чтобы высказываться и отстаивать свободу в публичной сфере.

Сфера политической жизни разворачивается в публичных мероприятиях с громкими историческими заявлениями, но стадии подготовки ее проходят в молчаливой сфере приватной жизни.

Молчанию как любому политическому действию необходима поддержка среды (окружающих людей) и места (стола для переговоров, парламентской трибуны или городской

площади). Часто городской тоpos (Площадь Восстания, Площадь Обороны, Зимний Дворец, Белый Дом) активируются происходящими на них или в них политическими событиями. Тоpos молчания (место расположения сил) пребывает в ожидании момента, когда с ним вступят в отношения. У Ж.-Л. Нанси *отношения* как способ установления разнородности через сближение и отдаление выступают условием бытия [4].

Чем является молчание, сближением или отдалением? За-, у-малчивание определенной информации является актом договоренностей относительно табуированных имен и фигур, городов, стран и коалиций. Умалчивание становится высказыванием, тогда как молчание – возможным голосом. Вспомним Цицерона. Говоря о римской республике, его имя и голос уместны для примера. Молчание для Цицерона не только как политический, но и ораторский и литературный прием: возмущенное молчание, красноречивое молчание, изумление, поднимающее *Res Publica Romana* до высоты философского отношения и к своим прошлым, и к своим будущим событиям.

Именно область риторики создает связку между городским и художественным пространствами, которая нас больше всего интересует. Городское пространство – это пространство досягающей, звучащей речи, которая может быть прямо заявлена перед всем городом (античное народное собрание) или косвенно дойти в виде слухов, медийных отражений, отдельных вспышек эмоциональных реакций на происходящее. Риторика – это не столько искусство убеждать по какому-то конкретному вопросу, сколько способ обобщения событий как бывших, так и вероятных. Этим риторика обогащает социальную и политическую философию, показывая пример того обобщения событий, где и выявляется зона молчания как зона уже специфической рефлексии. Артикуляция события приводит к образованию молчащих топов социальной жизни: молчаливого одобрения, молчаливого возмущения и т. д. Эти топы уже могут быть схвачены поэзией, а не политической критикой.

М. Н. Виролайнен называет словесную культуру зоной озвученного, огласованного, согласованного, названного, артикулированного: «Зона речи всегда соседствует с не менее значимой зоной молчания, с полем неназываемого, которое участвует в строительстве культурного целого не менее активно, чем речь» [5, с. 503]. О-гласованность переходит в согласование, а значит, артикулированность – со-гласность, гласность, которая не в присутствии одного. В таком случае зона молчания как тоpos социальной жизни, высказывание это и есть критерий со-гласования, что не только про-говаривается, но и у-малчивается. Пространство молчания – большая совместность произнесенного голоса (гласность) и произнесенной информации (умолчание).

Соотношение влияния зон речи и молчания в литературных произведениях непостоянно. Фигура умолчания (апосиопесис) в классической литературе иная, нежели молчание как аффект в романтической традиции. Так, у Цицерона молчание – это негодование, а у Тютчева – порыв к трансцендентному. Сравним, Цицерон: «Их молчание – это громкий крик», или «Молчание – это фигура речи, не требующая ответа, холодная, но ужасно суровая». В молчании суровость и прошлых, и будущих событий из жизни римского общества, их уже не предъявление всем, которое было в слове и законе, но само собой разумеющаяся данность, представленная философю.

У Ф. Тютчева *Silentium* [6, с. 123]:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои –
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, –
Любуйся ими и молчи.

Зоны молчания А. С. Пушкина Ю. Тынянов назвал «поэтическими эквивалентами текста» [7, с. 43], равноправными другим строфам. Незавершенность высказывания, многоточия, зона молчания и лакуна речи встречаются в русском романтизме и у В. Жуковского. Прием молчания в его поэзии перерастает в пафос невыразимого словами. «Silentium» Ф. Тютчева и О. Мандельштама разнятся. В конце XIX в. оно имеет в виду индивидуальный интерес каждого читателя, оно лирично, а в модерне XX в. оно может быть обозначено как мистический топос, ситуация «Я – нахождения» и ощущения. Это уже не «их», «ее», «его» молчание, это молчание «Я» [8, с. 16]:

Но с той поры я чтить привык
Святой безмолвия язык.

Молчание – это прием несказанности, неназванная фигура (апосиопесис) онтологическое единство. Парменид: «Одно и то же мышление и то, о чем мысль, ибо без сущего, о котором она высказана, тебе не найти мысли» [9, с. 291]. К этому тождеству внутри самопроизводства Я, его самообнаружения и честности перед собой и возвращается русский Серебряный век.

М. Бахтин выделял два типа авторской активности: диалогическая, «вопрошающая, провоцирующая, отвечающая, соглашающаяся, возражающая» и активность «завершающая, овеществляющая, каузально объясняющая и умерщвляющая» [10, с. 310].

Та действительность, с которой слово может вступить в отношения – это действительность смысла, т. е. *logos*. В этой действительности смысла молчание и есть тот топос, из которого голос автора разворачивается в логос. Автор вступает в действительность своего же вопроса или ответа, и завершающая и овеществляющая активность как принадлежащая всему миру, о котором вопрошает автор, становится уже не мертвящей, но наоборот, универсализующей жизнь с ее смертностью и бессмертием. Так происходит инверсия порядка «энергии» и «эргона». Эргон оказывается самораскрывающим себя, саморефлектирующим, автокоммуникативным принципом, тогда как энергия коммуникации должна быть авторизована, чтобы автокоммуникация могла состояться вне нас. Она, состоявшись, позволяет нам признать универсальность логоса.

Молчание универсально в любой авторской позиции, оно может провоцировать и умерщвлять, возражать и овеществлять.

В «Заметках на полях перформативной теории собрания» Дж. Батлер говорит о социальном феномене «коллективного тела», или «множественной телесности» [11]. Она опирается в своих трудах на термин *биополитика* М. Фуко, а также термин «политическое тело», осуществляющее свое право сопротивляться возможному или реальному вытеснению и контролю. У Д. Батлер формой перформативного политического высказывания, способом

обращения к обществу является «акция в ее телесном измерении», [11, с. 114] – массовое действие, которое порождает пространство исторического проявления.

Молчание как предел и экзистенциальная граница снимает оппозиции и полярности. Такие пределы Ж. Делёз называл «мембранами»: «Благодаря мембранам внутреннее и внешнее, высота и глубина обретают биологическую ценность в топологической поверхности контакта» [12, с. 140]. Ж. Симондон говорил, что «...живое живет на пределе самого себя, на собственном пределе. Характерные для жизни полярности пребывают на уровне мембраны» [13, с. 142]. Молчание является хрупкой мембраной, тайной, секретом, засекреченной информацией, подпиской о неразглашении.

Теория мембраны Симондона исключительно продуктивна для понимания индивидуальности города. Симондон настаивал на том, что само понятие индивида не может быть сведено к некоторой умозрительной точке: философское рассуждение нельзя подчинять не только грамматике обыденного языка, но и внушенным школой геометрическим представлениям. Представление о точке отсчета, точке координат внушено школьной физикой, адаптацией физических открытий и оптических моделей и не может описать индивида в его трансценденции, в его открытости и выходу к Другому. Самое большее, можно переописать Другого как альтернативную точку целеполагания как в экзистенциализме. Симондон же предложил другое: переописать индивидуальное как мембрану, где всякое самопроявление, включающее авторефлексию, оказывается поверхностным натяжением. Мембрана становится упругой, и тем самым за рефлексивными процессами запускаются жизненные процессы, возникает то, что Арендт и называла *жизнью ума*. Тогда можно говорить об индивидуальности города, жизнь ума которого и есть телесность города, т. е. способность города представить затаенное, интимное как часть социальной дискуссии.

Понятие «телесность» наряду с понятием «субъектность» вызывает к проблематизации ее пределов. Поверхность мегаполиса как поверхность субъектности и телесности расширяется: «бестелесный предел, когда симулякры перестают быть подпольными мятежниками и производят большую часть своих эффектов», снимая оппозицию тайное/явное. Глубина снимается поверхностью, и это перестает быть антиномией, дихотомией, тайной. За-, у-малчивание тогда должно быть признано тайной в пространстве приватного, а голос и оглашенное – зоной публичного предъявления.

Чтобы переосмыслить устройство и эффект современных народных демонстраций, полагает Дж. Батлер, важно «понять акцию в ее телесном измерении» [14]. Д. Батлер структурирует свою нашумевшую лекцию 2011 г. «Союз тел и политика улицы» [15] как полемику с Ханной Арендт, для которой политика возможна только там, где возможна публичность, где слышен голос (голос с трибуны или на площади). Для Батлер заявлять о себе в политике можно и молчаливо, но не просто с негодованием, а обличая умалчивания и общие места текущей политики, перформативно их пародируя и тем самым разоблачая.

Политический режим может как разрешать, так и запрещать действовать и высказываться публично: одна информация произносится, в то время как другая умалчивается.

Тело, согласно Ж.-Л. Нанси [16], равноправно в возможности своего проявления, оно открыто явлению. Таким образом, «когда тела проявляются совместно или когда через их действие придается существование пространству проявления» [16, с. 55], они осуществ-

ляют требование равноправия. Именно здесь *мембрана* и создает должное напряжение, артикулирующее как продуктивное молчание, так и продуктивную речь.

Демонстрации и митинги часто требуют от вышедших на площади и улицы того, что мы назвали бы удержанием территории. «Тела действуют перформативно, даже когда они спят на публике или организуют коллективные способы уборки территории, которую они удерживают» [11, с. 57], полагает Дж. Батлер. Постоянное присутствие огромного числа людей определяет потребность устройства повседневного быта, и эта молчаливая потребность становится важнее плакатов и речевок. Это устройство, топология устройства политической сферы, и нужно, чтобы оно не столько устраивало всех участников, сколько обнажало собственное устройство, – и тогда прямо предъявленное, обнаженное в своей речи или молчании тело и показывает, что возможно другое, более справедливое устройство коллективного действия.

Демонстрацию общего повседневного обихода Батлер определяла как обнаженную телесность. «Если мы таким образом подойдем к вопросу о био-политическом, то можем увидеть, что пространство проявления не принадлежит сфере политики, отделенной от сферы выживания и потребностей», – говорит там же Батлер. Тело можно редуцировать и не редуцировать к речи, бывает, что его проявления не совпадают с заявленными речами. Но тело уже не просто дано, но пред-дано политическому быту, политическое – место, где тело сбывается, где оно становится событийным и сбывшимся, где оно в борьбе за признание получает в своем молчании и речи то молчаливое, то говорящее признание. Тело переключает от эмоционального равнодушия к эмоциональной вовлеченности. Молчание является одним из модусов проявления события.

Молчание войска

Сгустилось как грозовая туча –

Эту цитату из стихотворения Сергея Круглова «Борис и Глеб» приводит российский философ, профессор РГГУ А. В. Марков в статье о современной русской поэзии [17, с. 282], иллюстрируя столкновение поэтического рассказа с событиями, для которых не может пока быть слов или понятий. Рассказ остается рассказом, но берется в рамку молчания и более того, молчание и становится главным движущим механизмом самого появления рассказа, его проявления как факта эмоции и понимания. Поэтический строй является условием эмоциональной вовлеченности читателя и просто гражданина государства в исторические события. Молчание может быть не только грозовой тучей, ясным или звездным небом Канта, это прежде всего ощущение, захватывающее толпу (войско, демонстрацию, вообще строй, как строй звездного неба, строй небесных явлений или исторических сдвигов). Вспомним З. Гиппиус, которая в молчании, безмолвии толпы описывала настроение (умонастроение или мироощущение) через описание неба. Март 1917 г. она представляет периодом слияния народа и интеллигенции в общем историческом порыве через «золотую метель»: «С утра текут, текут мимо нас полки к Думе. И довольно стройно. С флагами, со знаменами, с музыкой... День удивительный: легко-морозный, белый, весь зимний и весь уже весенний. Порой начиналась неожиданная, чисто вешняя пурга, летели, кружась, ласковые, белые хлопья и вдруг золотели, пронизанные солнечным лучом» [18, с. 166]. И через метафору безмолвия описывает Зинаида

Николаевна октябрь 1917 г.: «Мзглять, тишь, без-молвие, безлюдие, серая кислая подушка. На окраинах листки. Объявляется, что “правительство низложено”» [18, с. 267–268].

Тело толпы обладает не только силой действия, но и силой молчания. Молчащие тела могут наполнять городское пространство коллективным укором. «Коллективные действия сами овладевают местом, оживляют и организуют архитектуру», «реконфигурируют материальность публичного пространства» [11, с. 248]. Место пребывания молчащих тел помогает им самим и окружающим переосмыслить исторические перспективы.

Высказывание доносится не только благодаря лозунгами или речевкам, но и посредством молчания. Современная общественная или политическая действительность всегда сопровождается медиа, которые интерпретируют в новостном эфире жест молчания.

Медиа про-являют, доносят информацию, они как раз устройства, они определенным образом устроены. Вероятно, это то, что С. Сассен называет «глобальной улицей» [19]. Камеры никогда не выключаются, а тела, соответственно, никогда не перестают говорить, даже если они молчат. Соответственно, перформативное собрание выворачивает наизнанку это устройство, говорит о его изнаночной стороне и показывает возможность действия вне привычных устройств сообщения.

Заключение. В книге «*Vita activa*, или о деятельной жизни» Х. Арендт противопоставляет открытое публичное пространство приватному интимному, и критерием деления является право голоса и право на голос, который (за-)явлен или нет. Эта мысль была в ходе работы обогащена сравнением поэтической топологии, в которой всегда зона молчания оказывается зоной ответственности за чужое решение, и городской топологии, где всякое решение становится своим в публичном выступлении. Путь выхода из современных кризисов политических дискуссий – сближение поэтической и городской топологии.

Х. Арендт заявляет, что истинное бытие человека проявляется в публичной сфере, выступать открыто – это проявление человеком смелости и даже отваги. *Vita activa* противостоит *vita contemplativa*, жизни созерцательной. Она, деятельная жизнь, может разворачиваться только в публичной сфере, и идеальным местом для этого служит историческая модель греческого полиса. Мы показали, что эта деятельная жизнь и созерцается созерцательной жизнью, но эта созерцательная жизнь включает в себя зону умалчивания. Она может пониматься как зона невероятного, но в реальной политической практике перекодируется как зона вероятного. Необходимо особое усилие поэзии и вообще перформативного творчества, чтобы вернуть вероятное к невероятному, риторику обратить к самым масштабным событиям и тем самым сделать любые деятельные решения решительными и творческими – стремлением *жизни ума* к тому, что еще недавно казалось невероятным.

При установлении колониальных империй, капитализма и промышленного производства, отчужденного труда и массового потребления работа для большинства людей стала автоматизированным процессом. Способность действовать и говорить стала прерогативой политиков, общественных деятелей, активистов, ученых и писателей. Арендт критикует современное общество за политическое молчание со стороны большинства и политическое умалчивание со стороны власти. Мы показали, что это политическое молчание и политическое умалчивание могут стать частными топосами города, тогда как общим логосом города станет перформативность общего действия, перформативность, имеющая в виду поэтические, мета-

форические способы описания общности. Общее пространство, общая воля, общая мысль – это всегда метафоры, а не верифицируемые реальности, но именно они верифицируют и современный большой город как политическое пространство, где можно не принимать чужую волю, но настаивать на своей осознанной воле, разделяемой и другими горожанами.

В эссе «О насилии» Арендт говорит, что «власть соответствует человеческой способности не просто действовать, но действовать сообща» [20, с. 44]. Власть – это прежде всего согласованные действия и согласованное умалчивание. И тогда мембрана города и есть молчание, которое и может оспорить прежние, некогда согласованные умалчивания, способствуя новым продуктивным формам гражданского согласия и взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / пер. С. Кастальского, Н. Рудницкой. М.: Европа, 2004.
2. Арендт Х. Между прошлым и будущим / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
3. Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни / пер. с нем. В. В. Биbihина. М.: Ad Marginem, 2018.
4. Нанси Ж.-Л. Очевидность фильма: Аббас Киаростами / пер. с фр. А. Гараджи. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021.
5. Виролайнен М. Н. Речь и молчание: сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Пальмира, 2016.
6. Тютчев Ф. И. *Silentium* // Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. Т. 1. Стихотворения, 1813–1849. М.: Классика, 2002. С. 123.
7. Тынянов Ю. Н. Проблемы стихотворного языка. Статьи. М.: Советский писатель, 1965.
8. Иванов В. И. Стихотворения. Поэмы. Трагедия: в 2 кн. Кн. 2. СПб.: Академ. проект, 1995.
9. Парменид. О природе // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М.: Наука, 1989. С. 286–298.
10. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963.
11. Батлер Дж. Заметки к перформативной теории собрания / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
12. Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. М.: Академ. проект, 2011.
13. Смулевич А. Б. Концепция *borderline states*. СПб.: Алетейя, 2008.
14. Butler J. *A Politics of the Street* // YouTube. 2012. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=v-bPr7t4tgA> (дата обращения: 15.12.2024).
15. Butler J. *Bodies in Alliance and the Politics of the Street*. 2011 // *Transversal texts*. URL: <https://transversal.at/transversal/1011/butler/en> (дата обращения: 15.05.2025).
16. Нанси Ж.-Л. *Corpus* / пер. с фр. Е. Петровской, Е. Гальцовой. М.: Ad Marginem Press, 1999.
17. Марков А. В. Современная русская поэзия в период интенсивных событий // Философия. Журнал Высш. шк. экономики. 2022. Т. 6, № 3. С. 256–288. DOI: <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2022-3-256-288>.
18. Гиппиус З. Петербургские дневники (1914–1919). NY: Орфей, 1982.
19. Sassen S. *The Global Street Comes to Wall Street* // *Possible Futures*. 22.11.2011. URL: <http://www.possible-futures.org/2011/11/22/the-global-street-comes-to-wall-street/> (дата обращения 15.12.2024).
20. Арендт Х. О насилии / пер. с англ. Г. М. Дашевского. М.: Новое изд-во, 2014.

Информация об авторе.

Штайн Оксана Александровна – кандидат философских наук (2005), доцент кафедры социальной философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, пр. Ленина, д. 51, Екатеринбург, 620075, Россия. Автор 10 книг и более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, феномен маски, телесность в культуре, женщина в истории философии, социальная коммуникация.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 18.12.2024; принята после рецензирования 21.03.2025; опубликована онлайн 22.09.2025.

REFERENCES

1. Arendt, H. (2004), *Eichmann in Jerusalem. A Report on the Banality of Evil*, Transl. by Kastal'skii, S., and Rudnitskaya, N., Evropa, Moscow, RUS.
2. Arendt, H. (2014), *Between Past and Future*, Transl. by Aronson, D., Gaidar Institute Press, Moscow, RUS.
3. Arendt, H. (2018), *Vita Activa oder vom Tätigen Leben*, Ad Marginem Press, Moscow, RUS.
4. Nancy, J.-L. (2021), *Abbas Kiarostami: The Evidence of Film*, Transl. by Garadzha, A., Garage Museum of Contemporary Art, Moscow, RUS.
5. Virolaien, M.N. (2016), *Rech' i molchanie: syuzhety i mify russkoi slovesnosti* [Speech and silence: Plots and myths in Russian literature], Pal'mira, SPb., RUS.
6. Tyutchev, F.I. (2002), "Silentium", *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and letters], in 6 vols., vol. 1: Poems 1813–1849, Izdatel'skii tsentr "Klassika", Moscow, RUS, p. 123.
7. Tynyanov, Yu.N. (1965), *Problemy stikhotvornogo yazyka. Stat'i* [The problem of poetic language. Articles], Sovetskii pisatel', Moscow, USSR.
8. Ivanov, V.I. (1995), *Stikhotvoreniya. Poemy. Tragediya* [Poems. Poems. Tragedy], book 2, Akademicheskii proekt, SPb., RUS.
9. Parmenid (1989), "About nature", *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov* [Fragments of early Greek philosophers], part 1, Nauka, Moscow, USSR.
10. Bakhtin, M.M. (1963), *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics], Sovetskii pisatel', Moscow, USSR.
11. Butler, J. (2018), *Notes Toward a Performative Theory of Assembly*, Transl. by Kralachkin, D., Ad Marginem Press, Moscow, RUS.
12. Deleuze, G. (2011), *Logique Du Sens*, Transl. by Svirskii, Ya.I., Akademicheskii proekt, Moscow, RUS.
13. Smulevich, A.B. (2008), *Kontseptsiya borderline states* [The concept of borderline states], Aleteiya, SPb., RUS.
14. Butler, J. (2012), "A Politics of the Street", *YouTube*, 2012, available at: <http://www.youtube.com/watch?v=v-bPr7t4tgA> (accessed 15.12.2024).
15. Butler, J. (2011), "Bodies in Alliance and the Politics of the Street", *Transversal texts*, available at: <https://transversal.at/transversal/1011/butler/en> (accessed 15.05.2025).
16. Nancy, J.-L. (1999), *Corpus*, Transl. by Petrovskaya, E. and Gal'tsova, E., Ad Marginem Press, Moscow, RUS.
17. Markov, A.V. (2022), "Contemporary Russian Poetry in a Period of Intense Events", *Philosophy J. of the Higher School of Economics*, vol. 6, no. 3, pp. 256–288. DOI: <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2022-3-256-288>.
18. Gippius, Z. (1982), *Peterburgskie dnevniki (1914–1919)* [The Petersburg Diaries (1914–1919)], Orpheus, NY, USA.

19. Sassen, S. (2012), "The Global Street Comes to Wall Street", *Possible Futures*, 22.11.2011, available at: <http://www.possible-futures.org/2011/11/22/the-global-street-comes-to-wall-street/> (accessed 15.12.2024).

20. Arendt, H. (2014), *O nasilii* [About Violence], Transl. by Dashevskii, G.M., Novoe izdatel'stvo, Moscow, RUS.

Information about the author.

Oksana A. Shtayn – Can. Sci. (Philosophy, 2005), Associate Professor at the Department of Social Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, 51 Lenin ave., Ekaterinburg 620075, Russia. The author of 10 books and more than 100 scientific publications. Area of expertise: philosophy of the mask, corporeality in culture, woman in the history of philosophy, philosophy of language, social function of philosophy.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 18.12.2024; adopted after review 21.03.2025; published online 22.09.2025.

Оригинальная статья

УДК 130.31; 215

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-4-18-27>

Семиотический анализ религиозного откровения как фактора религиозной и культурной трансформации

Всеволод Анатольевич Погасий

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия,
pogasy75@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7366-7711>*

Введение. Религиозное откровение исследуется как фактор, запускающий трансформационные процессы в существующей религиозной, а в последствии и светской культуре. Автор задался целью проанализировать семиотическую структуру такого откровения и выявить, существует ли семиотический механизм, запускающий трансформационные процессы. Если он существует, то каковы его специфические характеристики? Трансформация по определению связана с генезисом смыслов, которые, в свою очередь, определяются иерархией ценностей. Когда речь идет о религии, зачастую ученому бывает сложно остаться в стороне от субъективного оценочного суждения. Новизна этой работы, на наш взгляд, состоит в подробном описании «механики» трансформационных процессов, что позволяет избежать отношения к содержанию того или иного религиозного откровения. Результаты нашего исследования актуальны тем, что предлагают, во-первых, использовать семиотический срез для анализа феномена трансформации и, во-вторых, вооружают системным инструментарием.

Методология и источники. Методологической базой данного исследования служит семиотическая методология. Религиозное откровение рассматривается в категориях означающего, означаемого, интерпретантов (треугольник Огдена-Ричардса), а также в категориях знака, семиотического кода, семиотических уровней (синтагматики, семантики, прагматики). Большое влияние на автора оказала концепция Л. Ф. Чертова о семиотике как средстве конструирования и трансляции смыслов. В качестве источников для анализа религиозного откровения использовались священные книги иудаизма (Тора, Танах) и христианства (Новый Завет).

Результаты и обсуждение. Основными результатами исследования являются: описание парадоксального характера религиозного откровения; выявление семиотической природы трансформационного механизма; выявление структурного уровня, на котором он запускается; выявление природы его пассионарности; выявление трансформационной последовательности (изменение синтагматического порядка – изменение ценностей и смыслов – изменение культурной практики).

Закключение. Главным выводом, по мнению автора, является детерминация религиозного откровения как фактора ценностной, смысловой и культурной трансформации. В самой своей структуре откровение по необходимости несет трансформационный потенциал. Его механизм становится видным благодаря семиотическому подходу и методологии.

Ключевые слова: религиозное откровение, семиотическая структура, семиотический механизм, семиотическое правило, религиозный код, иерофанический код

© Погасий В. А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Погасий В. А. Семиотический анализ религиозного откровения как фактора религиозной и культурной трансформации // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 4. С. 18–27. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-18-27.

Original paper

Semiotic Analysis of Religious Revelation as a Factor of Religious and Cultural Transformation

Vsevolod A. Pogasiy

*Kazan Federal University, Kazan, Russia,
pogasy75@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7366-7711>*

Introduction. Religious revelation is explored as a factor triggering transformational processes in the existing religious and, subsequently, secular culture. The author set out to analyze the semiotic structure of such a revelation and to identify whether there is a semiotic mechanism that triggers transformational processes. If it exists, what are its specific characteristics? Transformation is by definition associated with the genesis of meanings, which, in turn, are determined by a hierarchy of values. When it comes to religion, it is often difficult for a scientist to stay away from a subjective value judgment. In our opinion, the novelty of this article consists in a detailed description of the "mechanics" of transformational processes, which makes it possible to avoid dealing with the content of a particular religious revelation. The results of our research are relevant because they suggest, firstly, using a semiotic cross-section to analyze the phenomenon of transformation, and, secondly, equipping it with system tools.

Methodology and sources. The methodological basis of this research is the semiotic methodology. Religious revelation is considered in the categories of signifier, signified, interpretant (Ogden-Richards triangle), as well as in the categories of sign, semiotic code, semiotic levels (syntagmatics, semantics, pragmatics). The author was greatly influenced by L.F. Chertov's concept of semiotics as a means of constructing and translating meanings. The sacred books of Judaism (Torah, Tanakh) and Christianity (New Testament) were used as sources for the analysis of religious revelation.

Results and discussion. The main results of the study are: description of the paradoxical nature of religious revelation; identification of the semiotic nature of the transformational mechanism; identification of the structural level at which it is triggered; identification of the nature of its passionarity; identification of the transformational sequence (change of syntagmatic order – change of values and meanings – change in cultural practice).

Conclusion. The main conclusion, according to the author, is the determination of religious revelation as a factor of value, semantic and cultural transformation. In its very structure, revelation necessarily carries transformational potential. Its mechanism becomes visible due to the semiotic approach and methodology.

Keywords: religious revelation, semiotic structure, semiotic mechanism, semiotic rule, religious code, hierophanic code

For citation: Pogasiy, V.A. (2025), "Semiotic Analysis of Religious Revelation as a Factor of Religious and Cultural Transformation", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 4, pp. 18–27. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-18-27 (Russia).

Вопрос о принципиальной возможности трансформации религии до сих пор активно обсуждается. Сторонники эволюции религии утверждают, что она как социальный институт не

может не меняться вместе с культурным и социальным контекстом, частью которого она является, и эти изменения затрагивают само религиозное ядро. Их оппоненты, наоборот, отстаивают идею завершенности генезиса той или иной религиозной системы, и любое ее изменение трактуется как ее деградация. По сути, обе стороны описывают и оценивают результат трансформации. Сама же трансформация выступает в роли некоторого «черного ящика», и часто происходящее в нем выпадает из фокуса внимания исследователей. Но если сам процесс трансформации сделать объектом исследования, а механизм, приводящий к изменениям, предметом, можно получить инструментарий, позволяющий измерить глубину происходящей трансформации и определить ее качество. Для этого требуется концептуальная платформа со своей методологией. На наш взгляд, такой платформой может стать семиотика. Религия давно исследуется как сложный, многоуровневый семиотический комплекс, и происходящие в ней процессы тоже могут быть разобраны с точки зрения науки о знаковых системах.

Авраамические религии еще называют религиями откровения. Действительно, Моисей, Иисус, Мухаммед были вестниками некоторых божественных откровений, которые легли в основу новых вероучений, а в последующем привели к тектоническим социальным и культурным изменениям. Другими словами, именно религиозное откровение несет в себе трансформационный потенциал и является причиной изменений. Поэтому откровение как семиотический феномен нас заинтересовало, в особенности специфический семиотический механизм, который на глубинном, почти генетическом уровне, запускает трансформационные процессы. В статье разберем семиотическую структуру откровения, описывающую взаимодействие ее уровней, исследуем функционирование семиотического механизма.

Вначале некоторые терминологические уточнения. В нашей статье понятия «откровение» и «пророчество» выступают как синонимы. Общими основаниями для них являются:

- содержание (семантический объем), происхождение и природа которого относятся к трансцендентной реальности, а вектор направлен в плоскость имманентного;
- лицо, принимающее это содержание (посредник, пророк), его интерпретирующее и транслирующее адресату (целевой аудитории);
- контекст, в границах которого содержание может быть принято, интерпретировано и усвоено. Различия (для данной темы несущественные) заключаются в целях высказывания: откровение тяготеет к повествованию, а пророчество – к побуждению.

Кроме того, раскроем содержание некоторых терминов, которыми будем оперировать. К ним относятся:

- *знак* – дискретный носитель стабильного значения [1, с. 69];
- *семиотический код* – структурно организованная в соответствии с определенными правилами совокупность знаков; с помощью семиотического кода транслируется единица смысла;
- *текст (религиозного откровения)* – выстроенная по правилам семиотической синтактики последовательность религиозных кодов, образующая законченную смысловую конструкцию;
- *автор откровения* – трансцендентная реальность, в авраамических религиях обладающая личностными атрибутами;

– *получатель откровения*, он же посредник, он же пророк – человек, воспринявший откровение: принявший участие в его иерофаническом раскрытии, воспринявший его содержание, интерпретирующий и транслирующий его адресату;

– *адресат откровения* – целевая аудитория, которая может быть локализована в пространстве и времени, а может быть темпорально и пространственно рассеяна;

– *семиотическая матрица* – система семиотических элементов (убрано «и их взаимосвязей»), выстроенная по семиотическому правилу;

– *семиотическое правило* – сформированное культурой и ей транслируемое соотношение смыслов к знакам, с помощью которых они передаются и интерпретируются. Семиотическое правило реализуется на трех уровнях: синтагматическом (детерминация взаимной расстановки знаков и их последовательности), семантическом (закрепление за знаками и кодами смыслов, которые в свою очередь формируют ценностное измерение), и прагматическом (закрепление за конкретными смыслами моделей их практического воплощения).

Феномен откровения часто становился предметом исследования ученых различных научных областей: философии (Ф. В. Й. Шеллинг, А. В. Марков), феноменологии (Р. Отто, Ж.-Л. Марион), лингвистики (А. Г. Волкова, Ю. И. Колесов).

В настоящее время семиотикой откровения/пророчества занимаются такие российские ученые, как А. Г. Фомин и Н. С. Карачева, А. М. Прилуцкий.

В частности, в своей работе А. М. Прилуцкий рассматривает феномен откровения с нескольких проблемных сторон: человеческое авторство, которое обусловлено историческим языком и контекстом; истолкование откровения со стороны религиозных авторитетов и проверка его на истинность; проблема семантического различия понятий «откровение/пророчество» в античном и христианском дискурсах; проблема многоуровневой структуры откровения: грамматический и семантический уровни, а также формы поэтического выражения (метафоры, метонимии) открывающие возможность для различных интерпретационных стратегий. И, наконец, проблема развития откровения, баланс между существованием откровения в изменившемся контексте и сохранением выработанного традицией конфессионального кода. Автор подчеркивает эсхатологическую устремленность христианского откровения как его уникальную характеристику [2].

Н. С. Карачева подвергает феномен пророчества лингво-семиотическому, а также феноменологическому анализу. Она выделяет семиотическую структуру откровения, указывая на его телеологическую особенность: в структуре выделены Автор откровения, Пророк – посредник, передающий откровение, адресат – целевая аудитория откровения. Ученый показывает, как эта структура разворачивается в трехмерном семиотическом поле, где передача пророчества посредством знаков разворачивается в синтагматической плоскости, его содержание интерпретируется Пророком в семантической плоскости, а трансляция адресату – в прагматической [3, с. 74].

Автор подробно описывает лингво-семиотический портрет пророка (как библейских времен, так и современного) [3, с. 76]. Она подчеркивает, что пророк как посредник откровения сталкивается с проблемой адекватной вербальной передачи пережитого им в мистическом опыте и использует богатую палитру невербальных коммуникационных средств, которые «обладают максимальной способностью убеждать, волновать, внушать, заворажи-

вать. Они завораживают ритмом, звуковыми и смысловыми переключками, странным и одновременно точным подбором слов, метафоричностью, способной, ошеломив, вдруг обнажить таинственные связи явлений и бездонную глубину смысла» [3, с. 60].

Ученый отмечает бытие пророка одновременно в двух измерениях: темпоральном и экзистенциальном, что задает различные условия семиозиса пророческого текста и пророческого акта [3, с. 81].

В статье, написанной в соавторстве с А. Г. Фоминым, Н. С. Карачаева подробно анализирует стилистический уровень модели пророческого текста, что позволяет проследить механизмы функционирования закодированных образов и их интерпретации [4]. Символьная природа пророческих текстов относит их в сферу семиотики и дает возможность их изучения как полноценной знаковой системы.

Названные ученые с различных, культурных, контекстуальных и лингвистических позиций рассмотрели феномен пророчества/откровения, согласившись с тем, что его знаково-символьная форма указывает на его семиотическую природу. Цель нашей статьи, как уже было анонсировано, – раскрыть семиотические механизмы, по которым функционирует семиотическая структура откровения, рассмотреть проблемы, которые обусловлены самой спецификой семиозиса пророчества. Мы смеем надеяться, что это позволит сделать очередной шаг к диалектическому преодолению противоречий в вопросе о возможности религиозной трансформации.

Феномен откровения с точки зрения семиотики представляет собой определенный парадокс. С одной его стороны, откровение должно быть распознано как таковое. То есть, должен быть идентифицирован его Автор, оно должно «уложиться» в контекст, где может быть адекватно воспринято), оно должно содержать определенное послание, специфику которого мы раскроем позже и, в конце концов, в нем должен звучать деятельный призыв. Другими словами, существует набор условий, лишь при соблюдении которых нечто может быть названо откровением. С другой стороны, этот парадокс мы наблюдаем в том, что послание, которое по сути является ядром откровения, не апеллирует к известным схемам религиозного опыта, а наоборот, нивелируя их, часто рисует абсолютно иную модель восприятия трансцендентной или имманентной действительности и призывает к новым паттернам поведения.

Накладывая сказанное на семиотическую матрицу, можно сказать:

1. Условия, о которых шла речь, выступают в роли знаков. Они составляют в синтагматическую последовательность по определенным правилам, образуя в итоге семиотический код религиозного откровения.

2. Об этих правилах необходимо поговорить отдельно. В их основе лежит принцип отбора значимых элементов (из многочисленного набора других, в том числе религиозных знаков) [1, с. 101]. Способ отбора сформирован и закреплён в культуре. Л. Ф. Чертов называет такой способ десигнатом. Семиотические правила обладают тремя взаимосвязанными уровнями (синтагматическим, семантическим и прагматическим). Правила синтагматики (синтактики) указывают на последовательность позиций знаков и их структурную специфику, благодаря которым код, состоящий из них, идентифицируется как религиозный. Правила семантического уровня указывают на обязательную отсылку к базовому для религиозного контекста иерофантическому коду, прямому или косвенному (понятие иерофантического

кода будет раскрыто далее). На этом уровне формируются смыслы и задаются ценностные координаты. Правила прагматического уровня закрепляют форму практической реализации призыва, который содержится в откровении.

3. Со стороны Автора наблюдается комплекс двух семиотических стратегий: во-первых, текст откровения апеллирует к известным правилам отбора значимых элементов, по которым составляется код. В этом залог «распознаемости отправителя», это уровень синтактики. Во-вторых, на уровне семантики задаются новые правила интерпретации кода. Он как бы переписывается.

На этом «переписывании» кода остановимся подробнее. Нам интересен анализ работы семиотического механизма на более глубоком уровне; благодаря его действию и происходит трансформация религиозной культуры. Подобную мысль высказал Л. Ф. Чертов относительно пространственного текста (комбинации пространственных кодов). Он в качестве исследовательской стратегии предложил внести в текст определенное изменение и произвести оценку того, влияет ли это изменение в рамках заданного кода на изменение смысла [1, с. 122].

Рассмотрим это на примере Декалога – откровения, которое получил Моисей на горе Синай и которое, по сути, является новым концептом, совершившим парадигматическую революцию в мировоззрении и культуре еврейского народа [5]. Текст культуры – синтагматическая последовательность культурных кодов, организованных в многоуровневую структуру и образующих целостный смысловой конструкт. Каждый из этих кодов обладает своим самодостаточным комплексом смыслов. Например, код патриархальных родоплеменных норм, или ближе к нашей теме, код анимистического или политеистического религиозного представления. Смыслы, закрепленные в нормах и правилах, приобретают ценностную характеристику, а ценность – уровень семантики. Откровение (в нашем случае, Декалог) обращается к известному семантическому содержанию: отношение к божеству, отношение между членами рода. Такое обращение понятно целевой аудитории (израильского сообщества). Но дальше содержание откровения «опускается» на уровень синтагматики, т. е. на уровень структуры и последовательности знаков, из которых состоит код, проблематизирует существующие синтаксические правила и далее перестраивает их. При этом какие-то элементы меняются местами, какие-то убираются, какие-то добавляются. Такая перестройка синтагматической структуры синонимична редактированию генома живого существа (например, см. статью Д. В. Ребрикова «Редактирование генома человека» [6]. Или, говоря словами А. В. Маркова, «явление смысла (откровение – В. П.) учреждает или переучреждает пространство» [7, с. 116]. Так, Декалог убрал из религиозного кода все семантические знаки, связанные с человеческими жертвоприношениями, с политеистическим поклонением. Он переписал политеистические знаки на монотеистические, ввел знаки, регламентирующие монотеистическое богочитание и богослужение, ввел знаки этико-волевого измерения («не возжелай»). Измененная синтагматическая структура вносит свои коррективы в уровень семантики: некоторые элементы культуры, которые прежде обладали высоким ценностным статусом, его лишаются и табуируются (например, астрологические и климатические культы, институт человеческого жертвоприношения и т. д.), и наоборот, наделяются ценностным статусом вновь появившиеся содержательные элементы (например, примат монотеизма, почитание субботы как акт поклонения, категорические императивы: не убей, не

кради, не прелюбодействуй). Обновленный ценностный комплекс запускает перестройку культурной парадигмы, что выражается в изменениях в ритуальной, бытовой, хозяйственной, общинной сторонах жизни еврейского сообщества. Таким образом, процесс «переписывания», запускающийся благодаря откровению, затрагивает изменениями все три уровня семиотического правила.

Рассмотрим другой пример подобного переписывания кода на уровне синтагматики уже из Нового Завета. В Евангелии от Иоанна описывается история, когда к Иисусу Христу привели женщину, уличенную в прелюбодеянии [8]. Учителя иудейского Закона, апеллируя к соответствующим заповедям, требовали от Христа их исполнения – «побить женщину камнями». Нам знаком его ответ: «...кто из вас без греха, первый брось в нее камень». Безусловно, в этой истории на первый план выходит этический аспект, т. е. уровень семантики. Но если подвергнуть нарратив более тщательному семиотическому анализу, мы увидим, что изменения смысла происходят именно на уровне синтагматики. Фарисеи (учителя Закона) ссылаются на определенную последовательность кодов, формирующих смысловой конструкт (требования к моральной чистоте, от которой зависит благосостояние израильского народа как нации) – уровень семантики, и требуют выполнить соответствующие предписания Закона – уровень прагматики.

Христос своим высказыванием вносит в синтагматическую последовательность «новую константу» (говоря языком генной инженерии, «модифицирует геном»), после чего на уровне семантики мы видим обновленный смысл, находящийся на уровне прагматики совершенно другое воплощение.

В следующем примере мы рассмотрим Четыре благородные истины, с которых берет начало буддистское понимание Пути, родившееся из лона индуистской религиозной философии. Опираясь на современную классификацию религий, можно сказать о зарождении новой мировой религии, о религиозной революции, которую совершил буддизм на азиатском континенте. Но ретроспективно перед нами описание откровения, полученное на пути к самосовершенствованию. Формально трудно отнести событие, произошедшее с Сиддхартхой Гаутамой под деревом Бодхи именно к религиозному откровению, так как по сути речь идет о некотором прозрении во время медитации, а не «прорыве» знания или призыва из трансцендентной реальности. Однако с точки зрения семиотического анализа можно говорить о возникновении, становлении синтагматической последовательности кодов, структурировании их в определенную конфигурацию, которая в контексте той эпохи родила новые смыслы. Что это были за коды? Напомним о двухчастной структуре откровения: первая часть должна быть легко идентифицируема. Религия индусов времени Будды Шакьямуни представляла собой идеалистический пантеизм. Ей были характерны идеализм, созерцательность и фантазия, стремление к иному идеальному миру [9, с. 32]. С другой стороны, Закон Ману строго регламентировал религиозную и социальную жизнь индийского общества, что к VII в. до н. э. привело к идейной и духовной стагнации. Такая ситуация родила институт отшельничества. Уединиться для медитативных поисков стремились те, кто не находил духовного ответа в существующей религиозной и социальной системе. Другими словами, в семиотической плоскости не было синтагматических конгломераций кодов, планом содержания которых были бы смыслы с достаточной побудительной силой. На этом

фоне прозрение Сиддхартхи Шакьямуни было, с одной стороны, узнаваемо как феномен современной ему аскетической практики, с другой стороны, новизна и глубина откровения как раз свидетельствуют о возникновении абсолютно нового синтагматического конгломерата, сформировавшего смыслы с высокой пассионарной энергией.

Правомочен вопрос о природе подобной пассионарности откровения. Иначе говоря, чтобы семантическое содержание откровения могло проникнуть на уровень синтактики и «переписать» его, оно должно обладать энергетическим импульсом, превышающим энергетический ресурс традиции, т. е. системы, находящейся в равновесном состоянии, гарантом которого выступает культура. Энергетическая дельта должна быть особенно различима во втором компоненте откровения, которое вступает в явное противоречие с принятой в религиозной культуре парадигмой. Чтобы, отвечая на этот вопрос, остаться в рамках семиотической платформы, нам необходимо ввести понятие *иерофанического кода* – специфического семиотического комплекса, референтом которого является трансцендентная реальность, прорывающаяся в имманентную плоскость и в ней себя отражающая. Уникальность иерофанического кода в том, что он указывает на нарушение (благодаря трансцендентному вмешательству) причинно-следственных связей физических закономерностей. Другими словами, означающее указывает на феномен чуда. Чудо обладает высокими аксиологическими позициями в религиозной культуре, настолько высокими, что может вступать в конфронтацию с наличной традицией и ее проблематизировать. Этот тезис подтверждается многократными евангельскими историями, в которых Иисус Христос, совершая чудеса, проповедовал свое учение «как власть имеющий» [10] в противовес учителям Торы, которые в своих учениях воспроизводили традицию.

Теперь раскроем более подробно психологический аспект восприятия откровения как семиотического конструкта, его адресатом (посредником или целевой аудиторией).

Феномен откровения связан с появлением информации, ранее не существовавшей в сознании его получателя и адресата. Но, что более важно, откровение по своей природе несет мощную побудительную функцию. Другими словами, откровение – призыв к действию в направлении, которое ранее не было известно адресату, оно не апеллирует к его прежнему опыту, более того, реализация этого действия зачастую должна идти вразрез с привычным пониманием причинно-следственных связей: результат не зависит от их соблюдения. Один из примеров – призыв к израильскому войску с целью захватить город Иерихон: обходить вокруг его стен семь дней подряд, а на седьмой день произвести шум всеми возможными средствами (играть на музыкальных инструментах, бить мечами по щитам, громко кричать и т. д.) [11]. Переведя это на язык семиотики, можно сказать, что набор кодов, из которых состоит откровение, является двухчастным. В одной части – коды узнаваемые, доступные для декодирования и соответствующие контексту. Благодаря кодам этой части, адресат откровения верифицирует его как достойное доверия. В нашем примере это «покорение города» (цель), «городские стены» (видимый объект воздействия), «траектория обхождения», «музыкальные инструменты» (средства). Коды второй части, наоборот, несут в себе новую информацию. Они понятны с точки зрения деятельности, к которой призывают, и результата, который должен быть достигнут. Но в остальном они фиксируют разрыв с привычными понятиями о закономерностях. В нашем примере это соотнесение цели со средствами

для ее достижения. Подобная топология кодов соотносима с семиотическими кодами получения нового научного знания. Но там первая часть кодов верифицируется принятым (выбранным) на данный момент типом научной картины мира, научной парадигмы [12], а вторая часть (в терминах ученого: «аномалии» и «кризисы») верифицируется результатами научных опытов и выводами формальной (или иной) логики. Коды откровения в своей первой части верифицируются культурно-религиозным контекстом. А вот во второй своей части они не верифицируются в строгом понимании. Главным фактором их инкорпорации к существующим кодам выступает вера. Во-первых, вера в Бога как Автора откровения, во-вторых, доверие к авторитету получателя (и транслятора) откровения. «Верю, чтобы понимать» (Аврелий Августин) [13]. Таким образом, в таблице кодов получателя (адресата) откровения происходит два процесса: приращение новых кодов и их присвоение, что в совокупности перестраивает таблицу кодов, рождается новая практика, что в итоге приводит к творческой трансформации религиозной парадигмы.

Выполненный анализ показывает, что трансформационный потенциал заложен в саму природу религиозного откровения. Его предназначение, говоря языком семиотики, – переписать существующие религиозные коды, наполнить их новым смыслом. Обновленные смыслы запускают процессы преобразования ценностных ориентиров, что в итоге приводит к изменениям в религиозной и культурной практике. Напомним, что все авраамические религии своим появлением обязаны тому, что божественное откровение призвало через пророков разорвать связь с наличной традицией и создавать новые религиозные коды в русле содержания откровения.

История развития этих религий указывает на закономерную последовательность этапов, которые завершаются догматическим закреплением лежащих в основании религий откровений. Догматика по своей сути тождественна завершенности. Ей чужды изменения и новшества. Возникает диалектическое противоречие между природой откровения и природой догматики, оформляющей это откровение. Но откровение всегда первично по отношению к догматике. Следовательно, появление нового откровения (внутри религиозной традиции или за ее пределами) по необходимости запустит трансформационные механизмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чертов Л. Ф. Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. М.: Языки славянской культуры, 2014.
2. Прилуцкий А. М. Семиотическое пространство религиозного дискурса как предмет религиозноведческого исследования: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / ЛГУ им. А. С. Пушкина. СПб., 2008.
3. Карачаева Н. С. Этнокультурная специфика семиотической модели пророчества (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук / Кемер. гос. ун-т. Кемерово, 2024.
4. Фомин А. Г., Карачева Н. С. Когнитивная природа языковых средств репрезентации образа Иисуса Христа в христианской и исламской традициях // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 687–690.
5. Исход, 20: 1–17 // Библия.
6. Ребриков Д. В. Редактирование генома человека // Вестн. РГМУ. 2016. № 3. С. 4–15.
7. Марков А. В. Откровение как нарратив в новейшей философской дискуссии // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8 (38), № 4. С. 111–120. DOI: 10.23683/2227-8656.2019.4.12.
8. Евангелие от Иоанна, 8: 3–11 // Библия.

9. Карягин К. М. Шакьямуни (Будда). Его жизнь и религиозное учение: библиографический очерк. Томск, М.: ТомСувенир. НАТЕ, 2011.
10. Евангелие от Марка, 1: 22 // Библия.
11. Иисус Навин, 6 : 1–20 // Библия.
12. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. З. Налетова. М.: Изд-во «АСТ Москва», 2009.
13. Таранов П. С. 106 философов. Жизнь. Судьба. Учение: в 2 т. Симферополь: Таврия, 1995.

Информация об авторе.

Погасий Всеволод Анатольевич – аспирант кафедры религиоведения Казанского (Приволжского) федерального университета, ул. Кремлевская, д. 18, Казань, Республика Татарстан, 420008, Россия. Автор 14 научных публикаций. Сфера научных интересов: семиотика, семиотика религии, семиотика неопротестантизма.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 01.12.2024; принята после рецензирования 11.04.2025; опубликована онлайн 22.09.2025.

REFERENCES

1. Chertov, L.F. (2014), *Znakovaya prizma. Stat'i po obshchei i prostranstvennoi semiotike* [The Iconic Prism. Articles on General and Spatial Semiotics], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS.
2. Prilutsky, A.M. (2008), "The semiotic space of religious discourse as a subject of religious research", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, Pushkin Leningrad State Univ., SPb., RUS.
3. Karachayeva, N.S. (2024), "Ethnocultural specifics of the semiotic model of prophecy (on the mat-screen of Russian and English)", Can. Sci. (Philology) Thesis, Kemerovo State Univ., Kemerovo, RUS.
4. Fomin, A.G. and Karacheva, N.S. (2021), "Cognitive characteristics of Jesus Christ's representation in the Christian and Islamic tradition", *Cognitive Studies of Language*, no. 3 (46), pp. 687–690.
5. "Exodus 20:1-17", *The Bible*.
6. Rebrikov, D.V. (2016), "Human genome editing", *Bulletin of RSMU*, no. 3, pp. 4–15.
7. Markov, A.V. (2019), "Revelation as a narrative in a recent philosophical discussion", *Humanities of the South of Russia*, vol. 8 (38), no. 4, pp. 111–120. DOI: 10.23683/2227-8656.2019.4.12.
8. "The Gospel of John 8:3–11", *The Bible*.
9. Karyagin, K.M. (2011), *Shak'yamuni (Budda) Ego zhizn' i religioznoe uchenie: bibliograficheskii ocherk* [Shakyamuni (Buddha). His life and religious teaching: bibliographic essay], TomSuvenir, NATE, Tomsk, Moscow, RUS.
10. "The Gospel of Mark 1:22", *The Bible*.
11. "Joshua, 6:1-20", *The Bible*.
12. Kuhn, T. (2009), *The structure of scientific revolutions*, Transl. by Naletov, I.Z., Izd-vo "AST Moskva", Moscow, RUS.
13. Taranov, P.S. (1995), *106 filosofov. Zhizn'. Sud'ba. Uchenie* [106 philosophers. Life. Fate. The teaching], in 2 vols., Tavriya, Simferopol', UKR.

Information about the author.

Vsevolod A. Pogasiy – Postgraduate at the Department of Religious Studies, Kazan Federal University, 18 Kremlevskaya str., Kazan, Republic of Tatarstan 420008, Russia. The author of 14 scientific publications. Area of expertise: semiotics, semiotics of religion, semiotics of neo-Protestantism.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 01.12.2024; adopted after review 11.04.2025; published online 22.09.2025.

Оригинальная статья
УДК 1:111.6; 1:14; 2-18
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-4-28-37>

Проблема экзистенциального отчуждения и пути его преодоления

Диана Владимировна Прокофьева

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
Janis-maverick@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9034-8139>*

Введение. В статье рассматривается экзистенциальное отчуждение как вневременной феномен, затрагивающий каждого человека, поскольку наше бытие связано с дихотомиями человеческого существования: жизнь и смерть, ограниченность бытия и одиночество. Экзистенциальное отчуждение выходит за пределы исторических и социальных контекстов, касаясь мировоззренческих поисков смысла жизни и этических идеалов.

Методология и источники. Автор применяет методы анализа философских концепций, синтеза, феноменологический и религиозно-философский подходы. Выполненный анализ опирается на работы экзистенциальных мыслителей, а также философов-персоналистов, таких как С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, А. Камю, Э. Мунье, Ж. Лакруа и других с акцентом на диалектику отчуждения и вовлечения.

Результаты и обсуждение. Исходным постулатом является понимание человека не только как социального существа, но и духовного, обладающего свободой и способностью выбора. Рассматривая экзистенциальное отчуждение через призму философии С. Кьеркегора, А. Камю и М. Хайдеггера, мы выявляем, что отчуждение возникает в процессе осознания несоответствия между внутренними экзистенциальными поисками и социальной инерцией. Камю описывает отчуждение как абсурд, вызванный несоответствием ожиданий и реальности, а М. Хайдеггер подчеркивает важность осознания собственного присутствия в мире. В противоположность этому вовлечение, как обозначено философами-персоналистами, связано с активной коммуникацией с другими людьми и стремлением к преодолению отчуждения через открытость и подлинную взаимосвязь, которые также обозначаются через термин «присутствие». Э. Мунье подчеркивает, что вовлеченность не является просто теоретической концепцией, а представляет собой творческий процесс, который способствует глубинному пониманию самого себя и мира.

Заключение. Экзистенциальное отчуждение остается актуальной проблемой, связанной с внутренними конфликтами и поиском смысла жизни. Вовлеченность, как противоположность отчуждению, требует честности, смелости и открытости. Этот процесс позволяет смягчить экзистенциальное отчуждение, способствует более глубокому пониманию себя и стремлению к внутренней целостности.

Ключевые слова: отчуждение, экзистенциальное отчуждение, вовлечение, экзистенциализм, персонализм, личность, присутствие, отчаяние

Для цитирования: Прокофьева Д. В. Проблема экзистенциального отчуждения и пути его преодоления // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 4. С. 28–37. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-28-37.

© Прокофьева Д. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The Problem of Existential Estrangement and Ways of Its Overcoming

Diana V. Prokofyeva

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
janis-maverick@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9034-8139>*

Introduction. This article explores existential estrangement as a timeless phenomenon that affects every individual, as our existence is intertwined with the dichotomies of human life-life and death, the limitations of being, and solitude. Existential estrangement transcends historical and social contexts, addressing the quest for life's meaning and ethical ideals.

Methodology and sources. The author employs methods of philosophical analysis, along with phenomenological and religious-philosophical approaches. The analysis draws on the works of existential thinkers such as Søren Kierkegaard, Martin Heidegger, Albert Camus, Emmanuel Mounier, Jean Lacroix and others, with a focus on the dialectic of estrangement and involvement.

Results and discussion. The starting point is the understanding of a person not only as a social being but also as a spiritual one, endowed with freedom and the ability to make choices. By examining existential estrangement through the philosophy of Kierkegaard, Camus, and Heidegger, it becomes clear that estrangement arises from the realization of the mismatch between internal existential quests and social inertia. Camus describes estrangement as the absurd, caused by the discrepancy between expectations and reality, while Heidegger emphasizes the importance of awareness of one's own presence in the world. In contrast, involvement, as articulated by personalist philosophers, is linked to active communication with others and the desire to overcome estrangement through openness and genuine interconnectedness, often referred to as "presence." Emmanuel Mounier underscores that involvement is not just a theoretical concept but a creative process that fosters a deeper understanding of oneself and the world.

Conclusion. Existential estrangement remains a relevant issue connected to internal conflicts and the search for life's meaning. Involvement, as the opposite of estrangement, requires honesty, courage, and openness. This process helps mitigate existential estrangement, facilitates a deeper understanding of oneself, and promotes the pursuit of inner integrity.

Keywords: estrangement, existential estrangement, engagement, existentialism, personalism, person, presence, despair

For citation: Prokofyeva, D.V. (2025), "The Problem of Existential Estrangement and Ways of Its Overcoming", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 4, pp. 28–37. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-28-37 (Russia).

Введение. Отчуждение представляет собой многогранный феномен, и в разные времена философы и мыслители рассматривали различные аспекты этого явления и пытались отыскать пути его преодоления. Данную работу решено было посвятить экзистенциальному отчуждению человека, а также тем его видам и проявлениям, с которыми индивид может сталкиваться в своей жизни. Рассмотрим также диалектику экзистенциального отчуждения и вовлечения как его антитезы.

Э. Фромм, говоря о человеке как существе, обладающем разумом, отмечает что эта особенность «лишила» нас гармоничного природного существования, свойственного животным. Человек сталкивается с экзистенциальными дихотомиями, которые свойственны ему

по самому факту его существования и принадлежности к человеческому роду. Первой и самой важной из них Фромм называет дихотомию жизни и смерти, которая влечет за собой следующую, заключающуюся в невозможности реализации всех заложенных потенциальных способностей (из-за ограниченности человеческой жизни), и третья относится к одиночеству, отдельности человека и одновременно его тесной связи с другими [1, с. 417–421]. Все это осознается и проживается человеком, вызывает определенные реакции, а также требует некоего личного ответа. Мы обозначаем проблему экзистенциального отчуждения как выходящую за пределы исторического и социального контекста, поскольку она связана с размышлениями над смысложизненными и морально-нравственными вопросами через религиозные и мировоззренческие поиски и практики, через осознание несоответствия между провозглашаемыми этическими эталонами и реальным опытом жизни. С этими проблемами сталкивается каждый человек на протяжении своего существования, и потому тема исследования представляется нам актуальной и важной. Невозможность дать однозначно правильные ответы, которые могли бы быть подтверждены наукой или практикой социальной жизни, делают экзистенциальные искания личными, персональными, творческими, не терпящими унификации.

Методология и источники. В своей работе мы используем метод сравнительного анализа, историко-философский подход, феноменологический метод. Выполненной в статье анализ опирается на работы экзистенциальных мыслителей, а также философов-персоналистов, начиная с С. Кьеркегора, и далее обращается к крупным философам XX в. – М. Хайдеггеру, Г. Марселью, Э. Мунье, Ж. Лакруа, А. Камю и другим.

Результаты и обсуждение. Понимание человека не только как «общественного животного», зависящего от социальных рамок и установок, но и существа духовного, и потому обладающего свободой – наш исходный постулат. Очевидно, что господствующие в социуме нормы и модели поведения усваиваются нами и зависят от конкретной эпохи, культуры, страны, семьи и т. д. Однако *способность* выбора, осмысление тех или иных своих действий, вопрошание и потребность в духовном поиске мы рассматриваем как априорные данности личности. Они могут быть атрофированы, неразвиты в человеке, однако в нашем понимании человека их не может не быть вовсе. То есть, обращаясь к концепции С. Кьеркегора, мы говорим, что человек может быть открытым или закрытым к этим внутренним вопрошаниям, может быть готов или не готов честно увидеть их внутри себя, *услышать* внутри себя эти вопросы и, как следствие, перестать двигаться по социальной инерции [2]. Мы рассматриваем человека как личность (*persona*), но не как замкнутую «самодостаточную» клеточку или некий итоговый, готовый социальный продукт, а как «открытость не только другим, но и миру», находящуюся в постоянном движении, ведь «личность не является абсолютом, личность – это отношение» [3, с. 31–32]. Именно из этой исходной точки и начнем свое рассуждение.

Человек – это тот, кто находится, пребывает в своем существовании, по словам М. Хайдеггера, «Эк-зистенция может быть присуща только человеческому существу, т. е. только человеческому способу “бытия”; ибо одному только человеку, насколько мы знаем, доступна судьба эк-зистенции», и тут же философ дает красивую формулировку: «Стояние в просвете бытия я называю эк-зистенцией человека» [4]. Индивид, стремящийся жить, *при-*

существовать в бытии, пробуждается от рутины, от того существования, которое проходит так, «как принято» или как должно, хотя и без собственного осознания происходящего и без вовлеченности в него. Важно заметить, что вовлечение не должно подменяться замещением собственной жизни проживанием жизней других людей: «...растворение в людях и при озаботившем “мире” обнажает нечто подобное бегству присутствия от самого себя как умения быть собственно собой. Этот феномен бегства присутствия от самого себя и своей собственности кажется однако все-таки наименее приспособлен служить феноменальной почвой для последующего разыскания. В этом бегстве присутствие ведь как раз не ставит себя перед самим собой. Отшатывание ведет по самому своему ходу падения прочь от присутствия» [5, с. 213]. Собственное бытие начинается всегда с Я, с осознания и признания ценностей своей индивидуальной жизни, возможности взглянуть на них и увидеть. Противоположная тенденция, заключающаяся в том, чтобы слиться с другим человеком, жить его потребностями, пусть даже «ему во благо», говорит о закрытости и неготовности по-настоящему увидеть в себе личность. Это похоже на попытки спрятаться от себя и раствориться в чем угодно (в деятельности или человеке), лишь бы закрыться от вопроса собственного присутствия в мире.

С определенного возраста у ребенка, затем и подростка возникают вопросы о самом себе, своем месте в этом мире, смысле своего существования и прочие. Частичным ответом на них могут стать заданные или выбираемые в процессе взросления и становления социальные роли или определение и реализация собственного потенциала, но все же, если быть внимательными, нельзя не заметить разделенности человека с окружающим миром, другими людьми, внутреннего разлада с собой, от которых никакая социальная реализация не спасает полностью. Рутинная, обыденность, безостановочное потребление (не обязательно связанное исключительно с материальным производством) захватывают внимание человека, погружают в состояние успокоенности, уверенности в происходящем. Даже если чисто внешне действительность нестабильна, и появляются требующие участия и решения проблемы, человек все равно может быть убежден в правильности проживаемой жизни, т. е. что жизнь протекает *как надо*, она наполнена событиями и смыслом, что дает ощущение важности происходящего. И, как пишет С. Кьеркегор, «возможно, даже не будет заметно, что в более глубоком смысле этому человеку не хватает Я. ... Худшая из опасностей – потеря своего Я – может пройти у нас совершенно незамеченной, как если бы ничего не случилось. Ничто не вызывает меньше шума – никакая другая потеря – ноги, состояния, женщины и тому подобного – не замечается столь мало» [6, с. 270]. Размышляя в том же русле, А. Камю замечает, что при внимательном подходе к собственной жизни человек может увидеть, как один день, по своей сути, перестает отличаться от другого, за исключением, быть может, наполнения внешними событиями. Но и они больше напоминают круги, идущие по поверхности воды и не затрагивающие глубины. Постепенно иллюзии человека разрушаются, и внезапно он сталкивается с тем, что реальность расходится с представлениями о ней, и мир «превращается» в чужой и непонятный. Такое разделение А. Камю называет абсурдом, который мы обозначаем как одно из проявлений экзистенциального отчуждения, а именно – мировоззренческое или смысложизненное.

Рассуждая о феномене абсурда, А. Камю представляет его в виде спирали или лестницы вниз, каждая ступень которой характеризуется все нарастающим напряжением, и одновре-

менно с этим усиливается отчуждение человека от различных аспектов собственного бытия. Первый «знак абсурдности» связан с обозначенной уже рутиной, которая захватывает человека и погружает в обыденность. Это наша принадлежность времени, зависимость от завтрашнего дня, постоянная устремленность в эфемерное будущее, которое может и не наступить; время остается недружественным человеку, а предстает как его «злейший враг», ведь оно каждым мгновением приближает нас к смерти [7, с. 230]. Несостыковка ожиданий и реальности заставляет как бы отрекаться от наступившего «будущего», которое так не соответствует чаяниям. Вторая ступень, на которую спускается философ, исследуя атмосферу абсурда, – разобщенность человека и мира, в котором он живет, отделенность от природы, ее независимость от нас и восприятие ее как фона нашей собственной жизни. Окружающая реальность оказывается как бы недружественной индивиду, он ощущает отсутствие сопричастности миру и, подобно чужеродному элементу, «выталкивается» из нее. Третья ступень, напряжение которой наиболее остро, – это «отвращение, вызванное бесчеловечностью самого человека, пропасть, в которую мы низвергаемся, взглянув на самих себя, эта “тошнота”, как говорит один современный автор, – это тоже абсурд» [7, с. 231], человек как бы теряет самого себя. Отторжение, чувство изолированности, ощущение своей инаковости, которые в конечном итоге выливаются в неприятие себя и желание побега из этой давящей действительности. Из всех этих проявлений отчуждения, по А. Камю, необходимо сделать выводы, а также найти выход из этой абсурдности. По мнению мыслителя, на протяжении истории человек видит эту раздвоенность и «разрывается» в ней: «с одной стороны, он стремится к единству, а с другой – ясно видит те стены, за которые не способен выйти» [7, с. 237]. Бегство от абсурда или самоубийство как радикальное несогласие с тем, что невозможно изменить, А. Камю не приемлет, и потому в его понимании остается принятие факта абсурдности и бунт против нее. Даже кажущиеся бесполезными действия, этот «сизифов труд», важны для самого человека, для его внутренней победы над самим собой и обстоятельствами.

Вовлечение (или вовлеченность, от фр. – l'engagement) человека в экзистенциальную и социальную действительности, обозначенное французскими персоналистами, на первый взгляд сродни бунту, о котором писал А. Камю. Однако персоналист Э. Мунье утверждал, что бунт как деятельность, заведомо обреченная на провал или не имеющая результата, будет тяготеть к бесплодному аристократизму: «Но неистовая деятельность, лишенная надежды на успех, может увлечь лишь испытанное меньшинство, презиравшее все и вся. Она по сути своей неспособна дать импульс к жизни и внушить хотя бы малую надежду на успех, столь необходимые для осуществления грандиозных замыслов и формирования масштабных объединений» [8, с. 104]. Она представляет собой некий «удел избранных», сильных духом и, возможно, даже не оглядывающихся по сторонам людей, которые, тем не менее, остаются в своей отчужденности. В этой позиции мы видим явное расхождение персоналистов с экзистенциалистами. Мунье не признавал абсолютной обреченности мира, которую провозглашали последние, и в рамках которой бесполезны любые усилия и действия, поскольку они лишены надежды. Такой взгляд на проблему не способствует настоящему вовлечению. Тесно связывая между собой понятия «персоналистский» и «общественный», Э. Мунье подчеркивал важность коммуникации и взаимопонимания людей, в то время как абсурдный человек остается отчужденным и кажется даже весьма довольным этим фактом, ибо с другой стороны

он чувствует собственную исключительность. И здесь опять проступает важное отличие философии вовлечения, следуя которой человек не остается в изоляции и не оставляет в ней другого, который, возможно, не способен в этот момент, к примеру, попросить о помощи.

В религиозно-философской мысли также есть рассуждения о феномене отчуждения, которое рассматривается как наступившая вследствие греха утрата связи с Богом как источником и началом всякой жизни, творческой созидающей энергией. Эта отчужденность от Абсолюта является исходной и влечет за собой трагические для личности последствия, которые переживаются как потеря себя, одиночество, тоска, изолированность и оторванность от окружающего мира и других людей, чувства собственной инаковости и исключительности, невозможность искренней бескорыстной деятельной любви (имеется в виду понимание любви как агапе – ἀγάπη и филии – φιλία), и т. д. Вот что об этом говорит нравственное богословие: «Утрата благодатных даров ведет личность к отчуждению в области межличностных отношений и к внутреннему обеднению, которое человек в случае одержимости страстью гордости пытается компенсировать путем достижения внешнего превосходства над всеми, кто его окружает. Поэтому отчуждение личности и ее установку на соперничество также следует считать важнейшими последствиями греха» [9]. То есть, с точки зрения религиозного (христианского) подхода то, что было уже нами обозначено как отчаяние и мировоззренческое отчуждение, является прямым следствием религиозного отчуждения как разъединенности с Богом и попыток управлять жизнью самостоятельно, подчинить все события ее собственному видению и сценарию. Важно отметить, что отказ от Бога в данном случае – это не просто этическая или мировоззренческая позиция, а экзистенциальная установка, исходная для мыслей и действий индивида, лежащая в основе того или иного совершаемого выбора. Согласно данному религиозному взгляду, оказываясь отсоединенным от Источника Жизни, человек сам не в состоянии каким-либо образом восполнить эту утрату, и поэтому начинает разрушаться. Несмотря на множество предлагаемых социумом способов замаскировать такое состояние и отвлечься от него, пройти мимо и сделать вид, что оно вовсе не касается человека и как бы не существует, индивид может попытаться честно его увидеть и выйти на новую ступень, встать перед самим отчаянием.

По мнению С. Кьеркегора, феномен отчаяния присутствует в каждом человеке изначально, он есть наша данность: «...никто не свободен от отчаяния; нет никого, в ком глубоко внутри не пребывало бы беспокойство, тревога, дисгармония, страх перед чем-то неизвестным или перед чем-то, о чем он даже не осмеливается узнать, – страх перед чем-то внешним или же страх перед самим собой» [6, с. 262]. Выходит, это состояние может лишь проявиться в определенный период времени, и потому нам может показаться, что отчаяние *наступило* или *настигло* нас, однако на самом деле оно лишь стало очевидным, т. е. отчетливо проявилось в нашей жизни и стало неизбежностью [6, с. 265]. Это то отчаяние, что у А. Камю представлено в виде пика «спирали» абсурда или самой последней его ступени – в отчуждении человека от самого себя, этом глубоком внутреннем разломе, который невозможно починить, склеить или чем-либо заполнить. Из-за полярности мировоззренческих позиций авторов там, где человек, по С. Кьеркегору, находит для себя отправную точку, у А. Камю он оказывается в тупике безысходности. Стоит сделать акцент на том, что такое отчаяние – не психологическая эмоция или состояние отчаяния-слабости, подавляющее человека. Они

равным образом вполне человеческие, и их С. Кьеркегор также обозначает и описывает, однако как не имеющие ничего общего с подлинным «отчаянием относительно вечности», которое пробуждает человека к реальному бытию и утверждению себя через честное присутствие, стояние перед Богом. По мысли С. Кьеркегора, движение по преодолению отчуждения возможно только когда человек пытается быть самим собой, не надевая маску и не стремясь стать или казаться «другим Я», – пусть даже правильным, благочестивым, «хорошим», религиозным, общественно одобряемым. Встреча «лицом к лицу» с отчаянием хотя и становится для человека чистым напряжением, но именно она дает возможность выхода на путь познания и обретения себя, подлинной жизни и, главное – восстановления живой и настоящей связи с Богом, ибо «недостаток Бога – это недостаток Я» [6, с. 276]. И возможным это ощущение существования Бога, обретения вечности, познания настоящего себя как «Я» становится только «по ту сторону отчаяния». Следуя Кьеркегору, можно выделить два пути приближения к божественному. Первый – это внутренняя внимательность, которая возможна в проживании индивидом настоящего момента, когда в повседневном становится возможно увидеть отблески вечности, в доверии воле Бога. Второй путь предполагает озадаченность (удивление) и благоговение (тишина) перед бесконечностью мира и тем, как эта бесконечность может отражаться в конечном человеке, перед поиском неизвестного первоначала бытия [10, р. 93–94].

Похожую идею мы встречаем у Г. Марселя, – он писал о *присутствии*, которое помогает нам раскрывать самих себя через открытость Другому, составляющую подлинный экзистенциальный опыт [11, с. 213–215]. Безусловно, речь не о простом физическом присутствии в одном помещении или совместном участии в каком-то событии, а об искреннем движении навстречу Другому, о единении, готовности отдавать, интересубъективности, что противоположно «ирреальной коммуникации», остающейся на уровне формальности и закрытости и способствующей не только отчуждению человека от Другого, но и от самого себя [11, с. 214]. Смысл в том, что мы перестаем воспринимать человека как Чужого или «одного из», а желаем увидеть в нем своего ближнего, что принципиально невозможно через социальные связи, установки и т. д., о чем писали и С. Кьеркегор, и позже в контексте персоналистских идей П. Рикёр [12, с. 128]. И поскольку речь идет о личностях, то такое обновляющее присутствие и истинная коммуникация возможны не только между людьми – другим может выступать и Бог, что позволяет индивиду через открытость божественному глубже открываться и для самого себя: «Раз пережив опыт вторжения божественного присутствия, человек начинает как бы жить в ответ на это вторжение, т. е. старается созидать открытость по отношению к другим, тем самым проявляя верность Присутствию» [13]. То есть человек оказывается в области света в том смысле, что прежде сокрытое и неизвестное для него, в том числе в самом себе, становится как бы высвечиваемым, видимым. Бог всегда, априорно открыт навстречу человеку и ждет его, человек же волен ответить на эту открытость и окунуться в сферу свободы, или же закрыться от нее и отринуть даже самую подобную мысль. При этом Бог для Г. Марселя не абстрактная идея, а Личность, которая при всей своей трансцендентности и как следствие полной непостижимости, тем не менее постигается человеком через таинственный опыт проживания Его присутствия и выстраивания личных с Ним отношений. Бытийствование – это тоже выбор, и человек, оставаясь

свободным существом, может решать, хочет ли он и готов ли он узнавать себя, творчески раскрываться в своем бытии, прорываться из сферы объектов и обладания в сферу подлинного бытия [14, с. 44]. Как мы отмечали, это требует честности, смелости и мужества, а также готовности и решительности, которые могут стать ответом на состояние отчуждения и непосредственную встречу с собственным отчаянием.

Но если диалог с Богом – это нечто, выглядящее в глазах «обычного человека», не имеющего подобного опыта, непонятным, абстрактным, сложным, то феномены дружбы, любви и творчества знакомы большей части людей, а суть их – в той же открытости, и направлены они также на раскрытие другого и себя. По словам Э. Мунье, «Личность существует только в своем устремлении к “другому”, познает себя только через “другого” и обретает себя только в “другом”. Первичный опыт личности – это опыт “другой” личности. Ты, а в нем и Мы предшествует Я или, по меньшей мере, всегда сопровождают Я» [15, с. 479]. Все это позволяет выходить за пределы мира объектов, преодолевать изолированность и одиночество, быть в живой коммуникации и через посредство этого пребывать в творческом самораскрытии, быть живым и становиться собой в самом возвышенном смысле слова. По словам В. Франкла, «человек всегда стремится выйти за пределы своей личности, тянется к чему-то большему, будь то предназначение, которое ему нужно исполнить, или любовь к другому человеку» [16, с. 11]. И чем сильнее это раскрытие, тем больше человек становится понятным для самого себя, он обретает себя в этом служении и отдавании себя чему бы то ни было, в отказе от эгоистической замкнутости на своей самости. Но, повторимся, что здесь недопустим отказ от себя как уникальной личности и растворение в другом.

Заключение. Обозначая проблему экзистенциального отчуждения как существующую вне времени, и потому не теряющую актуальности для человека, мы противопоставили ему феномен вовлечения, обозначенный философами-персоналистами. Для представителей персонализма исходный постулат состоит в том, что человек не существует в мире изолированно, а составляет единство с другими, что способно дать силы к преодолению отчужденного состояния. Для возвращения в себе такого понимания необходима *практика* вовлечения, основанная на стремлении к единению с другими людьми через равнодушие, искреннее желание увидеть в другом не просто человека, находящегося в той или иной ситуации, а, пользуясь пониманием С. Кьеркегора, «Другого» как «Ты», что представляет собой процесс, в который человек остается включенным на протяжении всей жизни. Такого рода соединение с другими как действие или, лучше сказать, как творческая деятельность, – есть то, что характеризует вовлечение не просто как полезную философскую концепцию, а как деятельностный образ жизни, который способствует более глубокому раскрытию и пониманию человеком самого себя. Такой выход за собственные рамки всегда непрост, свободен, а потому может быть сопряжен и с тревогой, но, с другой стороны, этот опыт обогащает, позволяет укрепляться и возрастать, и постепенно выходить из состояния экзистенциального отчуждения. Это творческий процесс, направленный не просто на познание или изменение окружающей действительности, но и на деятельностное преобразование себя. Персоналисты отмечают, что сущность человека современного мира как бы раздроблена на составные части, и своей задачей они ставят работу по восстановлению этой целостности. Безусловно, это требует от личности честности, открытости, мужества, а также некоторого смирения, выражающегося в готовности попросить о помощи и самому при необходимости ее оказать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фромм Э. Бегство от свободы: человек для себя / пер. с англ. Д. Н. Дудинского. Минск: Попурри, 1998.
2. Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. М.: Республика, 1993.
3. Лакруа Ж. Избранное. Персонализм / пер. с фр. И. И. Блауберг, И. С. Вдовиной, В. М. Володина. М.: РОССПЭН, 2004.
4. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / пер. с нем. В. В. Бибихина. URL: https://phil.ulstu.ru/files/studentam/2.2_haid_hum.pdf (дата обращения: 01.06.2025).
5. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003.
6. Кьеркегор С. Болезнь к смерти // Страх и трепет / пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. М.: Республика, 1993. С. 249–304.
7. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов / под общ. ред. А. А. Яковлева. М.: Изд-во полит. литературы, 1990. С. 222–318.
8. Мунье Э. Что такое персонализм? / пер. с фр. И. С. Вдовиной. М.: Изд-во гуман. литературы, 1994.
9. Архим. Платон. Православное нравственное богословие. 1994 // Азбука Веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Platon-Igumnov/pravoslavnoe-nravstvennoe-bogoslovie-igumnov/6_20 (дата обращения: 01.06.2025).
10. Vaškovic, P. A path to authenticity: Kierkegaard and Dostoevsky on existential transformation // Int. J. for Philosophy of Religion. 2020. Vol. 87, iss. 1. P. 81–108. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11153-019-09732-z>.
11. Марсель Г. Присутствие и бессмертие. Избранные работы / пер. с фр. В. П. Визгина. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2007.
12. Рикёр П. Социус и ближний // История и истина / пер. с фр. И. С. Вдовиной, А. И. Мачульской. СПб.: Алетейя, 2002. С. 116–129.
13. Шахова Д. С. Феномен «присутствия» в философии Габриэля Марселя. 2022 // Academia. URL: https://www.academia.edu/87503282/Феномен_присутствия_в_философии_Габриэля_Марселя (дата обращения: 01.06.2025).
14. Гусейнов Ф. И. Присутствие как со-бытийствование в философии Габриэля Марселя // Научный результат. Социальные и гуманитарные исслед. 2023. Т. 9, № 1. С. 41–49. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-3.
15. Мунье Э. Персонализм // Манифест персонализма / пер. с фр. И. С. Вдовиной. М.: Республика, 1999. С. 459–523.
16. Франкль В. Э. Страдания от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия / пер. с нем. С. С. Панкова. Новосибирск: Изд-во СПб. ун-та, 2015.

Информация об авторе.

Прокофьева Диана Владимировна – кандидат философских наук (2012), доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, феноменология, проблема отчуждения, экзистенциальная философия, персонализм, критическая теория общества, философская антропология.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 03.06.2025; принята после рецензирования 25.06.2025; опубликована онлайн 22.09.2025.*

REFERENCES

1. Fromm, E. (1998), *Escape from Freedom. Man for Himself*, Transl. by Dudinskii, D.N., Popurri, Minsk, BLR.
2. Kierkegaard, S. (1993), *Frygt Og Bæven*, Transl. by Isaeva, N.V. and Isaev, S.A., Respublika, Moscow, RUS.
3. Lacroix, J. (2004), *Izbrannoe: Personalizm* [Selected Works: Personalism], Transl. by Blauberg, I.I., Vdovina, I.S. and Volodin, V.M., ROSSPEN, Moscow, RUS.
4. Heidegger, M. (n.d.), *Über den Humanismus*, Transl. by Bibikhin, V.V., available at: https://phil.ulstu.ru/files/studentam/2.2_haid_hum.pdf (accessed 01.06.2025).
5. Heidegger, M. (2003), *Sein und Zeit*, Transl. by Bibikhin, V.V., Kharkov, Folio, UKR.
6. Kierkegaard, S. (1993), "Sygdommen til Døden", *Frygt Og Bæven*, Transl. by Isaeva, N.V. and Isaev, S.A., Respublika, Moscow, RUS, pp. 249–304.
7. Camus, A. (1990), "Le Mythe de Sisyphe", *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods], in Yakovlev, A.A. (ed.), *Izd-vo politicheskoi literatury*, Moscow, RUS, pp. 222–318.
8. Mounier, E. (1994), *Qu'est-Ce Que Le Personnalisme?* Transl. by Vdovin, I.S., *Izd-vo gumanitarnoy literatury*, Moscow, RUS.
9. Arkhim. Platon (1994), "Orthodox Moral Theology", *Azbuka Very*, available at: <https://azbyka.ru/otechnik/Platon-Igumnov/pravoslavnoe-nravs> (accessed 01.06.2025).
10. Vaškovic, P. (2020), "A path to authenticity: Kierkegaard and Dostoevsky on existential transformation", *Int. J. for Philosophy of Religion*, vol. 87, iss. 1, pp. 81–108. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11153-019-09732-z>.
11. Marcel, G. (2007), *Présence et immortalité*, Transl. by Vizgin, V.P., St. Thomas Institute of Philosophy, Theology and History, Moscow, RUS.
12. Ricoeur, P. (2002), "Le socius et le prochain", *Histoire et vérité*, Trans. by Vdovina, I.S. and Machul'skaya, A.I. Aleteiya, SPb., RUS, pp. 116–129.
13. Shakhova, D.S. (2022), "The Phenomenon of 'Presence' in the Philosophy of Gabriel Marcel", *Academia*, available at: https://www.academia.edu/87503282/Феномен_присутствия_в_философии_Габриэля_Марселя (accessed 01.06.2025).
14. Guseynov, F.I. (2023), "Presence as co-existence in the philosophy of Gabriel Marcel", *Research Result. Social Studies and Humanities*, vol. 9, no. 1, pp. 41–49. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-3.
15. Mounier, E. (1999), "Personnalisme", *Manifeste au service du personnalisme*, Transl. by Vdovina, I.S., Respublika, Moscow, RUS, pp. 459–523.
16. Frankl, V.E. (2015), *Das Leiden am Sinnlosen Leben. Psychotherapie für heute*, Trans. by Pankov, S.S., Sibirskoe universitetckoe izd-vo, Novosibirsk, RUS.

Information about the author.

Diana V. Prokofyeva – Can. Sci. (Philosophy, 2012), Associate Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 30 publications. Area of expertise: social philosophy, phenomenology, the problem of alienation, existentialism, personalism, critical theory, philosophical anthropology.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 03.06.2025; adopted after review 25.06.2025; published online 22.09.2025.

Оригинальная статья

УДК 130.2:008

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-4-38-47>

Билингвизм как категория культурфилософского анализа

Любовь Сергеевна Московчук¹✉, Олег Николаевич Гусев²

¹Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

²Независимый исследователь

¹✉ ismoskovchuk@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0756-4189>

²spokapitel@yandex.ru

Введение. Растущее число билингвов в мире связано с активными процессами глобализации, интенсификации межкультурных контактов и миграционных процессов, вызванных различными причинами. Культурфилософский анализ билингвизма позволит определить его влияние на культуру, идентичность и межкультурную коммуникацию, а также использовать эмпирические данные для исследования взаимосвязи языка, культуры, социальных структур и мышления.

Методология и источники. Исследование направлено на экспликацию понятия билингвизма в контексте философии культуры. Для этого были проанализированы исследования билингвизма в лингвистике, философии и культурологии с использованием контент-анализа, метаанализа и нарративного подхода. Методологической базой послужили принципы экзистенциального анализа, герменевтики и критической теории.

Результаты и обсуждение. Анализ разработанности проблемы в лингвистике показал отсутствие единой теории билингвизма, которое выражается в отсутствии консенсуса по базовым определениям ключевых понятий – билингвизма, переключения кодов, смешения кодов и др. Показано, что существующие классификации билингвизма целесообразнее рассматривать как типологизации, в связи с тем, что выявленные виды билингвизма имеют совпадения друг с другом и не являются строго дихотомичными. Изучение билингвизма традиционно ограничивается рамками лингвистики и психологии, фокусируясь на когнитивных процессах, усвоении языка и социолингвистических аспектах. Культурфилософский подход позволяет выйти за эти рамки и рассматривать билингвизм как феномен, затрагивающий фундаментальные вопросы онтологии, эпистемологии и аксиологии культуры.

Заключение. Концепции «Другого» Э. Левинаса, «Чужака» Г. Зиммеля и гибридности Хоми К. Бхабхи предоставляют ценные инструменты для анализа феномена билингвизма как сложного и динамичного социокультурного процесса, связанного с формированием индивидуальной и коллективной культурной идентичности. Признание диалогической природы билингвизма и учет экзистенциального опыта билингвов открывают перспективы для исследования когнитивных и социокультурных стратегий билингвальных индивидов.

Ключевые слова: билингвальный индивид, билингвизм, культурная идентичность, переключение кодов, смешение кодов, система культуры, третье пространство

Для цитирования: Московчук Л. С., Гусев О. Н. Билингвизм как категория культурфилософского анализа // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 4. С. 38–47. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-38-47.

© Московчук Л. С., Гусев О. Н., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Bilingualism as a Category of Cultural Philosophical Analysis

Lyubov S. Moskovchuk¹✉, Oleg N. Gusev²

¹*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

²*Independent researcher*

¹✉*lsmoskovchuk@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0756-4189>*

²*spokapitel@yandex.ru*

Introduction. The increasing prevalence of bilingualism worldwide is associated with ongoing globalization, heightened intercultural exchange, and migration processes driven by diverse factors. A cultural-philosophical analysis of bilingualism offers a means to evaluate its influence on culture, identity, and intercultural communication. Furthermore, it facilitates the utilization of empirical data to investigate the interrelationship between language, culture, social structures, and cognitive processes.

Methodology and sources. This study aims to elucidate the concept of bilingualism within the framework of the philosophy of culture. To this end, investigations of bilingualism across linguistics, philosophy, and cultural studies were analyzed using content analysis, meta-analysis, and a narrative approach. The methodological basis of this research rests upon principles derived from existential analysis, hermeneutics, and critical theory.

Results and discussion. The analysis of prior research on bilingualism within linguistics reveals the absence of a unified theory. This is evidenced by a lack of consensus on fundamental definitions pertaining to key concepts, such as bilingualism itself, code-switching, and code-mixing. It is posited that existing classifications of bilingualism are more appropriate to consider as typologizations, given the observed overlap and non-dichotomous nature of the identified types. While the study of bilingualism has historically been confined primarily to linguistics and psychology, with a focus on cognitive processes, language acquisition, and sociolinguistic dimensions, a cultural-philosophical approach allows for transcending these boundaries. This perspective enables the consideration of bilingualism as a phenomenon that intersects with fundamental ontological, epistemological, and axiological questions within culture.

Conclusion. The concepts of E. Levinas's "Other", G. Simmel's "Stranger" and Homi K. Bhabha's "hybridity" provide valuable analytical tools for understanding bilingualism as a complex and dynamic sociocultural process intimately linked to the formation of both individual and collective cultural identity. Recognizing the dialogic nature of bilingualism and considering the existential experience of bilinguals opens avenues for exploring the cognitive and sociocultural strategies employed by bicultural individuals.

Keywords: bicultural individual, bilingualism, cultural identity, code-switching, code-mixing, cultural system, third space

For citation: Moskovchuk, L.S. and Gusev, O.N. (2025), "Bilingualism as a Category of Cultural Philosophical Analysis", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 4, pp. 38–47. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-38-47 (Russia).

Введение. Согласно данным Института языкознания РАН на 2020 г. из 152 языков России всего 14 относятся к категории благополучных, остальные 138 находятся под угрозой исчезновения или считаются исчезающими [1]. Текущая языковая ситуация в России не является уникальной: исчезновение языков – глобальная тенденция и носит массовый харак-

тер. В связи с этим многие государства и международные организации развивают программы сохранения языкового разнообразия, так как утрата языка часто сопряжена с исчезновением культурной традиции. Потому исследования языка и языковых способностей человека выступают важной задачей не только для лингвистики и когнитивистики, но и философии культуры.

В условиях глобализации, развития межкультурных контактов и роста миграционных процессов внимание исследователей все чаще привлекает билингвизм, который становится все более распространенным явлением. Точная оценка количества билингвов затруднена в связи с различными подходами к определению самого понятия билингвизма и оценкой этой способности. Одни исследователи считают, что количество билингвов в мире достигло уже 60 % от общего числа народонаселения [2, р. 20], другие говорят о более скромных цифрах, но существующие тенденции показывают, что, каковы бы ни были абсолютные цифры, билингвизм будет только прирастать. Рассмотрение билингвизма как категории культурфилософского анализа поможет определить позитивные и негативные последствия распространения этого явления для культуры, а также прояснить понимание того, как способность использовать несколько языков для решения коммуникационных задач влияет на формирование культурной идентичности, процессы межкультурной коммуникации и исследования взаимосвязи культурной и языковой картин мира. Билингвизм как сложная комплексная способность одновременно связан с процессами мышления, интроспекции, межличностной коммуникацией, культурной компетенцией и металингвистической осознанностью, что позволяет использовать накопленные эмпирические данные для проверки существующих и выдвижения новых аргументов в сложных дискуссиях о связи языка, культуры, социальных структур и мышления.

Целью выполненного исследования выступает уточнение понятия билингвизма как категории анализа в философии культуры.

Методология и источники. Для достижения поставленной цели необходимо было обобщить, систематизировать и классифицировать существующие исследования билингвизма в лингвистике, философии и культурологии, выявить доминирующие подходы и описать их специфику. В исследовании применялся контент- и метаанализ научных публикаций с использованием нарративного подхода. В качестве методологической основы исследования использованы принципы экзистенциального анализа, герменевтической интерпретации и критической теории.

Результаты и обсуждение. Билингвизм достаточно давно привлек внимание исследователей, однако в исследовательской среде до сих пор не сложился консенсус понимания сущности и механизмов билингвизма. В широком своем значении билингвизм или двуязычие понимается как способность субъекта или народа в целом добиваться взаимопонимания на двух языках [3]. Под двуязычием Л. В. Щерба понимал способность тех или иных групп населения объясняться на двух языках, акцентируя внимание на социальной природе билингвизма: так как язык является социальной функцией, то быть двуязычным означает принадлежать одновременно к двум различным социальным группам [4], а Е. М. Верещагин определяет билингвизм как психический механизм, позволяющий воспроизводить и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым систем-

ам [5]. Не только как владение несколькими языками, но и как овладение несколькими культурами рассматривает билингвизм А. Вежбицкая [6]. Приведенные определения – малая часть из существующих в современной лингвистике, но они показывают, что билингвизм может пониматься как психологическая способность, языковой феномен, социокоммуникативная функция, социокультурное явление, что определяет основные подходы исследований: психологический, когнитивистский, лингвистический, социологический и лингвокультурный.

Не меньшую проблему в лингвистике вызывает и типологизация билингвизма. Наиболее полный обзор различных типологий представлен в ставшей классической работе Л. В. Щербы «Языковая система и речевая деятельность» [4] и работе М. М. Михайлова «О разновидностях двуязычия» [7]. Среди критериев, которые используются для различения видов билингвизма, могут быть названы: возраст усвоения второго языка (младенческий, детский, подростковый, взрослый), среда освоения (естественный и искусственный), последовательность освоения (одновременный и последовательный), уровень использования (сбалансированный, доминантный, смешанный, начальный, регрессивный и др.), частота использования (активный, пассивный, спящий), ситуация применения (максимальный; культурный – использование билингвом одного из языков только в официальной речевой ситуации; функциональный, при котором билингв использует второй язык преимущественно в определенной сфере общения) и др. В каждом отдельном случае будут идти дискуссии о точном значении критерия и границах разделения. Как указывает Agathe Tupula Kabola, взаимодействие всех этих факторов приводит к тому, что у детей из одного класса или одной семьи уровень билингвизма будет разный, развитие билингвизма будет отличаться от одного человека к другому, «и существует столько видов билингвизма, сколько существует билингвов» [2, р. 33]. На эту же особенность билингвизма указывает и Е. И. Тимошенко, отмечая пересечение типов из различных классификаций (что в общем-то и подталкивает нас к использованию термина «типология» вместо классификация применительно к существующим описаниям разных вариантов билингвизма): «рассмотрение билингва с какой-либо одной точки зрения не может быть полным. Чтобы определить особенности конкретной билингвальной языковой личности, необходимо обращение к различным подходам» [8, с. 222]. Л. В. Щерба делал акцент на прояснении разницы между чистым и смешанным двуязычием. В случае чистого билингвизма человек использует каждый язык в изолированных средах общения или в различных ситуациях, а в случае смешанного двуязычия наблюдается постоянное переключение между языками в общении. В этом случае, как отмечает исследователь, «быть может, даже было бы неточно сказать, что люди, о которых идет речь, знают два языка: они знают только один язык, но этот язык имеет два способа выражения, и употребляется то один, то другой» [9, с. 40].

Исследование механизмов реализации билингвизма привело к выделению и описанию специфических явлений в речевом поведении: переключение и смешение кодов. В данном случае также можно выделить четыре базовых подхода: психо-когнитивистский (исследуются психические и когнитивные процессы чередования языков, психофизиологические факторы, влияющие на переключение и др., например А. Коста [10]), лингвистический (рассматриваются языковые единицы и особенности наложения языковых систем, например Э. Хауген [11]), социолингвистический (рассматривается через успешность и эффектив-

ность коммуникативного взаимодействия, где выбор языка определяется в соответствии с экстралингвистическими факторами, например Г. Н. Чиршева [12]), лингвокультурный (переключения языкового кода выполняют функцию лингвокультурной медиации [13]).

Несмотря на представленность лингвокультурного подхода в изучении билингвизма, многие исследователи отмечали недостаточное междисциплинарное взаимодействие лингвистики и исследований культуры. Так Ф. Грожан указывал на необходимость интеграции в лингвистический дискурс данных кросс-культурной психологии, социальной психологии и психологии личности [14]. На важность учитывать культурный контекст при планировании и проведении исследований билингвизма указывают авторы статьи «Двуязычие и многоязычие как междисциплинарный феномен: социокультурный контекст, проблемы и перспективы исследования», так как различия, фиксируемые у билингвов и монолингвов, например, эмоциональность или общительность, могут быть связаны не только с количеством, используемых языков, но и с культурной идентичностью и культурным опытом [15].

Интерес к культурному измерению билингвизма привел к появлению понятия «бикультурный индивид» в работах Ф. Грожана [16] и В. Бенет-Мартинез [17]. Согласно этому подходу, билингвизм может быть бикультурный (когда индивид идентифицирует себя с двумя культурами), а может быть монокультурным (когда овладение несколькими языками не приводит к формированию чувства сопричастности другим культурам). Бикультурный индивид участвует в жизни двух культур, адаптируется к ним и сочетает в себе аспекты обеих культур в отличие от монокультурного билингва, который включен только в одну культуру. Переключение между языками у бикультурного индивида связано с феноменом «ощущения себя другим», а переключение между языками связано с разной степенью активации культурнообусловленных ценностей, ожиданий и стремлений. Как указывает Грожан, бикультурный индивид может столкнуться с неприятием со стороны окружающих, так как монокультурные общества, как правило, с трудом воспринимают идею о том, что человек может искренне принадлежать нескольким культурам одновременно. Преобладающее отношение часто сводится к тому, чтобы отнести человека только к одной из культур, вместо того чтобы принять его бикультурную идентичность [18]. Однако Грожана, указывающего на стремление к упрощению со стороны монокультурного общества, также можно обвинить в определенном редукционизме. Как справедливо отмечают исследователи, такой подход схематизирует многоуровневую реальность современных многоязычных и поликультурных обществ, так как «этнокультурная идентичность двуязычного или многоязычного индивида не проявляется в принадлежности к одной, двум или нескольким культурам, а определяется сложным взаимовлиянием множества элементов: этнической и гражданской принадлежности, культурными, субкультурными, религиозными и другими аспектами» [15, с. 185].

Двуязычие положительно влияет на когнитивные и эмоциональные способности индивида, но в то же время исследователи фиксируют и негативное влияние билингвизма, связанное с проблемами культуры и идентичности [19]. Отмечается, что билингвы часто сталкиваются с конфликтами идентичности, языковой (а значит и культурной) стигматизацией или маргинализацией. Ощущение нахождения между культурами способно привести к эмоциональному диссонансу и путанице в отношении своей идентичности. Например, двуязычный человек, свободно говорящий по-английски, но с акцентом, может рассматриваться как

чужак в англоязычной стране, в то время как его ограниченное владение родным языком может вызвать критику или разочарование со стороны членов его собственного культурного сообщества. Это двойственное чувство неполной принадлежности ни к одной из культур может привести к эмоциональным трудностям – тревоге, низкой самооценке или чувству культурного вытеснения. Переключение кодов может отражать феномен «языкового стыда», проявляющийся в выборе доминирующего языка общения, чтобы дистанцироваться от ассоциаций с менее престижной социокультурной группой, что особенно актуально для языков и культур, находящихся в условиях численного меньшинства. Напряженность между принятием доминирующего языка и сохранением языка наследия создает культурную дилемму, с которой должны справиться многие двуязычные.

Снятие столь острого противопоставления монокультурного и бикультурного билингвизма, снижение стигматизации и маргинализации бикультурной и билингвальной идентичности, сохранение «цветущей» сложности в понимании идентификационных процессов внутри индивида возможно через дополнение концепции бикультурного индивида философской оптикой Э. Левинаса: ««Сущность общества ускользает, если мы представляем себе его наподобие рода, объединяющего схожих между собой индивидов» [20, с. 216]. Признание инаковости – ключевое условие сохранения и Другого, и самих себя, что справедливо и в отношении индивидов, и в отношении культур. Выбор языка в ходе коммуникации для билингва это не только способ достичь коммуникативных целей, но и экзистенциальная позиция, предполагающая выбор между культурными кодами.

Исследуя прагматическую сторону переключения кодов, Г. Н. Чиршева [12] выделяет целый ряд функций, среди которых в контексте исследования диалектической взаимосвязи индивида, культуры и социума особого внимания заслуживают: адресатная – селективное выделение среди адресатов тех, кому этот язык понятен; цитатная – украшение и обогащение речи высказываниями на другом языке; юмористическая – достижение комического эффекта; эзотерическая – сокрытие и ограничение доступа к смыслу от «непосвященных» в язык; идентификационную – маркировка культурной идентичности говорящего. В своем «Эссе о чужаке» [21] Г. Зиммель описывает Чужака как специфического социального актора, являющегося одновременно и «вне» и «изнутри», участником и наблюдателем. Билингв, являясь частью обеих культур, не принадлежит ни одной из них полностью, что роднит его с концептом Чужака, а реализация выделенных функций подчеркивает осознанное нахождение на границе «инаковости» и «своего». Концептуализируя билингва как актора в терминологии Зиммеля, можно предположить, что билингвизм формирует специфического бикультурного индивида, способного выступать посредником между различными культурными группами. Подобно Чужаку, выполняющему функции социального моста, билингв, благодаря своим лингвистической и культурной компетенциям, потенциально способен выступать в качестве медиатора и фасилитатора межкультурной коммуникации.

В концепции гибридности культуры Х. Баба (Homi K. Bhabha) утверждает, что культуры, не являясь статичными и однородными, находятся в постоянных процессах смешения, трансформации и взаимодействия, создавая гибридные формы. Символическое пространство, где порождаются новые гибридные формы, обозначается «третьим пространством»: особое непредставимое и символическое пространство, создающее «дискурсивные условия

высказывания, которые гарантируют, что смысл и символы культуры не имеют изначального единства или неизменности; что даже одни и те же знаки могут быть присвоены, переведены, переосмыслены и прочитаны заново» [22, р. 55]. Именно таким ментальным «третьим пространством» выступает билингвальное сознание. В рамках этой концепции билингвизм может рассматриваться как когнитивный и лингвистический аналог культурного смешения, выступая тем самым катализатором культурных трансформаций на микро- и макроуровнях. Билингвизм как проявление культурного различия способен размывать существующие и устоявшиеся языковые и культурные реалии.

Заключение. Билингвизм представляет собой сложную систему, подверженную влиянию большого количества факторов. Это позволяет рассматривать этот феномен в междисциплинарной перспективе психологии, когнитивистики, лингвистики, социальных и культурных исследований. Билингвизм может рассматриваться как функция культуры, инструмент культурной идентичности и как механизм сохранения, трансляции и трансформации культурного кода и культуры в целом через создание «третьего пространства». Срединное положение билингва превращает его фигуру в идеального медиатора и фасилитатора в межкультурном взаимодействии при условии снятия негативных установок по отношению к его фигуре Другого и Чужака со стороны монолингвальной культуры. Признание диалогичности природы билингвизма и фокусировка на экзистенциальных моментах, связанных с проживанием билингвального и бикультурного опыта, позволит учитывать уникальные стратегии конструирования идентичности в условиях культурной множественности, открывая перспективы для исследования когнитивной и социальной гибкости, обусловленной многоязычным опытом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список языков России (v2020) (с указанием их социолингвистического статуса) // Проект «Языки России». Институт языкознания РАН. URL: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_concept2020.shtml (дата обращения: 01.06.2025).
2. Tupula Kabola A. Le bilinguisme, un atout dans son jeu: pour une éducation bilingue réussie. Québec: Ed. du CHU Sainte-Justine, 2016.
3. Ярцева В. Н. Теория взаимодействия языков и работа У. Вайнрайха «Языковые контакты» // Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и перспективы исследования. Киев: Вища школа, 1979. С. 5–17.
4. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.
5. Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
6. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001.
7. Михайлов М. М. О разновидностях двуязычия // Двуязычие и контрастивная грамматика: сб. науч. тр. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 1987. С. 4–9.
8. Тимошенко Е. И. Теоретический анализ подходов к типологизации двуязычия в контексте межкультурного взаимодействия // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 3 (46). С. 221–222.
9. Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. С. 40–53.

10. Costa A. The bilingual brain and what it tells us about the science of language. London: Penguin Books, 2021.
11. Хауген Э. Языковой контакт / пер. с англ. // Новое в лингвистике: языковые контакты. Вып. VI. М.: Прогресс, 1972. С. 61–80.
12. Чиршева Г. Н. Двухязычная коммуникация. Череповец: Изд-во ЧГУ, 2004.
13. Тененева Н. В., Тененева И. В. Кодовые переключения как стратегия сохранения национальной идентичности в условиях билингвизма // Провинциальные научные записки. 2015. № 2. С. 166–170.
14. Grosjean F. Bicultural bilinguals // International J. of Bilingualism. 2015. Vol. 19, iss 5. P. 572–586. DOI: <https://doi.org/10.1177/1367006914526297>.
15. Методологические проблемы исследования влияния двухязычия на когнитивные процессы и этнокультурную идентичность / Ю. П., Зинченко, Л. А., Шайгерова, А. Г., Долгих, О. А. Савельева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2019. № 1. С. 174–194. DOI: 10.11621/vsp.2019.01.174.
16. Grosjean F. Studying bilinguals. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
17. Benet-Martínez, V., Haritatos, J. Bicultural identity integration (BII): components and psychological antecedents // J. of personality. 2005. Vol. 73, iss. 4. P. 1015–1049. DOI: 10.1111/j.1467-6494.2005.00337.x.
18. Inside the kaleidoscope: unravelling the “feeling different” experience of bicultural bilinguals / S. Purpuri, C. Mulatti, R. Filippi, B. Treccani // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1376076.
19. Nuri A. Exploring Bilingualism: Cognitive Benefits and Cultural Challenges // Acta Globalis Humanitatis et Linguarum. 2024. № 1. P. 71–81. DOI: 10.69760/aghel.024053.
20. Левинас Э. Тотальность и бесконечное // Избранное. Тотальность и бесконечное / пер. с фр. И. С. Вдовиной и др. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
21. Зиммель Г. Эссе о Чужаке // Социальное пространство: междисциплинарные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 173–178.
22. Bhabha Homi K. The location of culture. London; NY: Routledge, 1994.

Информация об авторах.

Московчук Любовь Сергеевна – кандидат философских наук (2006), доцент (2013), доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 62 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия культуры, философия кино, кросскультурные исследования, аксиология, этика, философская антропология.

Гусев Олег Николаевич – независимый исследователь, переводчик и преподаватель французского языка. Автор 5 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия языка, философия культуры, философские и социокультурные особенности билингвизма, переключение лингвокультурных кодов, переводоведение.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 05.06.2025; принята после рецензирования 25.06.2025; опубликована онлайн 22.09.2025.*

REFERENCES

1. "List of languages of Russia (v2020) (indicating their sociolinguistic status)", *The Languages of Russia Project. Institute of Linguistics RAS*, available at: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_concept2020.shtml (accessed 01.06.2025).
2. Tupula Kabola, A. (2016), *Le bilinguisme, un atout dans son jeu: pour une éducation bilingue réussie*, Ed. du CHU Sainte-Justine, Québec, CAN.
3. Yartseva, V.N. (1979), "Theory of the Interaction of Languages and U. Weinreich's «Languages in Contacts»", *Weinreich, U., Languages in Contact. Findings and Problems*, Vishcha shkola, Kiev, USSR, pp. 5–17.
4. Shcherba, L.V. (1974), *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity], Nauka, Leningrad, USSR.
5. Vereshchagin, E.M. (1960), *Psikhologicheskaya i metodicheskaya kharakteristika dvuyazychiya (bilingvizma)* [Psychological and methodological characteristics of bilingualism (bilingualism)], Izd-vo Mosk. un-ta, Moscow, USSR.
6. Wierzbicka, A. (2001), *Understanding Cultures Through Their Key Words*, Transl. by Shmelev, A.D., Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS.
7. Mikhailov, M.M. (1987), "On the varieties of bilingualism", *Dvuyazychie i kontrastivnaya grammatika* [Bilingualism and contrastive grammar], Cheboksary, Izd-vo ChuvSU, pp. 4–9.
8. Timoshenko, Ye.I. (2014), "Theoretical analysis of approaches to the bilingualism classification in the scope of cross-cultural interaction", *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, no. 3 (46), pp. 221–222.
9. Shcherba, L.V. (1958), "On the concept of language mixing", *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu i fonetike* [Selected works on linguistics and phonetics], vol. 1, Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, pp. 40–53.
10. Costa, A. (2021), *The bilingual brain and what it tells us about the science of language*, Penguin Books, London, UK.
11. Haugen, E. (1972), "Language Contact", Transl., *Novoe v lingvistike: Yazykovye kontakty* [New in linguistics: language contacts], iss. VI, Progress, Moscow, USSR, pp. 61–80.
12. Chirsheva, G.N. (2004), *Dvuyazychnaya kommunikatsiya* [Bilingual communication], ChSU, Cherepovets, RUS.
13. Teneneva, N.V. and Teneneva, I.V. (2015), "Code-switching as a strategy for keeping national identity in a bilingual environment", *Provintsial'nye nauchnye zapiski*, no. 2, pp. 166–170.
14. Grosjean, F. (2015), "Bicultural bilinguals", *International J. of Bilingualism*, vol. 19, iss. 5, pp. 572–586. DOI: <https://doi.org/10.1177/1367006914526297>.
15. Zinchenko, Yu.P., Shaigerova, L.A., Dolgikh, A.G. and Savel'eva, O.A. (2019), "Methodological issues of studying the impact of bilingualism on cognitions and ethnocultural identity", *Moscow Univ. Psychology Bulletin*, no.1, pp. 174–194. DOI: 10.11621/vsp.2019.01.174.
16. Grosjean, F. (2008), *Studying bilinguals*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK.
17. Benet-Martínez, V. and Haritatos, J. (2005) "Bicultural identity integration (BII): components and psychological antecedents", *J. of personality*, vol. 73, iss. 4, pp. 1015–1049. DOI: 10.1111/j.1467-6494.2005.00337.x.
18. Purpuri, S., Mulatti, C., Filippi, R. and Treccani, B. (2024), "Inside the kaleidoscope: unravelling the "feeling different" experience of bicultural bilinguals", *Frontiers in Psychology*, vol. 15. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1376076.
19. Nuri, A. (2024), "Exploring Bilingualism: Cognitive Benefits and Cultural Challenges", *Acta Globalis Humanitatis et Linguarum*, no. 1, pp. 71–81. DOI: 10.69760/aghel.024053.
20. Levinas, E. (2000), *De L'existence a l'existant. Totalite et Infini*, Transl. by Vdovina, I.S. et al., Universitetskaya kniga, Moscow, SPb., RUS.
21. Simmel, G. (2003), "Exkurs über den Fremden", *Sotsial'noe prostranstvo: mezhdistsiplinarnye issledovaniya* [Social space: interdisciplinary research], Moscow, RUS, pp. 173–178.
22. Bhabha Homi, K. (1994), *The location of culture*, Routledge, London, NY, UK.

Information about the authors.

Lyubov S. Moskovchuk – Can. Sci. (Philosophy, 2006), Docent (2013), Associate Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 62 scientific publications. Area of expertise: philosophy of culture, philosophy of cinema, cross-cultural studies, axiology, ethics, philosophical anthropology.

Oleg N. Gusev – Independent Researcher, Translator and Teacher of French. The author of 5 scientific publications. Area of expertise: philosophy of language, philosophy of culture, philosophical and socio-cultural features of bilingualism, switching linguistic and cultural codes, translation studies.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 05.06.2025; adopted after review 25.06.2025; published online 22.09.2025.

Оригинальная статья

УДК 316.7

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-4-48-60>

Кто они – герои нашего времени?

Мария Николаевна Желизнык

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
marzhel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8481-2123>*

Введение. На основе проведенного в 2023 г. поискового эмпирического исследования, в котором приняло участие более 10 тыс. школьников 9–11-х классов Ленинградской обл., автор приводит черты героев нашего времени, а также типологию героев, выработанную посредством типологического анализа. Использование метода неоконченных предложений позволило получить спонтанные, нерефлексируемые ответы респондентов, которые отражают их представления о социальном феномене «герой нашего времени».

Методология и источники. В статье систематизированы научные подходы к изучению феномена героев и героизма, представлено теоретическое исследование по проблематизации понятия «герой». Анализируются работы социологов и психологов: Б. Гизена, Т. Шлехтримена, С. Хука, С. Эллисон, Дж. Готелс, З. Е. Франко, К. Блау, Ф. Зимбардо, Е. Л. Кинселлы, Т. Д. Ричи, Е. Р. Игоу, Е. Джаявикреме, Р. Ди Стефано и О. Гольца, выделены категории, через которые исследуется герой/представления о героях.

Результаты и обсуждение. Показана дескриптивная модель «герой нашего времени», разработанная на основе проведенного исследования посредством укрупнения и обобщения полученных ответов. Модель включает в себя ценностный, когнитивный и поведенческий аспекты, характерные для героя нашего времени. Приведены типы героев, выделенные на основе результатов исследования.

Заключение. Приведены наиболее распространенные типы героев в представлениях школьников: «герой-альтруист», «обыкновенный герой», «герой достигающий», «герой-патриот» и «герой-лидер». Показан прикладной аспект разработанной дескриптивной модели.

Ключевые слова: герой, образ, исследование героизма, дескриптивная модель, ценностные ориентации, школьники

Для цитирования: Желизнык М. Н. Кто они – герои нашего времени? // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 4. С. 48–60. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-48-60

Original paper

Who are They are the Heroes of Our Time?

Maria N. Zheliznyk

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
marzhel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8481-2123>*

Introduction. Based on a pilot empirical study conducted in 2023 in which more than 10 thousand 9th–11th grade schoolchildren from the Leningrad Region participated, the author cites the characteristics of the heroes of our time, as well as the typology of heroes

© Желизнык М. Н., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

developed through typological analysis. Using the method of incomplete sentences allowed us to obtain spontaneous, non-reflexive responses from respondents that reflect their ideas about the social phenomenon "hero of our time".

Methodology and sources. The article systematizes scientific approaches to the study of the phenomenon of heroes and heroism, presents a theoretical study of the problematization of the concept of "hero". The works of the following sociologists and psychologists are analyzed: B. Giesen, T. Schlechtriemen, S. Hook, S.T. Allison, G.R. Goethals, Z.E. Franco, K. Blau, F. Zimbardo, E.L. Kinsella, T.D. Ritchie, E.R. Igou, E. Jayawickreme, P. Di Stefano and O. Golz, and the categories through which the hero or ideas about heroes are researched.

Results and discussion. The descriptive model "hero of our time" is presented in the article. This model was developed on the basis of the conducted research by means of aggregation and generalization of the answers received. The model includes value, cognitive, and behavioral aspects characteristic of a hero of our time. The types of heroes identified based on the results of the research are given.

Conclusion. The most common types of heroes in the representations of schoolchildren are presented: "altruistic hero", "ordinary hero", "achieving hero", "patriot hero" and "leader hero". The applied aspect of the developed descriptive model is shown.

Keywords: hero, image, research of heroism, descriptive model, value orientations, youth

For citation: Zheliznyk, M.N. (2025), "Who are They are the Heroes of Our Time?", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 4, pp. 48–60. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-48-60 (Russia)

Введение. Потребность в героях характерна для человеческого общества. О сущности феномена героизма задумывались великие умы на протяжении истории человечества. Анализ феномена героизма с позиций разных наук и разных дисциплин дал основание О. Эфтимии и С. Т. Эллисон [1] говорить о создании науки о героизме (Heroism Science), которая соединила бы накопленные знания и выработала междисциплинарный подход к изучению героизма.

Казалось бы, что нового можно сказать о героях и героизме сегодня, если об этом говорят так долго и рассуждали такие выдающиеся мыслители, как Платон, Дж. Вико, Т. Карлейль, Г. Гегель, В. И. Ленин, В. Зомбарт, М. Мерло-Понти и др.? Но тем не менее и сегодня исследователи задаются вопросами, кто такие герои, каковы их черты, социальные функции, в чем специфика этого социального феномена и как конструировать героев, чтобы они были адекватны текущему времени?

В научной литературе представлены различные определения героя, выделяются разные доминантные характеристики личности героя. Это связано с теоретической рамкой, концептуальной моделью, принятой автором, и фокусом исследования. В целом попытка выработать устойчивую трактовку понятий «герой» и «героизм», которые операционализировались бы в социологические опросники, представляется заведомо неосуществимой. Прежде всего представления о героях зависят от текущей социокультурной реальности, т. е. они конкретно историчны, а значит, могут проблематизироваться в зависимости от «акцентов» времени. Как отмечает П. Штомпка, герои демонстрируют общественные идеалы, а также идею, что эти идеалы достижимы, они не утопичны [2]. За последние несколько лет мы стали свидетелями глобального переустройства и переопределения аксиологических стандартов в мировом масштабе. Кэнселинг (культура отмены) и новые стандарты «нормальности» иллюстрируют этот процесс, на наших глазах меняется «пантеон героев». К тому же герой амбивалентен. Не только античные герои не знали понятия «грех» в иудейско-хри-

стианском понимании, но и «герои-двигатели», по определению Н. К. Михайловского [3], способные увлечь массу людей на какое-то дело, неважно дурное или благородное.

В данной статье исследуется вопрос, каковы черты героя нашего времени? В поисках ответа мы анализируем научную литературу с фокусом на проблематизацию понятия, а также приводим данные собственного эмпирического исследования. Героя мы рассматриваем как культурный феномен. Кроме того, герой – это категория массового сознания, которая характеризует отношение человека к социокультурной реальности, выражает его ценностные предпочтения и аксиологический стандарт культурной общности. Например, ироничное «герой», характерное для российской действительности 1990-х гг., в корне отличается от «героя» первых пятилеток советского времени.

Г. С. Батыгин отмечает, что некоторые концепты, которые активно используются в аппарате социологии, в принципе не могут быть преобразованы в операциональные определения [4], т. е. невозможно «вывести» устойчивый набор индикаторов с целью идентификации таких концептов. Это понятия «добро», «зло», «подсознательное» и др. Все интуитивно понимают, о чем речь, но трактовок в инструментариях, не говоря уже об обыденных представлениях, может быть великое множество. Понятие «герой», как нам представляется, близко к данным концептам не только по своей семантической структуре (уже в самом определении содержатся противоположные смыслы – доблестный человек, совершающий самоотверженные поступки, и герой скандала [5]), но и вследствие того, что оно является категорией массового сознания. Изучение черт героя в данном случае позволяет говорить о типах героя, т. е. о нюансах в восприятии героического.

В начале данной статьи систематизируются подходы к изучению феномена героев и предпринята попытка дескриптивного анализа героя как категории. Мы показываем, как проблематизируется данное понятие, какие есть фокусы в теоретических и прикладных исследованиях, какие характеристики героя выделяли исследователи.

Во второй части статьи мы предлагаем собственную модель, аккумулирующую черты личности героя, которая была разработана на базе проведенного в 2023 г. поискового эмпирического исследования среди учащихся 9–11-х классов школ Ленинградской обл. Наш исследовательский вопрос – какими чертами обладают герои в массовом сознании? Большая выборка (более 10 тыс. школьников) позволила выделить наиболее типичные представления о героях и определить героические типы, характерные для сегодняшнего дня.

Методология и источники. Условно все работы о героизме можно разделить на две части – изучение непосредственно самих героев или героического поведения (Т. Карлейль, Ф. Зимбардо, З. Франко, Д. Клайсанин и др.) и изучение представлений о героях (М. В. Субботина, С. Эллисон, С. Бигацци, Э. Бен-Зеев, О. Е. Кузнецова и др.). Отдельно можно выделить третий пласт работ – о социальном конструировании героев, введении в общественное сознание новых смысловых акцентов, т. е. конструирование новых героических мифов (Н. К. Михайловский, В. И. Ленин и др.).

Концепт «герой», который разрабатывается представителями социальных наук, проблематизируется через разные категории: девиантное поведение, неравенство, идентичность, коллективная память, социальная иерархия, коммуникативный и перформативный продукт и даже через такие категории, которые мало или практически не используются в социологии, – судьба

и избранность. Как следствие, за счет отличающихся исследовательских фокусов учеными выделяются различные характеристики и черты героя. Рассмотрим несколько примеров.

Немецкий социолог Тобиас Шлехтримен при анализе героев сосредотачивает свое внимание на проведении границ – между героем и антигероем, между героем и всеми остальными. Граница – это социальная дистанция, которая поддерживает статус героя. Исследователь изучает границы через основные качества героя и настаивает на типологическом подходе как исходной точке исследования. Он предлагает пять качеств, через которые можно идентифицировать героя, даже если исследуемые фигуры явно не представлены героически. Это такие качества, как 1) экстраординарность, 2) автономность и трансгрессивность, 3) этическая и аффективная «заряженность», 4) агональность, или состязательность (agonistic) и 5) высокая степень агентности [6].

В рамках психологии в значительной части исследований качества героя также рассматриваются как индикаторы героизма, но речь идет не о границах и социальной дистанции, а о проявленности качеств, которые в конечном итоге выражаются в поступках.

С. Эллисон и Дж. Готелс эмпирическим путем выделили восемь кластеров, аккумулирующих черты характера, которые они называли «большой восьмеркой» черт героизма [7]. Модель представлена следующими качествами:

- 1) заботливый: сострадание, эмпатия, доброта;
- 2) харизматичный: преданность, красноречивость, страстность;
- 3) вдохновляющий: восхитительный, потрясающий, великий;
- 4) надежный: верный, истинный;
- 5) устойчивый (Resilient): решительный, настойчивый, неунывающий, достигающий;
- 6) бескорыстный: альтруистичный, честный, скромный, нравственный;
- 7) умный: разумный, мудрый;
- 8) сильный: смелый, доминирующий, галантный, лидер.

Данные качества могут отражать типы героического поведения. Ученые обращают внимание, что выделенные черты в целом характерны для лидеров, что актуализирует проблему отличия между лидером и героем.

Е. Л. Кинселла, Т. Д. Ричи и Е. Р. Игоу использовали метод прототипов, чтобы выделить ядро и периферию характеристик героя [8]. В результате ученые сформировали 12 центральных и 13 периферических его характеристик. Основные черты героизма: смелость, моральная целостность, мужество, защита, убежденность, честность, альтруизм, самопожертвование, самоотверженность, решимость, готовность спасать других, вдохновение и помощь. Периферийные черты: инициативный, сильный, лидер, сострадательный, готовый идти на риск, исключительный, скромный, бесстрашный, заботливый, влиятельный, умный, талантливый и привлекательный.

В другом своем исследовании Е. Л. Кинселла, Т. Д. Ричи и Е. Р. Игоу попытались определить разницу между героем, лидером и ролевой моделью [9]. Индикаторами измерения выступали поступки, а не черты характера. Согласно полученным данным для героев более характерно помогать, спасать, защищать и делать то, что никто другой не сделает, для лидеров – мотивировать и направлять, а ролевые модели, скорее, выполняют воспитательную функцию – моральное моделирование [9].

З. Е. Франко, К. Блау и Ф. Зимбардо в 2011 г. опубликовали работу, в которой предложили концептуальный анализ феномена героизма на основании проведенного ими эмпирического исследования [10]. Ученые сосредоточили свое внимание на разнице между героизмом и альтруизмом, в ходе исследования они предлагали испытуемым различные ситуации из гражданской и военной сферы и просили оценить, являются ли данные ситуации героическими или альтруистическими. Исследователи определили героизм через категорию «риск», т. е. ключевое качество героя – готовность идти на риск. Риск может быть как на физическом плане (угроза жизни), так и на социальном (бросать вызов системе).

В целом психологов больше всего интересуют два вопроса: 1) как обычные люди становятся героями; 2) героизм – это врожденное или приобретенное качество, поэтому они чаще всего операционализируют героя через качества и поступки, совершаемые им. Социальные функции героя реже попадают в фокус внимания психологов.

Немецкий социолог Б. Гизен, анализируя культурную травму Германии и национальную идентичность постнацистской Германии, вводит четыре категории – торжествующего героя/победителя (*triumphant hero*), трагического/побежденного героя (*tragic hero*), жертву (*victim*) и преступника (*perpetrator*) [11]. Указанные концепты являются культурными идентичностями. Автор использует оппозицию «норма – отклонение», поэтому его оценка героя связана с девиантным поведением. Также немецкий социолог оперирует веберовским понятием «харизма», которое он считает характерным для героя. По мнению Гизена, героя от преступника отличает общественное признание. При изменении социокультурной реальности герой легко может превратиться в преступника, «герои – это хрупкие конструкции», – заключает автор [11]. Используя теоретическую рамку Э. Дюркгейма о разделении сакрального и профанного миров, Б. Гизен относит героев к пограничным фигурам, медиаторам, посредникам между людьми и богами.

Е. Джаявикреме и Р. Ди Стефано интересуют героизм с точки зрения политической психологии. В попытках концептуализировать героизм они рассматривают теории позитивной психологии, социальной психологии, психологии личности, экологической психологии и психологии морали. Ученые выдвигают три вопроса, которые необходимо учитывать при концептуализации героизма в будущих исследованиях [12], так как ответы на них дадут новое понимание механизмов героического поведения и, как следствие, возможности «воспитывать» его. Во-первых, это отличие героизма от других форм морально-нравственного, просоциального поведения. Храбрость и честность, по мнению ученых, могут быть связаны с героизмом, поэтому нужно сосредоточить внимание не только на типе «герои-спасатели». Во-вторых, важность рассмотрения героизма в качестве интерактивной функции, которая объединяет черты характера и обстоятельства, т. е. необходимо анализировать взаимосвязь и взаимодействие черт характера и ситуации. В-третьих, влияние культуры и контекста, так как представления о героизме отличаются в разных культурах.

С. Хук, наследуя традицию Т. Карлейля, проблематизирует героя через роль личности в истории. Ученого интересует, есть ли исторический детерминизм. Автор утверждает, что в истории есть гораздо больше переменных, чем «закон судьбы» и «великий человек» [13]. По О. Гольцу, герой демонстрирует неравенство. Автор развивает мысль Э. Канетти о том, что в толпе царит равенство, поэтому герой как бы противопоставляет себя толпе, являя собой идею неравенства. И если на схожих примерах Т. Шлехтримен рассуждает о социаль-

ной дистанции, то О. Гольц говорит о неравенстве. В своих рассуждениях ученый приходит к проблеме массового героизма, он показывает разницу между коллективом героев и героическим коллективом. Также О. Гольц отмечает «сверхобязательство» как неотъемлемое качество героя, его готовность совершать больше, чем от него ожидают [14].

В исследованиях ВЦИОМ эмпирическим путем были определены герои года [15] (2020 г.), герои нашего времени [16] (2021 г.), а также герои России [17] (2022 г.). В первом случае герои чаще всего описываются через качества характера, реже – через профессии. Во втором случае респондентам предложено выбрать героические профессии, а в третьем – герои операционализированы через символы России.

Таким образом, мы видим, что не только у понятия «герой» нет однозначной трактовки, но также нет единства в определении основных качеств героя. Далее приведем результаты собственного исследования, целью которого было установить, как старшеклассники определяют понятие «герой нашего времени».

Результаты и обсуждение. В 2023 г. мы провели большое поисковое исследование среди учащихся 9–11-х классов Ленинградской обл., в ходе которого предложили им два неоконченных предложения для определения понятий «герой» и «антигерой» нашего времени: «Героем нашего времени можно назвать только того, кто всегда...», «Антигерой – это тот, кто...». Анализ полевого этапа и полученных результатов, включая вопросы надежности и валидности, описан в методической статье [18]. Сейчас остановимся на содержательной части исследования.

Итак, первый вывод состоит в том, что понятия «герой» и «герой нашего времени» подавляющее большинство учащихся используют как синонимы. Во-вторых, были определены доминантные характеристики героев, которые органично трансформировались в типы героев, характерные для современности: «герой-альтруист», «обыкновенный герой»¹, «герой достигающий», «герой-патриот», «герой-лидер», «герой-созидатель», «герой-трикстер», «герой-профессионал» и «герой-новатор» (рис. 1).

Бескорыстная помощь другим – самый распространенный ответ (22,7 %), который в сочетании с поступками на «благо других» (3,2 %) был сгруппирован нами в тип «герой-альтруист» (25,9 %). Валерий Федоров в своем недавнем интервью Российской газете назвал воинов и волонтеров героями нашего времени [19]. Тип «герой-альтруист» имеет непосредственное выражение в добровольческой и волонтерской деятельности – это бескорыстные поступки, помощь другим. Приведем несколько примеров из массива данных: «Героем нашего времени можно назвать только того, кто всегда»: «...имеет положительные моральные и социальные качества, вследствие чего способен на полную и безоговорочную помощь людям, несмотря на обстоятельства», «...стремится помочь тем, кто нуждается в помощи», «...помогает людям, не требуя ничего взамен», «...протянет руку помощи», «...готов помочь без личной выгоды» и др. По оценке гендиректора ВЦИОМ, волонтерство в стране развивается последние 15 лет, и за это время принципиально изменилось отношение людей к данной деятельности [19]. В целом наше исследование подтверждает этот тезис,

¹ Мы ввели концепт «обыкновенный герой», так как речь идет о денотативном, исконном определении понятия «герой». Респонденты определяли данный тип через отношение к другим и через черты характера: сочувствие другим, уважение и защита других, поддержка другого, верность, милосердие, честь, жизнь по совести, готовность к самопожертвованию и подвигам, смелость и наличие идеалов.

хотя помощь, несомненно, связана не только с волонтерством, она может выражаться в простых бытовых, житейских ситуациях: «...помогает ближнему», «...может помочь даже незнакомому» и др. Волонтерство мы рассматриваем как предельное развитие типа «герой-альтруист», когда помощь другим становится ценностью и неотъемлемой частью жизни.

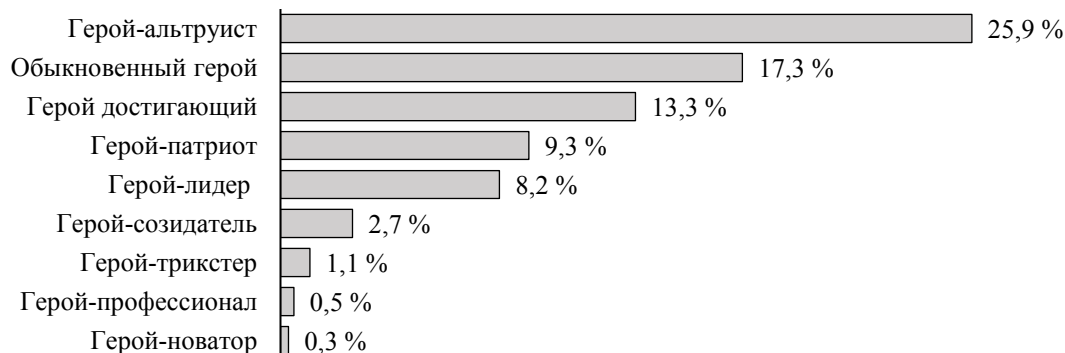

Рис. 1. Типы героев, выделенные на основе исследования школьников 9–11-х классов
Fig. 1. Types of heroes identified on the basis of a study of schoolchildren of 9–11 grades

Представляется важным, что наиболее частотное толкование героя нашего времени связано именно с помощью. Это отражает нашу реальность – социокультурные процессы, происходящие в обществе. Исследование школьников как определенной социально-демографической группы фиксирует тенденции, происходящие на макроуровне.

Тип «обыкновенный герой» (17,3 %) выражает идею повседневного героизма (everyday hero [20]) и репрезентирует образ морально-нравственного человека (честного, совестливого, правдивого, милосердного, доброго, справедливого, верного и т. п.), с уважением относящего к другим и готового совершить доблестные поступки, включая самопожертвование. И хотя введенная нами формулировка представляет собой оксюморон – герой всегда отличается, он не может быть обыкновенным, основной смысл данного типа героя заключается именно в том, что он определен школьниками не как великий, экстраординарный человек, не в трактовке Т. Карлейля, а как кто-то близкий, понятный, который находится где-то рядом, в одной социальной «вселенной»: «...поступает по чести, делает добрые поступки», «...совершает добрые поступки, не требуя ничего взамен», «...добрый и отзывчивый человек», «...человек, который готов жертвовать своими удобствами ради других», «...человек который совершает поступки, не требуя за это наград» и др. Ответ одиннадцатиклассника можно считать смысловым выражением данного типа: «Герои нашего времени – это такие люди по той причине, что подвиги – это то, что они совершают в обыденной жизни».

«Герой достигающий» (13,3 %) связан с достижениями в социальном плане, желанием и умением добиваться поставленных целей, целеустремленностью и трудолюбием, которые конвертируются в социальный успех: «...уверенно идет к своей цели не слушая никого», «...бьется за свою карьеру», «...ставит перед собой цели и усердно работает для достижения целей», «...трудится, преодолевает все трудности, которые становятся на его пути, не сдается, идет к своей цели», «...будет трудиться, не покладая рук» и др. Данный тип также отражает реалии времени, герой для части школьников – человек, который поднялся вверх по социальной лестнице.

«Герой-патриот» (9,3 %) определяется учащимися как человек, который любит свою страну, Родину, верен ей; совершает поступки на благо страны и общества, участвует в развитии страны; помогает народу, Родине; защищает или готов защищать страну, народ, Отечество (архетип «воин-защитник»); готов к самопожертвованию ради Родины, и в его системе ценностей общественное имеет приоритет над личным. Типичные ответы школьников таковы: «...предан Родине», «...готов защищать свою страну», «...верен себе и своему Отечеству», «...заботится о развитии страны», «...жертвует своей жизнью ради любимой Родины» и др. Ранжирование результатов нашего исследования показывает, что такая трактовка героизма занимает четвертое место в «иерархии» представлений опрошенных учащихся.

Еще одна наполненная категория – это «герой-лидер» (8,2 %). Данный тип героя характеризуется уверенностью в себе, саморазвитием, преодолением своих слабостей, работой над собой. Он является примером для подражания, за ним следуют: «...на кого можно равняться», «...знает, что надо делать в стрессовых ситуациях, способен вести людей за собой, не боится сложностей и перемен», «...человек с лидерскими качествами, но не считающий себя выше кого-то другого, добродушный, амбициозный, честный», «...подает хороший пример» и др.

Наше исследование показывает, что опрошенные школьники определяют героев и антигероев через качества, поступки, ценности, достижения и отношение к стране. Амбивалентность героя была отражена в типе «герой-трикстер», в процентном соотношении только 1,1 % ответов так определили героя нашего времени.

Герой – это культурный феномен. Герой не может существовать без общества. В попытках соединить различные трактовки героизма мы следовали процедуре обобщения – укрупнили выделенные компоненты¹ до трех концептов: ценности, мировоззрение и поведение, которые отражают аксиологический, когнитивный и поведенческий аспекты (рис. 2). Герой – это не созерцательная категория, а активный субъект, актер, от него ожидают поступков. Герой – это действие, а не созерцание.

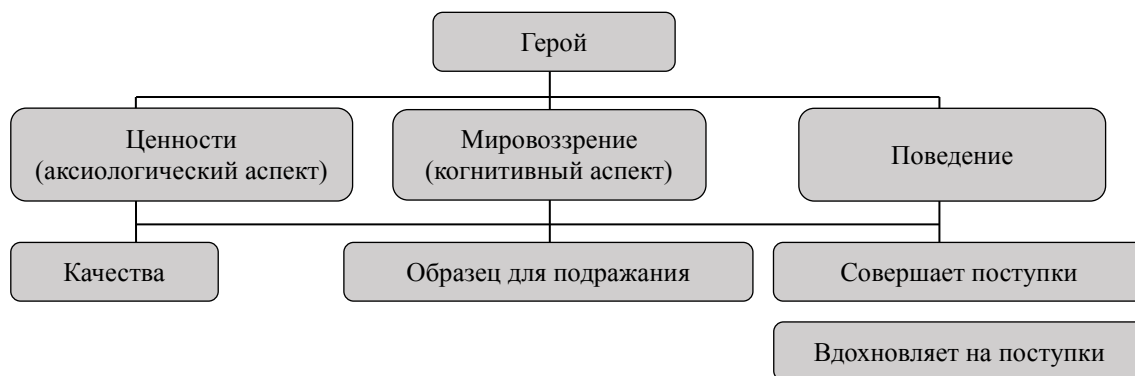

Рис. 2. Дескриптивная модель «герой нашего времени»

Fig. 2. The descriptive model “Hero of our time”

Для выделенных концептов ключевым эмпирическим описательным инструментом является категория «образец для подражания». Это социальная функция героев, которая включает и ценностный, и мировоззренческий, и деятельностный компоненты. Е. Л. Кинселла,

¹ Процедура выделения элементов, группировки их в компоненты описана в более ранней статье [18].

Кто они – герои нашего времени?

Who are They are the Heroes of Our Time?

Т. Д. Ричи и Е. Р. Игоу в своем исследовании определяли разницу между героем и ролевой моделью, т. е., по сути, образцом для подражания [9]. Для нас образец для подражания выступает операциональным определением героя. Как точно отметил В. Д. Плахов, героев нужно изучать на двух уровнях – индивидуально-личностном и социальном [21]. На обоих уровнях они оказывают влияние: на макроуровне фиксируют аксиологические стандарты общности, транслируют культурные ценности, демонстрируют идею социального лифта и дают ориентацию в социальном пространстве. Как замечают Т. Ф. Андерсен и Й. Р. Кристенсен: «Нам нужны герои, чтобы поддерживать культурное производство ценностей» [22]. На микроуровне они выполняют функцию ролевой модели, показывают, как поступать в плоскости повседневности, бытовых ситуаций и траекторий развития. В первом случае герои могут не только давать ролевые модели, но и конструировать общность, даже целое поколение. Например, Алексей Стаханов и Дуся Виноградова стали локомотивом движения стахановцев, названного в честь своего родоначальника. Во-втором случае – это конкретные реальные модели поведения.

Поведенческий аспект, помимо образца для подражания, в нашей дескриптивной модели представлен посредством двух индикаторов – совершение поступков и мотивация на совершение поступков. С первой категорией все ясно: герой – это активный субъект, который действует, спасает жизни или изобретает что-то новое – не суть важно, поскольку содержание поступков больше относится к типам героизма. Мотивация на поступки – это тот индикатор, который отличает звезд и селебрити от героев. Герои дают энергию для действий, а селебрити зачастую являются объектом потребления. Ими могут восхищаться, можно быть подписанными на их социальные сети, следить за новостями и т. п., они даже могут быть кумирами, но если они не оказывают влияние на поведение, то в нашей трактовке они не являются героями. Таким образом, для себя мы решаем спор, который возник в науке с появлением термина «селебрити» в 1960-х гг.: являются ли селебрити героями?

Для подтверждения устойчивости нашей модели следует ответить на вопрос: адекватна ли модель при массовом и повседневном героизме? Начнем с первого. Массовый героизм – это изменение субъектности, героем выступает не один человек, индивидуальность, а коллектив, общность, группа людей или даже целый народ. О. Гольц разделяет коллектив героев как союз нескольких героических личностей и героический коллектив [14]. Коллектив героев зачастую представлен в литературе, можно вспомнить мифы Древней Греции или современные американские комиксы, кинематографическую вселенную Marvel. Героический коллектив – это форма массового героизма, в котором превалирует групповая идентичность и практически нивелируется идентичность индивидуальная [14]. При массовом героизме также работают концепты, предложенные нами, – ценности, мировоззрение, поведение, и их также можно установить через введенные индикаторы – «образец для подражания», «качества», «совершение поступков» и «вдохновение на поступки». Из современных примеров можно привести международную сеть активистов и хактивистов «Анонимус». Это общественное движение, объединенное общими ценностями, т. е. превалирует групповая идентичность. Для людей, которые разделяют ценности «Анонимуса», они являются героями.

Феномен повседневного героизма, скорее, характерен для атомизированного общества. На смену «больших» героев, которые оказывали влияние на макрообщности, пришли герои повседневности, которые являются ролевыми, идентификационными моделями. Ф. Фарли предложил концепцию «большого» и «малого» героизма [23], который отражает эту ситуацию, но данная концепция не получила развития в научных трудах. Наша дескриптивная модель в полной мере применима для повседневного героизма, в данном случае речь об охвате влияния. Героев на уровне семьи, друзей мы идентифицируем через те же индикаторы, что и героев на социальном уровне. Кроме того, наиболее распространенные типы героев – «герой-альтруист» и «обыкновенный герой» – связаны как раз с повседневностью.

Заключение. Внимание к героям будет всегда. Обращение к этой теме позволяет взглянуть на принятые в обществе ценности и идеалы через конкретные образы. Наше исследование демонстрирует различные акценты в описании героя школьниками 9–11-х классов Ленинградской обл., особенно – разные доминантные качества героя. Представления школьников о героях нашего времени были преобразованы в типы героизма, самые наполненные категории – это «герой-альтруист», «обыкновенный герой», «герой достигающий», «герой-патриот» и «герой-лидер».

Разработанная нами дескриптивная модель «героя нашего времени», выросшая из эмпирического исследования, показывает, через какие концепты школьники определяют героя современности. Стоит отметить, что область героизма относится к сфере персональной релятивизации [2]. Одно и то же действие, совершенное разными людьми, в первом случае будет героизмом, во втором – выполнением служебных обязанностей. Наша дескриптивная модель позволяет нивелировать или даже исключить «относительность» при исследовании коллективных представлений о героях. У модели есть также прикладная функция. Сегодня происходит социальное конструирование героев, возрождается архетип воина-защитника. Предложенная модель может служить алгоритмом для создания героев, образцом для оценки конструируемых образов, т. е. выполнять функцию социальной технологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Efthimiou O., Allison S. T. Heroism science: Frameworks for an emerging field // J. of Humanistic Psychology. 2018. Vol. 58, iss. 5. P. 556–570. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022167817708063>.
2. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М.: Логос, 2005.
3. Михайловский Н. К. Герои и толпа // Сочинения: в 6 т. Т. 6. СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1885. С. 280–394.
4. Батыгин Г. С. Лекции по методологии социологических исследований: учебник. М.: Аспект Пресс, 1994.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и образование: ОНИКС, 2012.
6. Schlechtriemen T. The Hero as an Effect: Boundary Work in Processes of Heroization // Helden. Heroes. Heroés. Special Iss. 5: Analyzing processes of heroization. 2012. P. 17–26. DOI: [10.6094/helden.heroes.heros./2019/APH/03](https://doi.org/10.6094/helden.heroes.heros./2019/APH/03).
7. Allison S. T., Goethals G. R. Heroic Leadership: An Influence Taxonomy of 100 Exceptional Individuals. NY: Routledge, 2013.
8. Kinsella E. L., Ritchie T. D., Igou E. R. Zeroing in on heroes: A prototype analysis of hero features // J. of Personality and Social Psychology. 2015. Vol. 108, iss. 1. P. 114–127. DOI: [10.1037/a0038463](https://doi.org/10.1037/a0038463).

9. Kinsella E. L., Ritchie T. D., and Igou E. R. Lay perspectives on the social and psychological functions of heroes // *Frontiers in Psychology*. 2015. Vol. 6: 130. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00130>.
10. Franco Z. E., Blau K., Zimbardo P. G. Heroism: A conceptual analysis and differentiation between heroic action and altruism // *Review of General Psychology*. 2011. Vol. 15, iss. 2. P. 99–113. DOI: [10.1037/a0022672](https://doi.org/10.1037/a0022672).
11. Giesen B. *Triumph and Trauma* / ed. by J. Alexander, R. Eyerman. NY: Routledge, 2016.
12. Jayawickreme E., Di Stefano P. How Can We Study Heroism? Integrating Persons, Situations and Communities // *Political Psychology*. 2012. Vol. 33, no. 1. P. 165–178. DOI: [10.1111/j.1467-9221.2011.00861.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2011.00861.x).
13. Hook S. *The hero in history: a study in limitation and possibility*. New Brunswick; NJ: Transaction Publishers, 1992.
14. Gözl O. Heroes and the many: Typological reflections on the collective appeal of the heroic. Revolutionary Iran and its implications // *Thesis Eleven*. 2021. Vol. 165, iss. 1. P. 53–71. DOI: <https://doi.org/10.1177/07255136211033168>.
15. Герои года – 2020 // ВЦИОМ. 28.12.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geroi-goda-2020> (дата обращения: 05.01.2025).
16. Врачи – герои нашего времени // ВЦИОМ. 16.06.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vrachi-geroi-nashego-vremeni> (дата обращения: 05.01.2025).
17. Герои России: вчера и сегодня // ВЦИОМ. 27.09.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geroi-rossii-vchera-i-segodnja> (дата обращения: 05.01.2025).
18. Желизнык М. Н. Опыт использования метода неоконченных предложений в изучении образов «героя» и «антигероя» нашего времени // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2024. № 1. С. 257–275. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2460>.
19. Яковлева Е. Какие «черные лебеди» видны на горизонте и как не стать «обществом спектакля». Интервью «РГ» с гендиректором ВЦИОМ Валерием Федоровым // *Российская газета*. 15.01.2025. URL: <https://rg.ru/2025/01/15/vremia-nashego-geroia.html> (дата обращения: 21.01.2025).
20. Social Representations of Hero and Everyday Hero: A Network Study from Representative Samples / Z. Keczer, B. File, G. Orosz, P. G. Zimbardo // *PLoS ONE*. 2016. Vol. 11, no. 8. P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0159354>.
21. Плахов В. Д. *Герои и героизм: опыт современного осмысления вековой проблемы*. СПб.: КАРО, 2008.
22. Andersen T. F., Christensen J. R. We don't need another hero, do we? Researching heroism from a cultural perspective // *Akademic Quarter*. 2020. Vol. 20. P. 5–21. DOI: [10.5278/ojs.academicquarter.vi20.5845](https://doi.org/10.5278/ojs.academicquarter.vi20.5845).
23. Farley F. The real heroes of The Dark Knight // *Psychology Today*. 27.07.2012. URL: <https://www.psychologytoday.com/intl/blog/the-peoples-professor/201207/the-real-heroes-the-dark-knight> (дата обращения: 21.01.2025).

Информация об авторе.

Желизнык Мария Николаевна – аспирантка факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, ул. Смольного, д. 1/3, Санкт-Петербург, 191124, Россия; руководитель лаборатории исследования социокультурной активности молодежи института социологии РАН – филиала ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Россия. Автор 10 научных публикаций. Сфера интересов: социология культуры, социология молодежи, методика и методология социологических исследований.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 23.01.2025; принята после рецензирования 03.03.2025; опубликована онлайн 22.09.2025.*

REFERENCES

1. Efthimiou, O. and Allison, S.T. (2018), "Heroism science: Frameworks for an emerging field", *J. of Humanistic Psychology*, vol. 58, iss. 5, pp. 556–570. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022167817708063>.
2. Sztompka, P. (2005), *Socjologia. Analiza Społeczeństwa*, Transl. by Chervonnaya, S.M., Logos, Moscow, RUS.
3. Mikhailovskii, N.K. (1885), "Heroes and the crowd", *Sochineniya* [Compositions], in 6 vols., vol. 6, Tip. t-va "Obshchestvennaya pol'za", SPb., RUS, pp. 280–394.
4. Batygin, G.S. (1994), *Leksii po metodologii sotsiologicheskikh issledovaniy* [Lectures of the methodology of sociological research], Aspekt Press, Moscow, RUS.
5. Ozhegov, S.I. and Shvedova, N.Yu. (2012), *Tolkovy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language], in Skvortsov, L.I. ed., 28th ed., Mir i obrazovanie: ONIKS, Moscow, RUS.
6. Schlechtriemen, T. (2012), "The Hero as an Effect: Boundary Work in Processes of Heroization", *Helden. Heroes. Heroés. Special Iss. 5: Analyzing processes of heroization*, pp. 17–26. DOI: 10.6094/helden.heroes.heros./2019/APH/03.
7. Allison, S.T. and Goethals, G.R. (2013), *Heroic Leadership: An Influence Taxonomy of 100 Exceptional Individuals*, Routledge, NY, USA.
8. Kinsella, E.L., Ritchie, T.D. and Igou, E.R. (2015), "Zeroing in on heroes: A prototype analysis of hero features", *J. of Personality and Social Psychology*, vol. 108, iss. 1, pp. 114–127. DOI: 10.1037/a0038463.
9. Kinsella, E.L., Ritchie, T.D., and Igou, E.R. (2015), "Lay perspectives on the social and psychological functions of heroes", *Frontiers in Psychology*, vol. 6: article 130. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00130>.
10. Franco, Z.E., Blau, K. and Zimbardo, P.G. (2011), "Heroism: A conceptual analysis and differentiation between heroic action and altruism", *Review of General Psychology*, vol. 15, iss. 2, pp. 99–113. DOI: 10.1037/a0022672.
11. Giesen, B. (2016), *Triumph and Trauma*, in Alexander, J. and Eyerman, R. (eds.), Routledge, NY, USA.
12. Jayawickreme, E., and Di Stefano, P. (2012), "How Can We Study Heroism? Integrating Persons, Situations and Communities", *Political Psychology*, vol. 33, no. 1, pp. 165–178. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2011.00861.x.
13. Hook, S. (1992), *The hero in history: a study in limitation and possibility*, Transaction Publishers, New Brunswick, NJ, USA.
14. Gözl, O. (2021), "Heroes and the many: Typological reflections on the collective appeal of the heroic. Revolutionary Iran and its implications", *Thesis Eleven*, vol. 165, iss. 1, pp. 53–71. DOI: <https://doi.org/10.1177/07255136211033168>.
15. "Heroes of the year – 2020" (2020), *VCIOM*, 28.12.2020, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geroi-goda-2020> (accessed 05.01.2025).
16. "Doctors are the heroes of our time" (2021), *VCIOM*, 16.06.2021, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vrachi-geroi-nashego-vremeni> (accessed 05.01.2025).
17. "Heroes of Russia: yesterday and today" (2022), *VCIOM*, 27.09.2022, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geroi-rossi-vchera-i-segodnja> (accessed 05.01.2025).
18. Zheliznyk, M.N. (2024), "Using the Method of Unfinished Sentences in Studying the Images of the "Hero" and "Anti-Hero" of Our Time", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 1, pp. 257–275. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2460>.
19. Yakovleva, E. (2025), "What "black swans" are visible on the horizon and how not to become the "Society of the Spectre". Interview "RG" with the general director of VCIOM Valery Fedorov", *Rossiiskaya gazeta*, 15.01.2025, available at: <https://rg.ru/2025/01/15/vremia-nashego-geroia.html> (accessed 21.01.2025).

20. Keczer, Z., File, B., Orosz, G. and Zimbardo, P.G. (2016), "Social Representations of Hero and Everyday Hero: A Network Study from Representative Samples", *PLoS ONE*, vol. 11, no. 8, pp. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0159354>.

21. Plakhov, V.D. (2008), *Geroi i geroizm: opyt sovremennogo osmysleniya vekovoi problemy* [Heroes and Heroism. Current Understanding of the Centuries. Old Problem], KARO, SPb., RUS.

22. Andersen, T.F. and Christensen, J.R. (2020), "We don't need another hero, do we? Researching heroism from a cultural perspective", *Akademic Quarter*, vol. 20, pp. 5–21. DOI: 10.5278/ojs.academicquarter.vi20.5845.

23. Farley, F. (2012), "The real heroes of The Dark Knight", *Psychology Today*, 27.07.2012, available at: <https://www.psychologytoday.com/intl/blog/the-peoples-professor/201207/the-real-heroes-the-dark-knight> (accessed 21.01.2025).

Information about the author.

Maria N. Zheliznyk – Postgraduate of the Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, 1/3 Smolny str., St Petersburg 191124, Russia; Head of the Laboratory of Issue of the Sociocultural Activity of the Youth, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, 25/14 7th Krasnoarmeiskaya str., St Petersburg 190005, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: the sociology of culture, the sociology of youth, the methodology and methodology of sociological research.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 23.01.2025; adopted after review 03.03.2025; published online 22.09.2025

Оригинальная статья

УДК 316.4; 316.6; 004.8

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-4-61-75>

Цифровая турбулентность в высшем образовании: ИИ как вызов академической идентичности

Владимир Евгеньевич Драч¹, **Юлия Владимировна Торкунова²**

¹Сочинский государственный университет, Сочи, Россия

²Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия

¹vladimir@drach.pro, <https://orcid.org/0009-0009-6280-3160>

²torkynova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7642-6663>

Введение. Статья посвящена анализу трансформации высшего образования в условиях активного внедрения генеративного искусственного интеллекта (ИИ). Цель исследования – раскрыть, как генеративный ИИ трансформирует академическую идентичность студентов, переопределяет нормы легитимности знаний и воспроизводит социальное неравенство через алгоритмическую грамотность.

Методология и источники. Исследование опирается на данные репрезентативного анкетного опроса студентов нескольких российских вузов различного профиля. Применены методы стратифицированного выборочного анализа, корреляционного и факторного анализа. Статистическая надежность результатов обеспечивается соответствием нормальным распределениям и устойчивостью к выбросам.

Результаты и обсуждение. Установлено доминирование генеративных ИИ-инструментов (в частности, ChatGPT) в образовательной среде. Зафиксирована их высокая субъективная эффективность, в том числе в контексте академической успеваемости и формирования профессиональных компетенций. Обнаружен нормативный разрыв между распространенной практикой использования ИИ и этическими оценками его допустимости в обучении. Обсуждаются эффекты технологической асимметрии и редукционизма.

Заключение. Полученные данные подтверждают становление новой образовательной парадигмы, характеризующейся сдвигом от традиционного преподавания к технологически опосредованному обучению. Статья акцентирует внимание на необходимости нормативной и дидактической адаптации вузов к условиям цифровой среды.

Ключевые слова: высшее образование, генеративный искусственный интеллект, социологические исследования, машинное обучение, цифровая трансформация

Для цитирования: Драч В. Е., Торкунова Ю. В. Цифровая турбулентность в высшем образовании: ИИ как вызов академической идентичности // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 4. С. 61–75. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-61-75

Digital Turbulence in Higher education: AI as a Challenge to Academic identity

Vladimir E. Drach¹✉, Yulia V. Torkunova²

¹Sochi State University, Sochi, Russia

²Kazan State Energy University, Kazan, Russia

¹✉vladimir@drach.pro, <https://orcid.org/0009-0009-6280-3160>

²torkunova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7642-6663>

Introduction. The article is devoted to the analysis of the transformation of higher education in the context of the active introduction of generative artificial intelligence (AI). The aim of the study is to identify cognitive, behavioral and normative changes in students' educational practices caused by the digitalization of the academic environment.

Methodology and sources. The study is based on data from a representative questionnaire survey of students from several Russian universities of various profiles. The methods of stratified sample analysis, correlation and factor analysis are applied. Statistical reliability of the results is ensured by compliance with normal distributions, tolerance to outliers, and the use of the Cramer coefficient.

Results and discussion. The dominance of generative AI tools (in particular, ChatGPT) in the educational environment has been established. Their high subjective effectiveness is recorded, including in the context of academic performance and the formation of professional competencies. A normative gap has been found between the widespread practice of using AI and ethical assessments of its acceptability in teaching. The effects of technological asymmetry and reductionism are discussed.

Conclusion. The data obtained confirm the formation of a new educational paradigm characterized by a shift from traditional teaching to technologically mediated learning. The article focuses on the need for normative and didactic adaptation of universities to the digital environment.

Keywords: higher education, generative artificial intelligence, sociological research, machine learning, digital transformation

For citation: Drach, V.E. and Torkunova, Yu.V. (2025), "Digital Turbulence in Higher education: AI as a Challenge to Academic identity", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 4, pp. 61–75. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-61-75 (Russia).

Введение. Цифровая трансформация высшего образования представляет собой ключевой механизм адаптации к вызовам экономики знаний – социально-технологической парадигмы, где именно знания и компетенции становятся главным источником развития и конкурентных преимуществ [1–3]. В условиях нарастающей технологической турбулентности цифровая трансформация академической среды выступает не только как технический процесс, но и как глубоко социокультурное явление, затрагивающее эпистемологические основы университетского знания, институциональные режимы легитимации и механизмы социального воспроизводства профессиональных компетенций. Под цифровой турбулентностью мы понимаем состояние методологической и нормативной нестабильности в высшем образовании, вызванное стремительным внедрением ИИ-технологий, которые опережают адаптацию институциональных и социокультурных механизмов. В современных условиях

и при смещении акцентов от материального производства к производству символического и когнитивного ресурсов высшее образование утрачивает стабильность своих прежних нормативных ориентиров, вступая в зону методологической неопределенности. Особое значение в этом контексте приобретает генеративный искусственный интеллект [4; 5], выступая как агент алгоритмической рациональности, нарушает устоявшиеся границы между субъективным и автоматизированным знанием, между обучением и делегированием. Его повсеместное внедрение инициирует формирование новых социотехнических режимов учебной деятельности, в которых меняется не только форма образовательных практик, но и структура академической идентичности. В статье предпринята попытка социологической реконструкции поведенческих, когнитивных и нормативных изменений, происходящих среди студенчества в условиях алгоритмически опосредованного образования. Исследование основано на эмпирических данных, полученных в рамках проведения анонимного опроса студентов высших учебных заведений, и направлено на выявление скрытых структур цифровой адаптации и формирующихся механизмов нормативной легитимации новых технологических посредников в обучении.

Исходя из теории цифрового капитала (Бурдьё) и диффузии инноваций (Роджерс), мы выдвигаем следующие гипотезы:

- использование ИИ создает нормативный конфликт: студенты активно применяют алгоритмы, но не легитимируют их в этическом дискурсе (эффект «лаговой легитимации»);
- ИИ усиливает социальное неравенство среди студентов, трансформируя «алгоритмическую грамотность» в новый ресурс академического успеха;
- использования ИИ при сдаче экзаменов вызывает снижение доверия к профессиональной легитимности, что отражает границы социально приемлемой технологической медиации.

Отдельно подчеркнем, что исследование реализовано в парадигме социологии технологий, где ИИ рассматривается не как нейтральный инструмент, а как актор, трансформирующий социальные практики и идентичности.

Методология и источники. Исследование осуществлено в логике социологической операционализации феномена образовательной трансформации под воздействием генеративных ИИ-инструментов, выступающих как медиаторы когнитивного и нормативного сдвига в академической среде. Эмпирическая база построена на данных анкетного опроса, репрезентативно охватывающего студентов высших учебных заведений Российской Федерации, преимущественно трех ключевых университетов, отличающихся как по географической, так и по институционально-дисциплинарной стратификации:

- 1) Казанский государственный энергетический университет – отраслевой технический вуз, ориентированный на подготовку специалистов для энергетического сектора;
- 2) Сочинский государственный университет – многопрофильный вуз с преобладанием социально-экономической направленности;
- 3) МГТУ им. Н. Э. Баумана (Москва, Калуга) – университет инженерного профиля, представляющий высокотехнологичную компоненту.

Стратегия выборки носила вероятностный характер с применением многоступенчатой стратификации, обеспечивающей структурное выравнивание респондентов по профилю подготовки и региональному признаку. Превышение необходимого порогового объема вы-

борки позволило минимизировать эффект случайных смещений и повысить обобщаемость выводов. Методологическая надежность обеспечивалась соблюдением принципов внутренней валидности и статистической устойчивости.

Анонимное добровольное анкетирование проводилось на специализированной авторской платформе [6], обеспечивающей автоматизированную агрегацию метрик, вычисление коэффициентов ассоциации и динамическую корреляционную обработку. Обработка массивов осуществлялась с использованием языка Python 3.11, что позволило интегрировать количественный анализ в рамки социотехнического подхода. В фокусе анализа находились не столько институциональные различия, сколько структурные черты формирования цифровой субъектности и способы нормативного конструирования образовательной легитимности в условиях алгоритмизированной среды.

Для проверки гипотез использован корреляционный анализ:

- связь между частотой использования ИИ и этическими оценками;
- сравнение успеваемости студентов с разным уровнем «алгоритмической грамотности»;
- стратификация данных по специальностям.

Методологическая рамка исследования опирается на три ключевые традиции:

- критическая социология образования (П. Бурдьё) – анализ ИИ как инструмента воспроизводства цифрового капитала и нового вида образовательного неравенства;
- теория диффузии инноваций (Э. Роджерс) – интерпретация внедрения ИИ через призму нормативных лагов и конфликтов между ранними и поздними адаптантами;
- социология морали – изучение этических дилемм как отражения трансформации академических норм в цифровую эпоху.

Эмпирические методы (анкетирование, стратифицированная выборка) были подчинены этой концептуальной основе: выявление не только частоты использования технологий, но и скрытых механизмов стратификации, легитимации и формирования новых идентичностей. Количественный анализ дополнен качественной интерпретацией через призму указанных теорий.

Результаты и обсуждение.

Структура цифровых предпочтений: когнитивная дихотомия и социотехнические смещения. Анализ паттернов использования цифровых инструментов в образовательной практике студентов выявил выраженную бинарную конфигурацию, отражающую социотехническое перераспределение акцентов между традиционными академическими форматами и высокотехнологичными медиарешениями. Одним из ключевых вопросов, предложенных в рамках эмпирического инструментария, стало определение наиболее часто используемых обучающимися цифровых ресурсов. Респондентам предлагалось отметить несколько опций, включая онлайн-курсы, видеолекции преподавателей, геймифицированные платформы, виртуальные лаборатории, сторонние видеоматериалы и генеративные ИИ-сервисы (в частности, чат-боты типа ChatGPT). Результаты исследования показывают, что генеративные ИИ-инструменты стали основными и при обучении студентов – ими пользуются 93 % опрошенных. Это говорит о серьезных изменениях в образовательном процессе: теперь студенты чаще обращаются к ИИ (например, ChatGPT), чем к традиционным методам обучения. На втором месте – видеоплатформы (88 %). Это означает, что студенты предпочитают

короткие, наглядные форматы вместо углубленного изучения материала через учебники или лекции. Классические академические ресурсы – научные статьи, книги, специализированные платформы – оказались маргинализированы (<1 %), что демонстрирует кризис текстоцентричной дидактики в условиях информационного перенасыщения. Умеренная востребованность онлайн-курсов (23 %), видеолекций (20 %) и игровых платформ (19 %) указывает на их вспомогательный статус в новой конфигурации цифрового обучения. Виртуальные лаборатории (12 %) сохранили свою нишевую специфику преимущественно в инженерных и естественно-научных направлениях. Таким образом, зафиксировано формирование новой иерархии образовательных средств, в которой генеративный ИИ выполняет функцию социотехнического посредника – не просто инструмента, а инфраструктурного элемента академической социализации. Обнаруженная поляризация между высокотехнологичными и классическими форматами позволяет интерпретировать результаты в логике «цифрового разрыва», проявляющегося в конфликте между институционально закрепленными педагогическими практиками и де-факто возникающими режимами самостоятельного технологически опосредованного обучения.

Предпочтения в инструментах синтетической генерации текстов. Анализ предпочтений среди генеративных ИИ-инструментов выявил доминирование ChatGPT (84 %) как основного образовательного медиатора, что указывает на формирование моноцентричной модели технологической зависимости. Значительный, но существенно меньший интерес вызвал DeepSeek (55 %) – как альтернатива академической направленности. Остальные решения (Perplexity – 19 %, Claude – 16 %, Gemini – 10 %) представлены фрагментарно, а такие платформы, как HuggingChat, Phind и Bard, коллективно продемонстрировали маргинальное присутствие (<3 %), что свидетельствует о высокой концентрации пользовательского внимания вокруг единичных лидеров (подтверждение гипотезы 2).

Интересное наблюдение было сделано при стратификации данных: оказалось, что чем ближе специализация студента к машинному обучению или информационным технологиям, тем чаще предпочтение отдавалось DeepSeek, а студенты гуманитарных специальностей массово тяготеют к ChatGPT. Дополнительный опрос показал: чтобы видеть различия в моделях LLM и их версиях, студенты должны одновременно обучаться по профильной специальности и иметь высокую успеваемость.

Выбор вспомогательной образовательной платформы. Анализ ответов на вопрос: «Какой цифровой инструмент оказался для вас наиболее полезным в освоении профессии?» выявил выраженную стратификацию цифровых предпочтений в профессиональной подготовке студентов. Абсолютным лидером выступили генеративные ИИ-системы (32 % с учетом вариативных формулировок), что указывает на трансформацию структуры профессиональной социализации: интеллектуальные агенты становятся нормализованной частью повседневной когнитивной практики обучающихся. На втором месте – видеоконтент-платформы (20 %, в основном YouTube, несмотря на современные технические ограничения на территории России), отражающие смещение в сторону визуально-фрагментированного, неформального знания.

Формальные образовательные ресурсы (онлайн-курсы – 10 %) демонстрируют вторичную значимость, уступая индивидуализированным цифровым траекториям. Классические среды и платформы для разработки (10 %) представляют технически специализированные

сегменты. Альтернативные ИИ-инструменты (8 %) остались маргинализированы, что подтверждает эффект платформенного доминирования. Феномен семантической диффузии (6 % – неопределенные ответы) фиксирует когнитивную неоднородность в восприятии цифрового поля как образовательного ландшафта.

Оценка влияния цифровых технологий на академическую продуктивность также продемонстрировала социологически значимую динамику: 92 % студентов отметили улучшение успеваемости, из них 53 % – существенное. Это подтверждает тезис о роли цифровых инструментов как катализаторов не только обучения, но и переформатирования образовательных траекторий. Нейтральные (7 %) и негативные (1 %) оценки свидетельствуют о существовании когнитивных, дисциплинарных и нормативных ограничений, требующих дальнейшей интерпретации в рамках цифрового неравенства и индивидуальных стратегий адаптации.

Теоретическая интерпретация: цифровое усиление и социальное расслоение. Полученные данные согласуются с концепцией цифрового усиления (*digital augmentation*), в рамках которой ИИ-инструменты выступают как когнитивные экзопротезы, расширяющие индивидуальные возможности за счет алгоритмической оптимизации. Это проявляется в трех ключевых аспектах:

- усилении когнитивной производительности;
- персонализации временных и содержательных траекторий обучения;
- формировании метакомпетенций взаимодействия с нематериальными агентами.

При этом феномен нейтрального восприятия (7 %) указывает на наличие латентных форм цифрового неравенства, проявляющихся в избирательности доступа и ассимиляции новых технологических режимов.

Анализ восприятия профессиональных навыков, развиваемых с помощью цифровых технологий, демонстрирует выраженную технократическую смещенность: программирование (83 %), аналитика (70 %) и работа с данными (51 %) доминируют над коммуникативно-рефлексивными компетенциями (командная работа – 32 %). Такая конфигурация свидетельствует о структурной асимметрии между операциональными и социальными аспектами профессионального становления. Маргинальность «креативных» навыков (1 %) указывает на эффект цифрового редукционизма, при котором инновационные технологии воспроизводят узкий спектр функциональных задач. В результате возникает компетентностный разрыв – рассогласование между инструментальной ориентацией цифровой среды и требованиями к гибриднему, адаптивному специалисту.

Несмотря на когнитивные преимущества, широкое внедрение ИИ сопряжено с социологическими рисками, такими как усиление вертикальной стратификации, нормативное обесценивание *soft skills* [7] и институционализация асимметричного распределения когнитивного капитала.

Анализ ответа на вопрос о необходимости расширения доли цифровых технологий в университетах выявил устойчивый консенсус: 76 % студентов поддерживают технологическое переосмысление образовательной среды (рис. 1). Это указывает на нормативное принятие цифровизации как новой образовательной нормы и отражает высокий уровень институциональной и повседневной адаптации студентов к цифровым агентам. Однако 24 % респондентов выразили нейтральную или отрицательную позицию (в равных долях), демон-

стрируя присутствие цифрового скепсиса, связанного с перегрузкой, недоверием к эффективности или потерей контроля над учебным процессом.

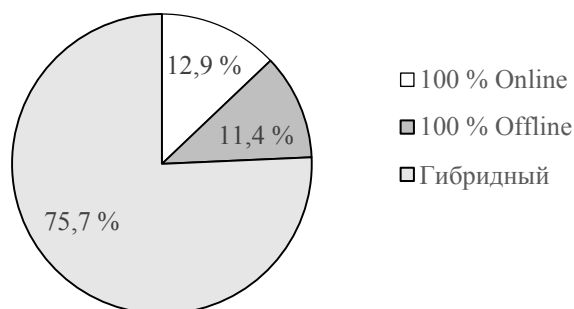

Рис. 1. Какой формат обучения для Вас наиболее эффективен с точки зрения получения реальных знаний, умений, навыков?

Fig. 1. Which training format is most effective for you in terms of gaining real knowledge, skills, and abilities?

Результаты согласуются с ранее установленными паттернами массовой технологической интеграции (93 % – использование ИИ, 92 % – позитивная оценка влияния на успеваемость) и подтверждают запрос на пересборку университетских практик.

Предпочтение гибридной модели обучения (75 %) указывает на институционализацию смешанного формата как наиболее легитимного. Одинаково низкий интерес к крайним форматам (полностью лично и полностью дистанционно – по 12,5 %) подтверждает кризис бинарной оппозиции «цифра vs традиция». В социологическом измерении это свидетельствует о формировании новых образовательных установок, в которых цифровое присутствие воспринимается не как альтернатива, а как необходимый элемент учебной среды. Образовательные институты, таким образом, сталкиваются с необходимостью разработки не универсальных, а гибко конфигурируемых педагогических режимов, учитывающих множественность цифровых идентичностей студентов.

Цифровые барьеры и нормативный переход: между доступом, доверием и адаптацией. Одним из наиболее социологически значимых блоков исследования стал анализ затруднений при использовании цифровых технологий в обучении. Доминирующий барьер (22,7 %) связан с институциональными ограничениями доступа – от технологической нестабильности до внешнеполитических блокировок. Однако четверть респондентов (27,3 %) не фиксирует трудностей, что может свидетельствовать либо о высокой цифровой резильентности, либо о поверхностной вовлеченности в цифровую среду.

На уровне когнитивных и организационных дефицитов выделяются три доминанты: эпистемическая ненадежность (10,6 %), технические сбои (7,6 %) и эргономические затруднения (9,1 %). Также зафиксированы дидактические пробелы (9,1 %) и финансовые ограничения (1,5 %), а гетерогенные «иные» ответы (12,1 %) указывают на многослойность цифрового неравенства.

Статистический анализ субъективной успеваемости выявил положительное восприятие цифровой интеграции: 70 % респондентов отметили значимое улучшение результатов. Нейтральная группа (24 %) и минимальное количество негативных оценок подтверждают доминирование адаптивного типа цифровой социализации. Однако за внешним консенсусом скрываются латентные когнитивные издержки и риски перегрузки.

Социологическая интерпретация нормативного диссонанса в технологически опосредованных образовательных практиках. Представленные эмпирические данные раскрывают фундаментальный социокультурный парадокс современного высшего образования, где технологическая практика и нормативное сознание существуют в состоянии перманентного напряжения. Распределение частотности использования чат-ботов (вопрос «Как часто вы пользуетесь чат-ботами для решения контрольных заданий в университете?») формирует характерную бимодальную кривую (см. рис. 2) с выраженным центральным кластером (время от времени – 34 %), обрамленным практически симметричными зонами интенсивного (постоянно/часто – 39 %) и ограниченного (редко/никогда – 26 %) применения. Такая конфигурация соответствует модели технологической диффузии Эверетта Роджерса, где 34 % респондентов представляют критическую массу «раннего большинства», обеспечивающего переход инновации в фазу нормализации.

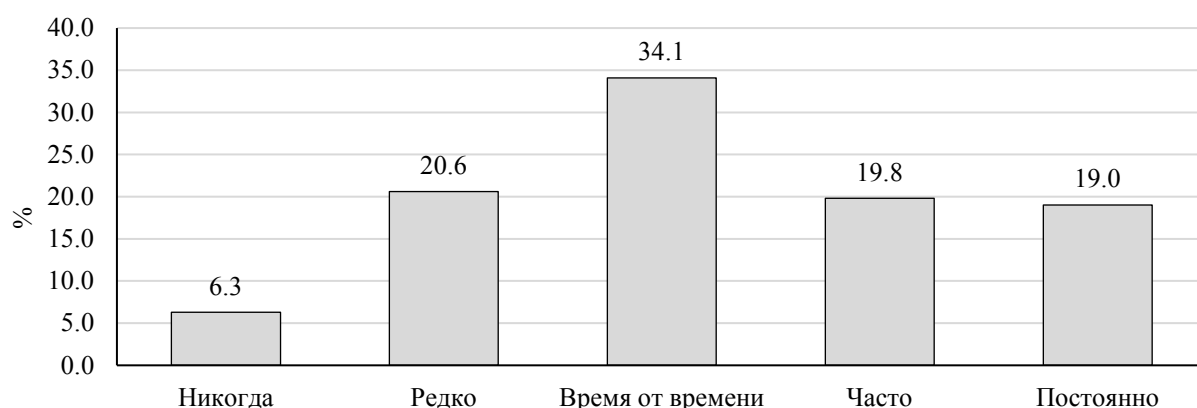

Рис. 2. Как часто Вы пользуетесь чат-ботами для решения контрольных заданий в университете?
Fig. 2. How often do you use chatbots to solve control tasks at the university?

Параллельный анализ этических оценок (вопрос «Вы считаете это этичным – использовать чат-боты для решения контрольных заданий?») выявляет три конкурирующих нормативных режима (см. рис. 3): традиционалистский (абсолютно нет/нет – 21 %), переходный (не уверен – 28 %) и инновационный (наверное да/точно да – 55 %). Эта триангуляция ценностных ориентаций демонстрирует процесс активного пересмотра академических норм под влиянием цифровых практик. Примечательно, что зона когнитивной неопределенности (не уверен) практически идентична по объему центральному кластеру пользователей (время от времени), что позволяет интерпретировать ее как буферную территорию нормативной трансформации.

Сравнительный анализ двух распределений обнаруживает явление социологического характера – эффект нормативного лага, когда технологическая практика (73 % хотя бы умеренного использования) существенно опережает формирование консенсусных этических стандартов. Этот диссонанс особенно рельефно проявляется в контрасте между 19 % очень частых пользователей и 28 % полностью принимающих эту практику респондентов, что указывает на существование значительной группы акторов, регулярно использующих технологию в состоянии нормативного конфликта.

Согласно теории Бурдьё [8], использование чат-ботов в учебе можно рассматривать как новый способ борьбы за успех в академической среде. Хотя студенты активно применяют

ИИ, его статус остается неоднозначным – он еще не стал официально признанным инструментом обучения. Это противоречие между реальной практикой и официальными нормами формирует особый тип студенческого поведения: с одной стороны, они используют цифровые технологии, с другой – постоянно задаются вопросами об этичности такого подхода. Данная конфигурация представляет особый интерес для социологии морали, демонстрируя, как технологические инновации разрушают традиционные бинарные этические классификации, создавая сложную мозаику переходных нормативных состояний. Выявленный феномен требует пересмотра классических теорий академической честности через призму концепции «распределенной эпистемической ответственности» в условиях цифровой среды.

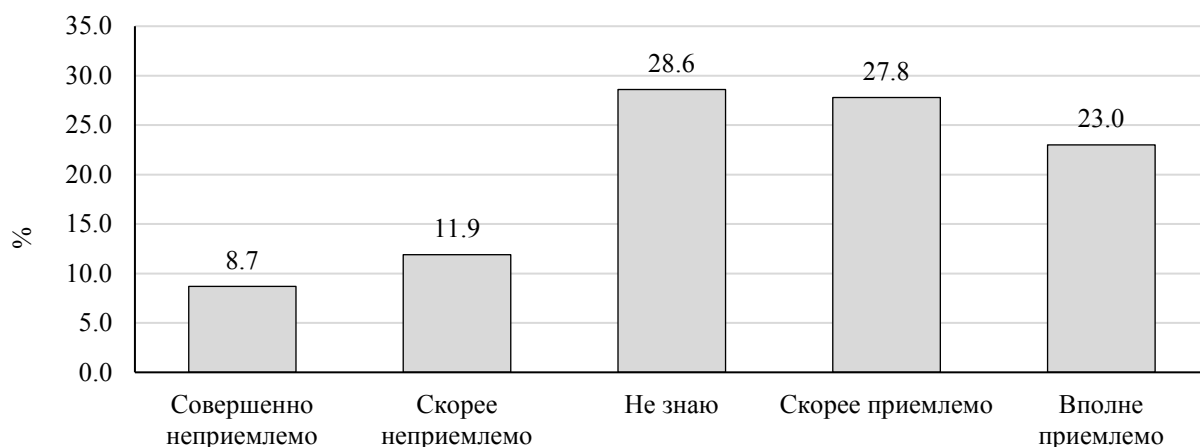

Рис. 3. Опрос анонимный, поэтому, пожалуйста, ответьте честно,
Вы считаете это этичным – использовать чат-боты для решения контрольных заданий?
Fig. 3. The survey is anonymous, so please tell me honestly,
do you think it's ethical to use chatbots to solve control tasks?

Таким образом, мы наблюдаем фазу трансформационного сдвига: академические нормы и образовательные структуры подвергаются давлению со стороны цифровой повседневности. Это требует переосмысления моделей академической честности и формирования педагогических стратегий, способных удерживать баланс между технологическим реализмом и социокультурной ответственностью.

Парадокс доверия: цифровая компетентность и границы профессиональной легитимности. Завершающим акцентом исследования стал анализ восприятия цифровой компетентности в критически значимых профессиях. Провокационный вопрос: «Приемлемо ли, чтобы вас лечил врач, сдававший контрольные с помощью чат-бота?» – позволил выявить острое социокультурное напряжение в оценке технологически опосредованного профессионального становления.

Результаты демонстрируют нормативную поляризацию в восприятии использования ИИ при выполнении экзаменационных заданий в профессионально-значимых сферах (см. рис. 4). На вопрос о допустимости того, чтобы будущий врач сдавал контрольные и экзамены с помощью чат-бота, 20,8 % респондентов ответили категорическим отказом, еще 19,2 % выразили недоверие в менее жесткой форме. Почти 40 % студентов отказываются признавать такую траекторию обучения легитимной, что отражает устойчивые установки академического пуризма и стремление сохранить автономность знания как условие профес-

сионального доверия. Только 14,4 % опрошенных вполне допускают такую ситуацию, а 12,8 % делают это с оговорками. Заметная доля неопределившихся (32,8 %) свидетельствует о кризисе нормативных ориентиров: алгоритмическая помощь при сдаче экзаменов остается спорной с точки зрения границ допустимой профессиональной подготовки. Респонденты проводят этическую границу между повседневным использованием ИИ и ситуациями, затрагивающими академическую честность и эпистемическое доверие.

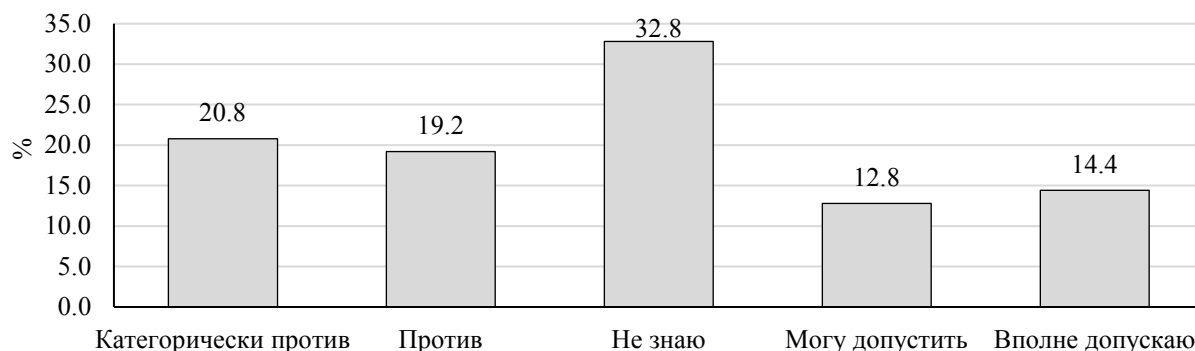

Рис. 4. Приемлемо ли, чтобы Вас лечил врач, сдававший контрольные задания и экзамены с помощью чат-бота?

Fig. 4. Is it acceptable for you to be treated by a doctor who took the tests using a chatbot?

Ключевым феноменом становится когнитивная неопределенность – 32 % респондентов затруднились с ответом, что отражает кризис эпистемического доверия и институциональную неготовность к легитимации новых форм компетентностного производства. Парадоксально: массовое применение ИИ в учебных практиках (73 %) сосуществует с отказом признать эти технологии легитимным основанием для профессиональной ответственности [9–11].

Это противоречие связано с эффектом когнитивного диссонанса: индивидуальная польза от ИИ не экстраполируется на общественно значимые сферы. Теоретическая рамка опирается на концепт эпистемической ответственности – тревога студентов касается не столько качества знаний, сколько разрушения прежних символических основ доверия к профессии.

Практические следствия включают необходимость:

- формирования стандартов цифровой подготовки для высокорисковых профессий;
- создания новых моделей верификации компетенций;
- работы с общественным восприятием и нормативной неопределенностью.

Таким образом, мы сталкиваемся с легитимационным разрывом: технологические практики опережают институциональные механизмы одобрения, порождая социальную турбулентность в системе подготовки специалистов.

Результаты анкетирования выявили противоречие между доминирующим мнением студентов и теоретическими ожиданиями цифрового расслоения. Только 19 % респондентов согласились с тем, что использование ИИ в обучении усиливает неравенство, тогда как 71 % отвергли эту идею, а 10 % затруднились с ответом. На первый взгляд, эти данные могут свидетельствовать об отсутствии массового осознания социальных рисков, связанных с внедрением ИИ. Однако при интерпретации результатов через призму концепции «скрытой стратификации» [8] и «эпистемического неравенства» [9] становится очевидным, что студенты, отрицающие проблему, скорее всего, принадлежат к группе, уже адаптировавшейся к цифровым инстру-

ментам, тогда как уязвимые категории (например, менее успевающие или недостаточно технически подкованные обучающиеся) остаются «невидимыми» в рамках данного опроса. Авторы статьи интерпретируют этот парадокс как проявление «эффекта цифровой нормализации», когда технологически продвинутые студенты, составляющие большинство в выборке, воспринимают ИИ как естественную часть образовательной среды, не замечая его дисбалансирующего воздействия. Подтверждением этой гипотезы служит наше дополнительное исследование, показавшее, что академически успешные студенты используют ИИ систематически (например, для оптимизации написания работ или анализа данных), тогда как менее успевающие либо применяют его хаотично, либо сталкиваются с трудностями при формулировании запросов, что приводит к кумулятивному разрыву в результативности. Этот разрыв не только воспроизводит традиционное академическое неравенство, но и приумножает его за счет возникновения нового барьера – «алгоритмической грамотности», становящейся скрытым ресурсом образовательного успеха. Таким образом, несмотря на кажущийся консенсус студентов, данные согласуются с ключевой гипотезой исследования о том, что ИИ опосредует трансформацию социальных неравенств в высшем образовании, делая их менее явными, но более структурными. Это требует пересмотра методов диагностики цифрового расслоения, включая учет не только частоты использования технологий, но и качества их интеграции в индивидуальные образовательные траектории. Полученные результаты подчеркивают необходимость институциональных мер – от введения курсов по работе с ИИ до мониторинга «цифрового разрыва» – для предотвращения воспроизводства скрытых форм образовательной стратификации.

Результаты опроса выявили заметный скепсис среди студентов относительно влияния ИИ на нормы академической честности: 70 % респондентов (объединенные категории «полностью не согласен» и «скорее не согласен») не считают, что технологии кардинально меняют этические стандарты в их вузах. Однако значимая доля (31 %) все же признает определенное воздействие ИИ на учебные нормы (группы «скорее согласен» и «полностью согласен»). Такой раскол в оценках соответствует выявленному ранее «нормативному лагу» – ситуация, когда повсеместное использование технологий опережает формирование четких правил их применения. Особенно показательно минимальное количество (1 %) нейтральных ответов, что свидетельствует о поляризации мнений: студенты либо не видят проблемы, либо уже фиксируют изменения. Авторы интерпретируют эти данные через призму теории институционального доверия [9], предполагая, что отрицание влияния ИИ может быть защитной реакцией академического сообщества, стремящегося сохранить традиционные критерии честности даже в условиях цифровой трансформации. При этом согласные с трансформацией норм 31 % студентов, вероятно, отражают реальные изменения в практиках выполнения заданий, что требует дальнейшего изучения механизмов адаптации вузовских правил к новым технологическим реалиям.

Рассмотрим влияние легализации ИИ на ценностные ориентации студентов. Результаты опроса демонстрируют их неоднозначное отношение к возможному официальному разрешению использования ИИ в учебном процессе. Половина респондентов (50 %) считают, что это не повлияет на их мотивацию к самостоятельному обучению, что может свидетельствовать о сложившемся нейтральном восприятии технологий как естественного элемента образовательной среды. При этом значительная часть студентов (40 %) видят в таком решении потенциал для усиления мотивации, рассматривая ИИ в качестве вспомогательного инструмента, что со-

гласуется с концепцией «цифрового усиления» (digital augmentation). Лишь 10 % опрошенных признают, что легализация ИИ снизит их учебную активность, а это позволяет говорить об ограниченных рисках демотивации. Полученные результаты подчеркивают необходимость разработки четких правил использования ИИ, которые могли бы минимизировать потенциальные негативные эффекты при сохранении преимуществ технологической поддержки обучения.

Наконец, рассмотрим восприятие студентами преимуществ в обучении при использовании ИИ в зависимости от специальности (технические, гуманитарные, медицинские). Результаты опроса выявили четкое представление студентов о дисциплинарных различиях в использовании ИИ: большинство (60,5 %) считают, что наибольшую выгоду от этих технологий получают учащиеся технических специальностей. Это мнение согласуется с данными основного исследования, где отмечалось, что студенты технических профилей чаще выбирают специализированные ИИ-инструменты (например, DeepSeek) и демонстрируют более осознанное взаимодействие с алгоритмами. Примечательно, что лишь 9 % респондентов видят преимущества для гуманитарных направлений, что подтверждает наблюдения авторов о поверхностном использовании ИИ в этих сферах, зачастую ограничивающемся составлением кратких запросов без глубокой аналитической работы. Особый интерес представляет минимальный процент (1 %) ответов, указывающих на медицинские специальности. Этот результат перекликается с ранее выявленным скепсисом студентов в отношении доверия к врачам, использовавшим ИИ в обучении (39 % респондентов в основном исследовании категорически отвергали такую возможность). Подобная двойственность – признание потенциала ИИ для технических областей при одновременном неприятии его в медицине – отражает сохраняющиеся в академической среде представления о «допустимых» и «недопустимых» сферах применения технологий. Как отмечают авторы, это противоречие требует дальнейшего изучения, в том числе с привлечением студентов медицинских вузов, чтобы понять, связано ли оно с особенностями профессиональной подготовки или общественными ожиданиями к разным профессиям. Полученные данные подтверждают гипотезу о формировании новой формы образовательного неравенства, где технически ориентированные студенты получают дополнительные преимущества за счет более эффективного использования ИИ. Это ставит перед вузами задачу разработки адаптивных программ цифровой грамотности, учитывающих дисциплинарную специфику и направленных на сокращение возникающего разрыва.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о формировании в академической среде новых социотехнических режимов, в которых генеративный искусственный интеллект становится не просто инструментом когнитивной поддержки, но фактором глубокого изменения норм, практик и идентичностей. Доминирование ИИ в образовательной повседневности студентов сопровождается нормативными расхождениями и когнитивной неопределенностью, свидетельствующими о разрыве между институциональной регуляцией и реальными практиками. Полученные данные демонстрируют, что цифровая адаптация принимает форму неравномерного и порой конфликтного процесса, в котором технологии опережают социальные механизмы их осмысления и встраивания. Практики делегирования когнитивного труда ИИ приводят к кризису академической автономии: знание больше не производится, а курируется через алгоритмы, что ставит под вопрос традиционные критерии экспертизы.

На социологическом уровне это отражает трансформацию самой природы академической легитимности, где границы между самостоятельным знанием и алгоритмической по-

мощью становятся все менее отчетливыми. Университетская система, оказавшись в условиях цифровой турбулентности, сталкивается с вызовом не только технологической модернизации, но и переопределения оснований педагогической ответственности и доверия. В этом контексте становится очевидной необходимость разработки новых нормативных и дидактических рамок, способных не просто регламентировать использование ИИ, но и вписать его в социокультурную ткань образования как устойчивый и легитимный элемент академической практики. Исследование подводит к выводу о том, что будущее высшего образования зависит не столько от темпов цифровизации, сколько от способности социума институционализировать и критически осмыслить ее последствия.

Результаты подтверждают теорию Бурдьё о цифровом капитале: ИИ становится инструментом символического насилия, где технически подкованные студенты получают преимущество, а остальные сталкиваются с новой формой маргинализации. Это требует пересмотра роли университета как арбитра в распределении эпистемических ресурсов. По мнению авторов, полученные данные указывают на необходимость системных изменений: 1) нормативных – через регламентацию ИИ-практик; 2) дидактических – через интеграцию технологий в учебные курсы; 3) социальных – путем снижения цифрового неравенства. Без такой комплексной адаптации университеты рискуют усугубить разрыв между технологическими возможностями и их культурным принятием.

В качестве финального аккорда можно констатировать, что результаты работы подтверждают:

- нормативный конфликт (гипотеза 1): 73 % студентов используют ИИ, но лишь 28 % считают этот факт безусловно этичным, что согласуется с концепцией лаговой легитимации;
- неравенство (гипотеза 2): академически успешные студенты систематически применяют ИИ, тогда как менее успевающие – хаотично ($p < 0,05$), подтверждая роль алгоритмической грамотности как цифрового капитала;
- восприятие использования ИИ в контрольных и экзаменационных форматах (гипотеза 3) выявило нормативные пределы допустимой технологической медиации: студенты демонстрируют значительное снижение доверия к профессиональной подготовке в сферах с высокой общественной ответственностью. Вопрос о приемлемости применения ИИ врачом при сдаче экзаменов вызвал преобладание негативных и неопределенных реакций, что отражает социокультурные границы алгоритмической легитимации в критически значимых профессиях.

Работа расширяет поле критической социологии образования, демонстрируя, как ИИ переопределяет механизмы распределения культурного капитала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глухих В. А., Елисеев С. М., Кирсанова Н. П. Искусственный интеллект как проблема современной социологии // Дискурс. 2022. Т. 8, № 1. С. 82–93. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-82-93>.
2. Ильичев В. Ю., Драч В. Е., Чукаев К. Е. Морально-нравственные проблемы всеобщего применения нейронных сетей // Рефлексия. 2023. № 5. С. 8–13.
3. Цифровая экономика и системная цифровая трансформация / А. С. Копырин, Е. В. Видищева, В. В. Коваленко и др. / под общ. ред. А. С. Копырина. Сочи: РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2023.
4. Generative artificial intelligence // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Generative_artificial_intelligence (дата обращения: 20.08.2024).

5. Драч В. Е., Торкунова Ю. В. Использование генеративного искусственного интеллекта для социологических исследований // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 1. С. 52–70. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-52-70.
6. Drach.pro. URL: <https://drach.pro> (дата обращения: 21.01.2025).
7. Soft skills development in ICT students: an evaluation of teaching methods by university educators / A. L. Garcia, E. Trullols, A. Pérez-Poch, N. Petrović // *Cogent Education*. 2025. Vol. 12, no. 1: 2437906. DOI: 10.1080/2331186X.2024.2437906.
8. Bourdieu P. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste* / Transl. by R. Nice. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1984.
9. Selwyn N. The future of AI in education: Some cautionary notes // *European J. of Education*. 2022. Vol. 57, iss. 4. P. 620–631. DOI: <https://doi.org/10.1111/ejed.12532>.
10. "Where's the line? It's an absurd line": towards a framework for acceptable uses of AI in assessment / T. Corbin, P. Dawson, K. Nicola-Richmond, H. Partridge // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2025. DOI: 10.1080/02602938.2025.2456207.
11. Flew T. Mediated Trust and Artificial Intelligence // *Emerging Media*. 2023. Vol. 1, iss. 1. P. 22–29. DOI: 10.1177/27523543231188793.

Информация об авторах.

Драч Владимир Евгеньевич – кандидат технических наук (2005), доцент (2006), доцент кафедры информационных технологий и математики Сочинского государственного университета, ул. Пластунская, д. 94, г. Сочи, 354000, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: радиоэлектроника, информационные технологии, педагогика.

Торкунова Юлия Владимировна – доктор педагогических наук (2015), профессор кафедры информационных технологий и интеллектуальных систем Казанского государственного энергетического университета, ул. Красносельская, д. 51, г. Казань, 420066, Россия. Автор более 180 научных публикаций. Сфера научных интересов: информационные технологии в образовании и экономике.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 21.04.2025; принята после рецензирования 27.05.2025; опубликована онлайн 22.09.2025.

REFERENCES

1. Glukhikh, V.A., Eliseev, S.M. and Kirsanova, N.P. (2022), "Artificial Intelligence as a Problem of Modern Sociology", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 82–93. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-82-93.
2. Ilyichev, V.Yu., Drach, V.E. and Chukaev, K.E. (2023), "Moral and Ethical Problems of Universal Use of Neural Networks", *Refleksiya* [Reflection], no. 5, pp. 8–13.
2. Kopyrin, A.S., Vidishcheva, E.V., Kovalenko, V.V. et al. (2023), *Tsifrovaya ekonomika i sistemnaya tsifrovaya transformatsiya* [Digital Economy and Systemic Digital Transformation], in Kopyrin, A.S. (ed.), RIC FGBOU VO "SSU", Sochi, RUS.
4. "Generative artificial intelligence", *Wikipedia*, available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Generative_artificial_intelligence (accessed 20.08.2024).
5. Drach, V.E. and Torkunova, Yu.V. (2025), "Implementation of Generative Artificial Intelligence in Sociological Research", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 1, pp. 52–70. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-52-70.
6. *Drach.pro*, available at: <https://drach.pro> (accessed 21.01.2025).
7. Garcia, A.L., Trullols, E., Pérez-Poch, A. and Petrović, N. (2025), "Soft skills development in ICT students: an evaluation of teaching methods by university educators", *Cogent Education*, vol. 12, no. 1: 2437906. DOI: 10.1080/2331186X.2024.2437906.

8. Bourdieu, P. (1984), *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*, Transl. by Nice, R., Harvard Univ. Press, Cambridge, RUS.
9. Selwyn, N. (2022), "The future of AI in education: Some cautionary notes", *European J. of Education*, vol. 57, iss. 4, pp. 620–631. DOI: <https://doi.org/10.1111/ejed.12532>.
10. Corbin, T., Dawson, P., Nicola-Richmond, K. and Partridge, H. (2025), "'Where's the line? It's an absurd line': towards a framework for acceptable uses of AI in assessment", *Assessment & Evaluation in Higher Education*. DOI: 10.1080/02602938.2025.2456207.
11. Flew, T. (2023), "Mediated Trust and Artificial Intelligence", *Emerging Media*, vol. 1, iss. 1, pp. 22–29. DOI: 10.1177/27523543231188793.

Information about the authors.

Vladimir E. Drach – Can. Sci. (Engineering, 2005), Docent (2006), Associate Professor at the Department of Information Technologies and Mathematics, Sochi State University, 94 Plastunskaya str., Sochi 354000, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: radio electronics and information technologies, pedagogy.

Yulia V. Torkunova – Dr. Sci. (Pedagogic, 2015), Professor at the Department of Information Technologies and Intelligent Systems, Kazan State Power Engineering University, 51 Krasnoselskaya str., Kazan 420066, Russia. The author of more than 180 scientific publications. Area of expertise: information technology in education and economics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 21.04.2025; adopted after review 27.05.2025; published online 22.09.2025.*

Оригинальная статья

УДК 316.722

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-4-76-87>

Особенности создания и потребления музыки в эпоху стриминговых платформ

Евгений Александрович Пашковский

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
egn-pashkovsky@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4275-6407>*

Введение. В статье обсуждаются особенности современных методов создания и распространения музыки, а также их влияние на формирование музыкальных вкусов и предпочтений у молодежной аудитории. Особое внимание уделено стриминговым сервисам на основе предположения, что их распространенность коренным образом изменяет процесс создания, дистрибуции и потребления музыки.

Методология и источники. В качестве источников используются работы современных зарубежных и отечественных специалистов в области социологии музыки, культурологии и масс-медиа. Также анализируются мнения экспертов, занимающихся распространением музыкальных произведений, и музыкальных журналистов. Эмпирическую часть статьи составило анкетирование российской молодежи в возрасте от 17 лет до 21 года. Выбор данной аудитории обусловлен двумя причинами: особая привязанность к музыке обычно фиксируется у молодых людей в силу особенностей их психического и социального развития; прирост аудитории стриминговых сервисов происходит в основном за счет молодой аудитории. Используется теория социальных представлений С. Московичи в том смысле, что оценка представлений респондентов о музыке может рассматриваться как характеристика поколения зуммеров.

Результаты и обсуждение. Эксперты отмечают, что в эпоху стриминговых платформ значительные изменения происходят не только в технологиях распространения музыкальных произведений, но и в записи музыки и восприятии ее слушателями. Музыкальные предпочтения формируются искусственным интеллектом, что, с одной стороны, расширяет кругозор слушателя, с другой стороны, ограничивает его в узнавании радикально нового. Теряется связь между слушателем и личностью исполнителя, возникает феномен фейковых артистов, отношение к музыке становится более потребительским, музыкальные произведения подстраиваются под специфику стриминговых платформ. Эти и другие тенденции рассматриваются в зеркале восприятия молодых слушателей.

Заключение. Исследование позволило сделать следующие выводы: стриминговые платформы задают основу управления музыкальными вкусами, но пока не формируют их полностью; популярная музыка становится в последнее время менее интересной; популяризация современных музыкальных произведений связана в меньшей степени с изысканностью их звучания или музыкальной составляющей, и в большей – с модными трендами, витриной которых являются социальные сети, предлагающие короткие вертикальные видео.

Ключевые слова: социология музыки, стриминговые платформы, поколение зуммеров, оптимизация музыки, платформизация музыки, фейковые артисты

© Пашковский Е. А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Пашковский Е. А. Особенности создания и потребления музыки в эпоху стриминговых платформ // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 4. С. 76–87. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-76-87

Original paper

Features of Music Creation and Consumption in the Era of Streaming Platforms

Evgeny A. Pashkovsky

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
egn-pashkovsky@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4275-6407>*

Introduction. The article discusses the features of modern methods of music creation and distribution, as well as their influence on the formation of musical tastes and preferences among young audiences. Particular attention is paid to streaming services based on the assumption that their prevalence is fundamentally changing the process of music creation, distribution and consumption.

Methodology and sources. The sources used are the works of modern foreign and domestic experts in the field of sociology of music, cultural studies and mass media. The opinions of experts involved in the distribution of musical works and music journalists are also analyzed. The empirical part of the article was a survey of Russian youth aged 17 to 21. The choice of this audience is due to two reasons: a special attachment to music is usually recorded in young people due to the peculiarities of their mental and social development; the growth of the audience of streaming services occurs mainly due to the young audience. The theory of social representations of S. Moscovici is used in the sense that the assessment of respondents' ideas about music can be considered as a characteristic of the Generation Z.

Results and discussion. Experts note that in the era of streaming platforms, significant changes occur not only in the technologies of distributing musical works, but also in recording music and its perception by listeners. Musical preferences are formed by artificial intelligence, and this, on the one hand, expands the listener's horizons, on the other hand, limits one in learning something radically new. The connection between the listener and the personality of the performer is lost, the phenomenon of fake artists arises, the attitude towards music becomes more consumerist, musical works are adapted to the specifics of streaming platforms. These and other trends are considered in the mirror of the perception of young listeners.

Conclusion. The research allowed us to draw the following conclusions: streaming platforms set the basis for managing musical tastes, but do not yet fully shape them; popular music has recently become less interesting; the popularization of modern musical works is associated less with the sophistication of their sound or musical component, and more with trends, the showcase of which are social networks offering short vertical videos (shorts).

Keywords: sociology of music, streaming platforms, zoomers generation, music optimization, music platformization, fake artists

For citation: Pashkovsky, E.A. (2025), "Features of Music Creation and Consumption in the Era of Streaming Platforms", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 4, pp. 76–87. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-76-87 (Russia).

Введение. Речь в статье пойдет об особенностях современных методов создания и распространения музыки, а также об их влиянии на формирование музыкальных вкусов и предпочтений у молодежной аудитории. Особое внимание будет уделено стриминговым сервисам на основе предположения, что их распространенность коренным образом изменяет про-

цесс создания, дистрибуции и потребления музыки. Проводя эмпирическое исследование, мы фокусируемся на молодежной аудитории по двум причинам: особая привязанность к музыке обычно фиксируется у молодых людей в силу особенностей их психического и социального развития (см., напр., [1]). «Прирост аудитории стримингов происходит за счет молодой аудитории: все больше молодых пользователей, живущих в мегаполисах, начинает слушать музыку на онлайн-платформах, ничего не скачивая, – за счет этого средний возраст слушателей снижается» [2, с. 6].

Ставшая со временем массовым явлением, запись музыки сформировала специфические способы создания и распространения музыкальных произведений. Например, с появлением звукозаписи музыканты стали менять свой стиль игры, чтобы ее лучше улавливали студийные микрофоны [2]. А репертуарная комиссия известнейшей в СССР фирмы грампластинок «Мелодия», определяя план издания на год, ориентировалась на музыкальные тенденции и привязанности слушателей. Фирма «проводила исследования рынка – торговые предприятия, находившиеся в ее сети, вели учет бестселлеров и опрашивали покупателей об их интересах, что напрямую влияло на тиражи пластинок» [3, с. 18]. В эпоху развития искусственного интеллекта и появления стриминговых платформ, по мнению многих исследователей (см., напр., [2; 4]), в музыкальной индустрии наступает поворотный момент. В частности, согласно Дж. Моррису, демонстрация, поиск, обнаружение и потребление культурных благ происходит теперь через программную поисковую строку и цифровую базу данных, а не в нескольких точках цепочки дистрибуции. «Платформизация» порождает и новые технологии популяризации артистов [4], и новые способы потребления музыкальных произведений.

Цель нашего исследования – описать особенности создания, распространения музыки и ее потребления молодежной аудиторией с учетом изменений, связанных с популяризацией искусственного интеллекта и стриминговых платформ.

Гипотеза исследования состоит в том, что стриминговые платформы, являющиеся сейчас основным каналом распространения записанной музыки, оказывают специфическое влияние как на процесс записи музыки, так и на потребление ее слушателями, в том числе на формирование их музыкальных вкусов, отношения к музыке в целом.

Методология и источники. Стриминговые платформы быстро популяризировались за счет того, что позволяют свести к минимуму усилия по поиску новых музыкальных произведений. Если раньше людям для этого нужно было слушать радио, читать музыкальные журналы, интересоваться новостями, ходить на фестивали и концерты, то теперь это необязательно, так как платформа подбирает слушателю музыку сама. На основе искусственного интеллекта, который анализирует предпочтения пользователя, имеющего подписку, стриминги предлагают слушателю определенный список песен (плейлист). Данная система работает на основе алгоритмических технологий, автоматизирующих анализ музыкальных сходств. Обратной стороной этого удобства может быть эффект эхо-камеры: платформа предлагает слушателю музыку, похожую на то, что он уже слушал раньше. Таким образом, слушатель теряет возможность находить новые произведения, которые, несмотря на стилевые различия с его прежними предпочтениями, возможно, ему понравились бы. Некоторые эксперты в качестве следствия отмечают более «потребительское» отношение к музыке [2, с. 49].

В последнее время многие эксперты пишут также о падении качества популярной музыки (см., напр., [5, 6]). Причину можно усмотреть в специфике новых алгоритмов продвижения. Музыканты и продюсеры превращаются теперь отчасти в программистов. Дело в том, что система необязательно будет предлагать пользователю выдающиеся произведения. Они, скорее, должны подходить по стилю или набору звуков к популярным плейлистам. Это приводит к созданию артистами музыкального контента, который может не быть примечательным или особенным, но таким, который смогли бы обнаружить алгоритмы. Моррис [4] называет это звуковой оптимизацией. Другим ее примером является создание коротких песен с необычными вокальными эффектами (например автотюн, использование которого еще в 1998 г. при записи сингла «Beleive» певицы Шер привело песню к огромному успеху) и другими привлекающими внимание звуками, которые появляются в песне как можно раньше (см, напр., [7]). Часто можно услышать, что длительность музыкальных хитов снижается, поскольку в силу распространенности клипового мышления молодые люди не склонны прослушивать длинные произведения, а также дослушивать песни до конца.

Моррис выделяет также два других вида «подстройки» музыкальных произведений и их характеристик под распространение на платформах: оптимизацию данных и инфраструктурную оптимизацию.

Примером оптимизации данных может быть наименование малоизвестного исполнителя, которое соответствует названию популярной песни другого исполнителя. Также это может быть альбом, состоящий из нескольких звучащих идентично песен с разными названиями, совпадающими с популярными для поиска словами.

Инфраструктурная оптимизация может включать работу как со звуком, так и с данными, и может быть связана даже со своеобразным жульничеством на основе использования инфраструктуры платформы. Это может быть искусственное увеличение количества воспроизведений песни для «накрутки» данных и получения прибыли. Или создание песен длительностью 30 секунд (на многих стриминговых платформах монетизация начинается после 30 секунд прослушивания), где звучит тишина или какой-либо шум. В качестве примера можно упомянуть PR-акцию группы Vulfpeck, которая выпустила альбом Sleepify, включающий 10 песен, каждая из которых состояла из 30 секунд полной тишины, и предложила поклонникам слушать альбом на повторе всю ночь, пока они спят. Это привело к большому количеству платных прослушиваний на платформе Spotify, где был выложен альбом, хотя и было в основном акцией по привлечению внимания к группе (отметим, что название альбома созвучно названию платформы). Позднее группа была удалена с платформы, но успела перед этим получить значительную прибыль [8].

Еще одним феноменом эпохи стриминговых платформ является некоторое снижение значимости личности музыканта для слушателя: новая музыка появляется в звуковом устройстве автоматически, для этого не надо изучать музыкальные СМИ, ходить на концерты. Чаще всего узнавание произведения начинается не с имени артиста или названия группы, что способствовало бы минимальным знаниям о том, кто они такие, из какого города, как выглядят, каковы их взгляды на жизнь. Более того, появился феномен фейковых артистов. Эти артисты не существовали где-либо в медиапространстве за пределами платформы: у них не было официальных сайтов, страниц в социальных сетях, они не упоминались в музыкальных статьях и не давали концертов.

Например, согласно неизвестному автору статьи интернет-журнала Afisha-daily, «одним из таких фейковых артистов стал Ekfat – “исландский битмейкер, окончивший консерваторию в Рейкьявике и до 2019 г. выпускавший музыку только на кассетах”. Его треки не раз появлялись в редакционных плейлистах Lofi House и Chill Instrumental Beats, а у одной из композиций уже больше 4 млн прослушиваний в Spotify. Шведские журналисты выяснили, что на самом деле никакого Ekfat не существует, а за псевдонимом и красивой легендой скрывается несколько нанятых битмейкеров, пишущих музыку на заказ. Усилиями стриминга внимание слушателей сместилось на искусственно созданные аватары» [9].

Результаты и обсуждение. Целью нашего эмпирического исследования был анализ влияния перечисленных эффектов на восприятие музыки молодежной аудиторией в эпоху популяризации (прежде всего среди молодежи) стриминговых платформ. Полагаясь на известную теорию социальных представлений С. Московичи, мы задавались вопросами о том, как выглядят процессы создания, распространения и прослушивания музыки в представлениях современных молодых людей. Также в ходе исследования стояла задача проверить приведенные выше экспертные мнения о стримингах и особенностях распространения музыки в современном обществе относительно того, насколько они соотносятся с оценками молодых слушателей. Нас интересовал и несколько более широкий круг вопросов, связанных со значением музыки для современной молодежи. Исследование было проведено методом анкетирования. Всего было опрошено 252 респондента – студенты вузов и техникумов Санкт-Петербурга в возрасте от 17 лет до 21 года.

В первую очередь нас интересовало значение музыки в жизни респондентов. На вопрос: «Как Вы чаще всего слушаете музыку?» только 4 % ответило: «Отдельно, и при этом больше ничем не занимаюсь». 47 % преимущественно слушают музыку в дороге в наушниках, а 30%, делая домашние дела, работу, задания. Показательно также, что в сумме 14 % респондентов в рамках ответа «Другое» указали, что прослушивание музыки является сопровождением их жизни практически постоянно (например: *«Практически везде, в наушниках, и неважно чем занят»*; *«Практически круглые сутки»*; *«Все вышеперечисленное, не слушаю, только когда сплю или гуляю с друзьями»*).

Представляется, что для большинства молодых людей музыка является, скорее, приятным и очень привычным сопровождением повседневной жизни, но не абсолютной необходимостью. На прямой вопрос: «Какую роль в Вашей жизни играет прослушивание музыки?» только 29 % отвечает: «Не могу без этого жить». Еще для половины респондентов прослушивание музыки – либо важный источник удовольствия (31 %), либо приятный досуг (23 %). Но и необязательным сопровождением повседневных дел, без которого можно обойтись, музыку называют лишь 15 %.

На вопрос: «При помощи чего Вы чаще всего слушаете музыку?» 81 % респондентов ответили: «Слушаю в Интернете, не скачивая» (что и означает платное или бесплатное использование различных стриминговых платформ) и 15 %: «Скачиваю в Интернете и слушаю со своего устройства».

Таким образом, практически все молодые люди для прослушивания музыки пользуются Интернетом, а подавляющее большинство использует стриминги, что подтверждает ответы на прямой вопрос об этом (см. рис. 1). Показательно, что на вопрос: «При помощи

чего Вы чаще всего слушаете музыку?» ни один из 252 респондентов не выбрал ответы: «По радио» или «На физических носителях (диски, кассеты, винил)».

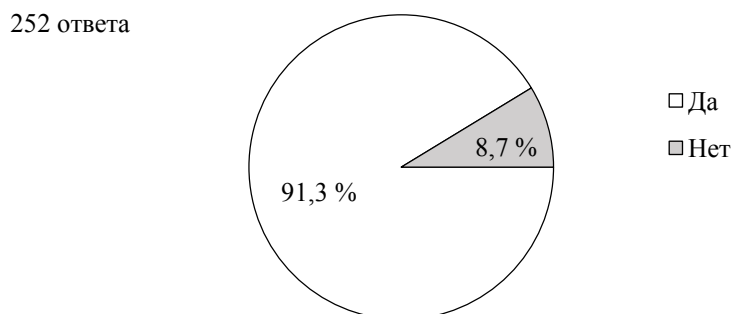

Рис. 1. Пользуетесь ли Вы стриминговыми сервисами (например, Яндекс-музыка, Spotify, ВКОНТАКТЕ и т. п.) для прослушивания музыки?
Fig. 1. Do you use streaming services (for example, Yandex-music, Spotify, VKontakte, etc.) to listen to music?

Поскольку молодые люди больше не слушают музыку на физических носителях, можно предположить, что она теряет связь с социальным взаимодействием. Во-первых, стриминги сами рекомендуют новых исполнителей для прослушивания, тогда как раньше для этого надо было общаться с друзьями, сверстниками, в группах по интересам, ходить на концерты; во-вторых, физическими носителями часто обменивались или брали друг у друга послушать, чего не требуется сейчас. Также приверженность какому-либо направлению или стилю музыки, вероятно, перестает быть для молодых людей элементом самоидентификации в плане отношения к какой-либо субкультуре. «Уже с 1990-х гг. исследователи отмечают, что определенная дифференциация и своего рода всеядность музыкальных вкусов, обусловленные распределенным потреблением музыкального контента, в первую очередь в связи с появлением новых ее носителей и интернета, приводит к тому, что музыкальные субкультуры размываются и теряют свою гомогенность. Очевидно, что сейчас этот процесс ускоряется» [2, с. 50]. Ответы на наш вопрос: «Связана ли музыка в Вашей жизни с принадлежностью к определенной субкультуре?» также, скорее, подтверждают этот тезис (см. рис. 2).

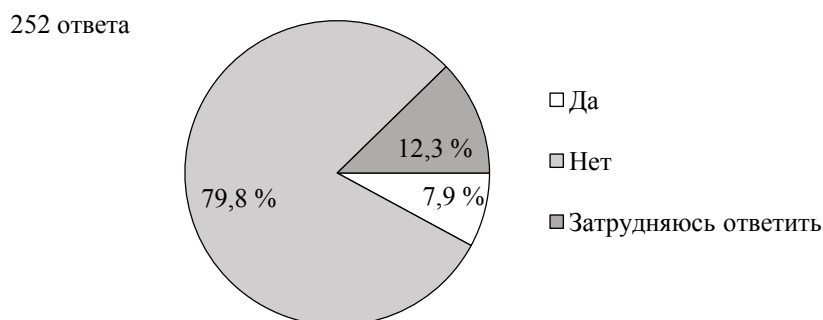

Рис. 2. Связана ли музыка в Вашей жизни с принадлежностью к определенной субкультуре?
Fig. 2. Is music in your life related to affiliation with any subculture?

Отвечая на вопрос: «Как Вы в последнее время чаще всего узнаете о новых для себя музыкальных исполнителях?», 59 % признаются, что из рекомендаций стримингов, 13 % — от друзей, знакомых и родственников, 10 % слышат новую музыку по радио, на улице, в такси, в кафе и т. д., 11 % специально ищут самостоятельно. Таким образом, искусственный интеллект является не тотально, но доминирующим способом расширения музыкальных вкусов молодежи.

Вполне закономерно, что сменившая выпуск музыки на физических носителях «платформизация» приводит к тому, что люди перестают слушать музыку альбомами. Только 6 % наших респондентов заявили, что по-прежнему предпочитают данную форму прослушивания. Но и отдельными треками (композициями) слушает музыку только 21 %. Большинство использует плейлисты (подборки композиций). Но, что интересно, 51 % респондентов составляют плейлисты сами, и лишь 18 % предпочитают списки, составленные для них искусственным интеллектом. Это может означать, что стриминги только задают основу управления музыкальными вкусами, но не делают этого полностью. Неоднозначность оценок рекомендаций стримингов молодыми людьми подтверждают и ответы на прямой вопрос об этом (см. рис. 3).

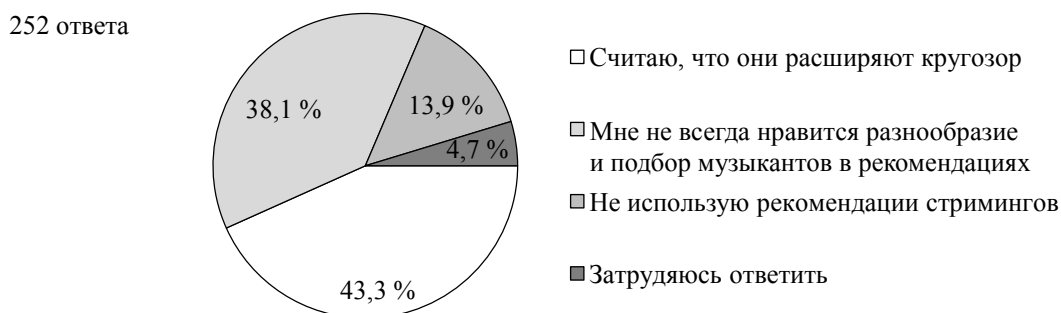

Рис. 3. Как Вы оцениваете рекомендации стримингов?
Fig. 3. How do you evaluate the recommendations of streaming?

Для проверки, насколько стриминги способствуют удовлетворенности от прослушивания музыки, мы задали респондентам еще несколько вопросов. В частности, ответы на вопрос: «Как изменилось количество исполнителей в Вашем плейлисте за последние два-три года?» демонстрируют, что количественно со своими задачами платформы справляются весьма хорошо – 85 % респондентов ответили: «Увеличилось». Однако ответы на вопрос об интересе к новой музыке показывают, скорее, негативные тенденции (см. рис. 4).

(При этом, если отдельно рассмотреть ответы более старших респондентов (20–21 год), то среди них тех, кто считает, что популярная музыка стала более интересной, еще на 5 % меньше.)

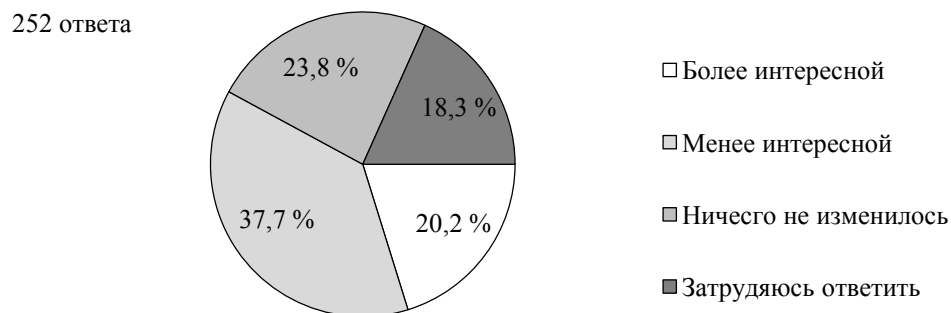

Рис. 4. Как Вам кажется, за последние 2–3 года популярная музыка стала более интересной, менее интересной или в этом плане ничего не изменилось?
Fig. 4. It seems to you that over the past 2–3 years, popular music has become more interesting, less interesting, or nothing has changed in this regard?

Это подтверждает уже упоминавшийся тезис о том, что качество популярной музыки в последнее время падает. Помимо того, что качество не является определяющим фактором

для продвижения алгоритмами стриминговых платформ, отметим, что популярность музыкальных произведений часто связана с распространением «вирусных» коротких роликов в социальных сетях. На вопрос об отношении к таким роликам 59 % наших респондентов ответили, что относится к ним нейтрально, признавая их частью современной реальности.

Ответы на вопрос: «Какое значение для Вас имеет личность исполнителя, музыку которого Вы слушаете?» в целом подтверждают тезис о некотором разрыве между личностью артиста и слушателем. 60 % отвечают, что эта информация любопытна, но не более того, и не является определяющим обстоятельством, чтобы слушать или не слушать музыку. Еще 23 % заявляют, что личность артиста особого значения для них не имеет, и они готовы слушать музыку, даже если биография исполнителя им не понравилась бы. Что касается фейковых исполнителей, то половина респондентов не может однозначно заявить, что не сталкивалась с ними (см. рис. 5). Это также подтверждает приведенные выше экспертные оценки.

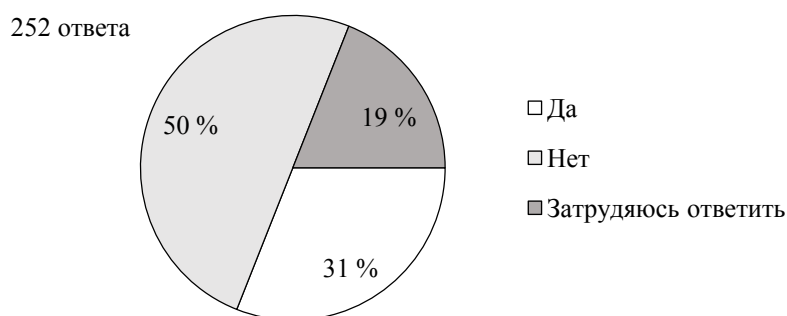

Рис. 5. Сталкивались ли Вы когда-нибудь в медиапространстве с фейковыми (не существующими в реальности) артистами?

Fig. 5. Have you ever encountered in media space with the “fake” (not existing in reality) artists?

Далее рассмотрим, как слушатели оценивают рассмотренную нами звуковую оптимизацию современных композиций.

Мы задавали вопрос: «Что Вас может особенно привлечь в музыкальном произведении (песне) нового для Вас исполнителя (выберите до трех вариантов)?», больше всего было следующих ответов: 71 % – «Песня в том стиле, который мне нравится»; 65 % – «Интересный текст песни»; 59 % – «“Качающий” ритм»; 56 % – «Необычное звучание голоса исполнителя». Также задавался вопрос: «На что Вы больше обращаете внимание при прослушивании песни?» (см. рис. 6).

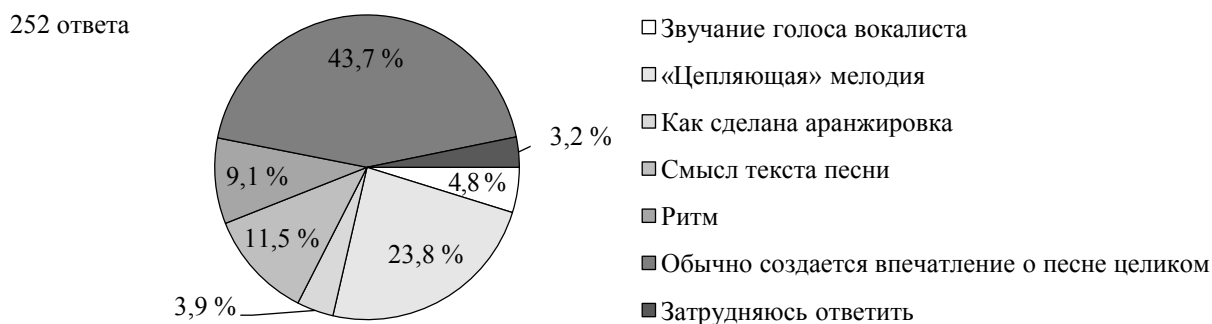

Рис. 6. На что Вы больше всего обращаете внимание при прослушивании песни?

Fig. 6. What do you pay most for when listening to the song?

Как видно из ответов, слушателю трудно оценить, какие именно особенности звуковой оптимизации производят на него большее впечатление. Но некоторые маркеры можно выделить: привлекают интересные тексты, «цепляющие» мелодии, ритм, необычное звучание голоса вокалиста.

Частично подтверждается и предположение о том, что молодые слушатели не готовы слушать длинные произведения, особенно не привлечшие их с первых минут. Как показывают ответы (см. рис. 7), более половины респондентов не готовы слушать такую песню больше 30 секунд, а три четверти – больше минуты.

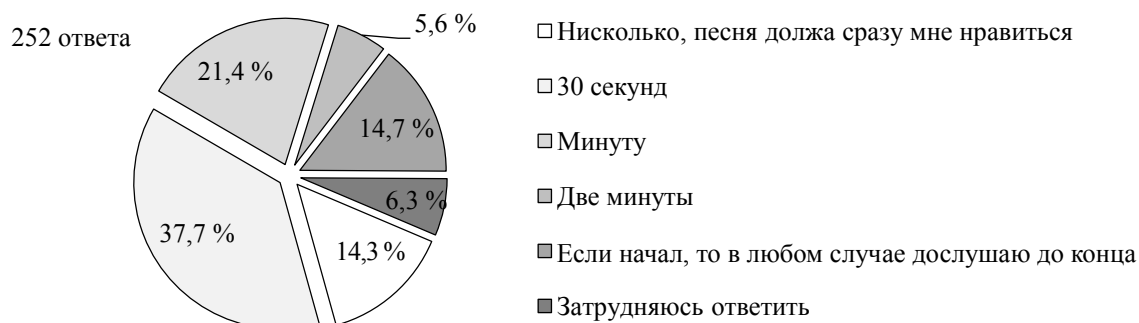

Рис. 7. Сколько Вы готовы слушать песню, которая не «цепляет» с первых нот?
Fig. 7. How much are you ready to listen to a song that does not “catch” from the first notes?

Также было интересно проверить, сталкивались ли слушатели с перечисленными нами приемами оптимизации данных и инфраструктурной оптимизации. Ответы показали, что примерно по 20 % хотя бы раз сталкивались с тем, что: в альбоме песни с разными названиями звучат одинаково; вместо песни звучит что-то другое, не музыка; исполнители-клоны (под названием известной группы/исполнителя звучит что-то другое); песня малоизвестной группы называется так, как популярная группа. А 28 % сталкивались с очень короткими песнями (до 1 минуты). Это подтверждает распространенность перечисленных нами приемов оптимизации.

Предположение о том, что современный исполнитель, чтобы оставаться популярным, должен выпускать песни максимально часто, также нашло свое подтверждение (см. рис. 8). Из тех, кто не затруднился ответить, большинство называет цифру «несколько раз в год».

В конце анкеты нами был задан открытый вопрос: «Если бы Вы записывали музыку и перед Вами стояла задача сделать ее популярной, как бы Вы этого добивались?» Один из наиболее частотных ответов (23 упоминания) сводится к следующему: музыка должна появиться в качестве звукового сопровождения короткого (часто упоминаются слова «вирусного», «вертикального») видео в социальных сетях. Показательны, например, следующие ответы (орфография и пунктуация авторов сохранены): «Экспериментировала с жанрами, делала цепляющий припев по звучанию, интересный текст, который можно разбить на цитаты для коротких видео. Сейчас вся популярность набирается в основном через короткие видео, песня могла бы не зацепить сама по себе, но из-за заслушенности заедает и начинает нравиться»; «Максимально использовал бы средства продвижение через социальные сети, форсировать людей записывать видео, клипы и ставить трек на фон. Так люди подхватывают друг за другом и трек распространяется, иногда даже обособлено от качества и наполненности самого произведения...».

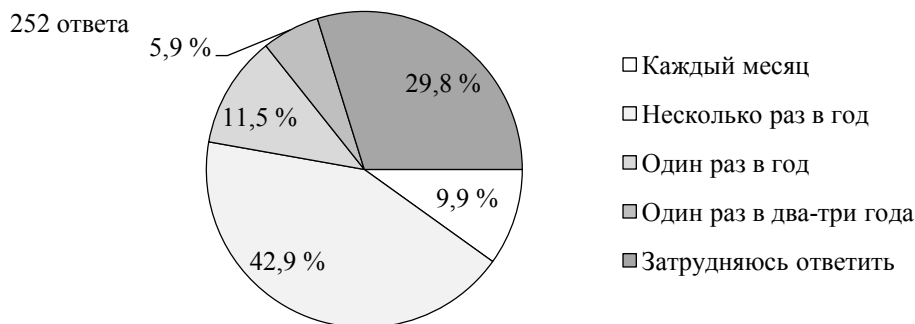

Рис. 8. Как Вы думаете, как часто исполнитель должен выпускать новые песни/альбомы, чтобы не терять интерес публики?

Fig. 8. What do you think, how often should the performer produce new songs/albums, so as not to lose the interest of the public?

Причем 25 раз упоминается социальная сеть TikTok – платформа коротких видеороликов, имеющая большую популярность в мире и России, особенно среди молодежной аудитории. Эксперты отмечают, что в силу своей популярности среди молодежи и краткости контента, она является своеобразной витриной модных трендов в музыке. Ротация популярных видео в TikTok очень быстрая, при этом шанс на временную популярность имеет широкий круг людей (см., напр., [10]).

Также 18 раз упоминается хорошая реклама и PR, 17 раз – необходимость продвижения музыки в социальных сетях, 15 раз – необычные звучание, мелодия, эффекты, смешение стилей, 14 раз – необходимость держаться своего стиля и делать музыку «от души», несмотря на моду и тренды (т. е. не гнаться за популярностью и таким образом найти своего слушателя), 13 раз – создание совместной песни с известным артистом.

Заключение. Таким образом, результаты нашего исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Для большинства молодых людей прослушивание музыки не является жизненной необходимостью, как правило, не осуществляется отдельно, но часто сопровождает другие занятия, вплоть до круглосуточного прослушивания, за исключением сна и общения.

2. Подавляющее большинство молодых людей для прослушивания музыки использует стриминговые платформы – сервисы, как правило, за ежемесячную плату позволяющие включать музыкальные произведения в Интернете, не становясь «собственником» их копий. Логичным следствием является то, что механизмы продвижения музыкальных произведений на данных платформах оказывают влияние на музыкальные вкусы и предпочтения молодежи, отношение к музыке.

3. Искусственный интеллект задает основу управления музыкальными вкусами, но пока не формирует их полностью – слушатели во многом сохраняют автономию при формировании списков песен для себя. Также ИИ как «доставщик» музыки для аудитории способствует повышению количества произведений для прослушивания. Но, по оценкам экспертов и наших респондентов, популярная музыка год от года становится менее интересной. Качество произведений не является определяющим для алгоритмов, используемых стриминговыми платформами.

4. Со стриминговым способом распространения музыки связан некоторый разрыв между слушателем и личностью исполнителя. Часто популярными становятся песни неизвестных людей, распространен феномен фейковых (не существующих в реальности) артистов.

5. Популяризация современных музыкальных произведений связана в меньшей степени с изысканностью их звучания или музыкальной составляющей и в большей – с модными трендами, витриной которых являются социальные сети, предлагающие короткие вертикальные видео (в частности TikTok). Для популярности песен имеет большое значение реклама, в том числе необычные способы PR, не связанные с качеством исполнения музыки или даже звуковой составляющей в целом. Что касается звука, то привлекает молодого слушателя не соответствие какому-либо стилю и формам исполнения, а необычное звучание, эффекты или смешение стилей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Таниева Г. М. Музыка как фактор формирования музыкальной идентичности у молодежи // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 3 (35). DOI: 10.12731/2218-7405-2014-3-11.
2. Напреенко И., Рондарев А. Практики музыкального потребления россиян. Основные особенности и тренды. М.: Ин-т исследований культуры НИУ ВШЭ, 2022.
3. Бояринов Д., Кандаурова Л. Фирма. 100 пластинок «Мелодии». 2-е изд. М.: Композитор, 2024.
4. Morris J. W. Music Platforms and the Optimization of Culture // Social Media + Society. 2020. Vol. 6, iss. 3: 205630512094069. DOI: 10.1177/2056305120940690.
5. Modern music is continually getting worse – and won't stop doing so anytime soon // SacSchoolBEAT.com. URL: <https://sacschoolbeat.com/2085/opinion/modern-music-is-continually-getting-worse-and-wont-stop-doing-so-anytime-soon/#:~:text=What%20the%20researchers%20found%20is,now%20favored%20over%20sound%20quality> (дата обращения: 01.06.2025).
6. Felton J. Music Is Becoming Less Complex Over Time, And We Don't Really Know Why // IFLScience. URL: <https://www.iflscience.com/music-is-becoming-less-complex-over-time-and-we-dont-really-know-why-77840> (дата обращения: 01.06.2025).
7. Haynes G. Speed of sound – How Spotify killed the long intro // The Guardian. 04.10.2017. URL: <https://www.theguardian.com/music/shortcuts/2017/oct/04/spotify-song-intro-streaming-arctic-monkeys-led-zeppelin> (дата обращения: 01.06.2025).
8. Goldman A. Vulfpeck made serious bank from sleepify // In TLDR. 03.04.2014. URL: <https://www.wnyc.org/story/20-silence/> (дата обращения: 01.06.2025).
9. Большие дяди или маленькие цифры. Как стриминги меняют музыку – к лучшему или худшему? // Афиша Daily. 28.01.2025. URL: <https://daily.afisha.ru/music/28668-bolshie-dyadi-i-malenkie-cifry-kak-strimingi-menyayut-muzyku-k-luchshemu-ili-hudshemu/> (дата обращения: 01.06.2025).
10. Pollock E. What You Need to Know About the TikTok Algorithm to Go Viral in 2025 // Agorapulse. 26.05.2025. URL: <https://www.agorapulse.com/blog/tiktok/tiktok-algorithm/#:~:text=Unlike%20algorithms%20on%20other%20social,you%20can%20still%20go%20viral> (дата обращения: 01.06.2025).

Информация об авторе.

Паиковский Евгений Александрович – кандидат политических наук (2013), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология музыки, социология повседневности, социология эмоций, социальная психология, межличностная коммуникация.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 30.05.2025; принята после рецензирования 19.06.2025; опубликована онлайн 22.09.2025.*

REFERENCES

1. Tanieva, G.M. (2022), "Music as a determinant of social identification among the student youth", *Modern Research of Social Problems*, no. 3 (35). DOI: 10.12731/2218-7405-2014-3-11.
2. Napreenko, I. and Rondarev, A. (2022), *Praktiki muzykal'nogo potrebleniya rossiyan. Osnovnye osobennosti i trendy* [Practices of the musical consumption of Russians. The main features and trends], In-t issledovaniy kul'tury NIU VShE, Moscow, RUS.
3. Boyarinov, D. and Kandaurova, L. (2024), *Firma. 100 platinok "Melodii"* [Firm. 100 records of "Melody"], 2nd ed., Izd-vo "Kompozitor", Moscow, RUS.
4. Morris, J.W. (2020), "Music Platforms and the Optimization of Culture", *Social Media + Society*, vol. 6, iss. 3: 205630512094069. DOI: 10.1177/2056305120940690.
5. "Modern music is continually getting worse – and won't stop doing so anytime soon", *SacSchool/BEAT.com*, available at: <https://sacschoolbeat.com/2085/opinion/modern-music-is-continually-getting-worse-and-wont-stop-doing-so-anytime-soon/> (accessed 01.06.2025).
6. Felton, J. (n.d.), "Music Is Becoming Less Complex Over Time, And We Don't Really Know Why", *IFLScience*, available at: <https://www.iflscience.com/music-is-becoming-less-complex-over-time-and-we-dont-really-know-why-77840> (accessed 01.06.2025).
7. Haynes, G. (2017), "Speed of sound – How Spotify killed the long intro", *The Guardian*, 14.10.2017, available at: <https://www.theguardian.com/music/shortcuts/2017/oct/04/spotify-song-intro-streaming-arctic-monkeys-led-zeppelin> (accessed 01.06.2025).
8. Goldman, A. (2014), "Vulfpeck made serious bank from sleepify", *In TLDR*, 03.04.2014, available at: <https://www.wnyc.org/story/20-silence/> (accessed 01.06.2025).
9. "Big uncles or small numbers. How do streams change music - for the better or worse?" (2025), *Afisha Daily*, 28.01.2025, available at: <https://daily.afisha.ru/music/28668-bolshie-dyadi-i-malenkie-cifry-kak-strimingi-menyayut-muzyku-k-luchshemu-ili-hudshemu/> (accessed 01.06.2025).
10. Pollock, E. (2025), "What You Need to Know About the TikTok Algorithm to Go Viral in 2025", *Agorapulse*, 26.05.2025, available at: <https://www.agorapulse.com/blog/tiktok/tiktok-algorithm/#:~:text=Unlike%20algorithms%20on%20other%20social,you%20can%20still%20go%20viral> (accessed 01.06.2025).

Information about the author.

Evgeny A. Pashkovsky – Can. Sci. (Politics, 2013), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 40 scientific publications. Area of expertise: sociology of music, sociology of everyday life, sociology of emotions, social psychology, interpersonal communication.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 30.05.2025; adopted after review 19.06.2025; published online 22.09.2025.

Оригинальная статья

УДК 316.4

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-4-88-102>

Взаимоотношения христианских организаций и научного сообщества в современной России: опыт социологического исследования

Татьяна Николаевна Клементьева

*Новосибирский государственный медицинский университет, Новосибирск, Россия,
tklementyeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7314-4633>*

Введение. В статье представлены результаты социологического исследования, посвященного изучению взаимоотношений христианских конфессий и научного сообщества в современной России. Актуальность темы обусловлена противоречием между расширением дискуссии о диалоге религии и науки в среде теологов и неприятием этой идеи среди обычных христиан. При этом эмпирические исследования отношения российских христиан к научному сообществу практически отсутствуют.

Методология и источники. Методологической моделью исследования стал подход к изучению соотношения науки и религии с точки зрения этоса научного и религиозного сообщества. В основу методологии была также положена типология, выделяющая такие виды взаимоотношений религии и науки, как противостояние и конфликт, независимость, диалог, сближение и синтез. Участниками исследования, проведенного в 2023–2024 гг., стали священнослужители Русской православной церкви и основных протестантских деноминаций, таких как баптисты, пятидесятники, адвентисты седьмого дня и т. п. В выборку были включены как обычные прихожане, настоятели храмов, пасторы, так и священнослужители, являющиеся преподавателями христианских образовательных учреждений. В ходе исследования использовались такие методы, как стандартизированное интервью и опрос.

Результаты и обсуждение. Анализ полученных результатов показал, что большинство опрошенных респондентов считают, что между христианством и наукой сегодня идет диалог. Однако ясное понимание того, что именно христианство и наука могут обсуждать в этом диалоге характерно лишь для небольшого числа христианских священнослужителей и пасторов, которые, помимо теологического, имеют естественно-научное образование. Обычные священники и прихожане христианских церквей продолжают оценивать взаимоотношения христианства и науки как противостояние или независимость и относятся к науке как к виду знания, принципиально противоположному и чуждому христианству.

Заключение. Таким образом, исследование показало, что особенности системы ценностей, характерной для большинства христианского сообщества, в действительности препятствуют их реальному взаимодействию с учеными.

Ключевые слова: религия, наука, христианство, конфликт, независимость, сближение, синтез

Для цитирования: Клементьева Т. Н. Взаимоотношения христианских организаций и научного сообщества в современной России: опыт социологического исследования // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 4. С. 88–102. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-88-102

© Клементьева Т. Н., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

The Relationship between Christian Organizations and the Scientific Community in Modern Russia: the Experience of Sociological Research

Tatiana N. Klementyeva

*Novosibirsk State Medical University, Novosibirsk, Russia,
tklementyeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7314-4633>*

Introduction. The article presents the results of a sociological research devoted to the study of the relationship between Christian denominations and the scientific community in modern Russia. The relevance of the topic is due to the contradiction between the expansion of the discussion about the dialogue of religion and science among theologians and the rejection of this idea among ordinary Christians. At the same time, empirical studies of the attitude of Russian Christians to the scientific community are practically absent.

Methodology and sources. The methodological model of the study was an approach to studying the relationship between science and religion from the point of view of the ethos of the scientific and religious community. The methodology was also based on a typology that identifies such types of interrelationships between religion and science as confrontation and conflict, independence, dialogue, rapprochement and synthesis. The participants in the study, conducted in 2023–2024, were clergymen of the Russian Orthodox Church and major Protestant denominations such as Baptists, Pentecostals, Seventh-day Adventists, etc. The sample included both ordinary parishioners, church rectors, pastors, and clergymen who are teachers of Christian educational institutions. The research used methods such as standardized interviews and surveys.

Results and discussion. An analysis of the results showed that the majority of respondents believe that there is a dialogue between Christianity and science today. However, only a small number of Christian clergy and pastors who, in addition to theological, have a natural science education, have a clear understanding of what Christianity and science can discuss in this dialogue. Ordinary priests and parishioners of Christian churches continue to evaluate the relationship between Christianity and science as a confrontation or independence and treat science as a kind of knowledge that is fundamentally opposed and alien to Christianity.

Conclusion. Thus, the study showed that the features of the value system characteristic of the majority of the Christian community actually hinder their real interaction with scientists.

Keywords: religion, science, Christianity, conflict, independence, rapprochement, synthesis

For citation: Klementyeva, T.N. (2025), "The Relationship between Christian Organizations and the Scientific Community in Modern Russia: the Experience of Sociological Research", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 4, pp. 88–102. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-88-102 (Russia).

Введение. В течение длительного времени в научной и религиозной среде господствовало убеждение, что наука и религия – это противоположные и даже конфликтующие друг с другом системы представлений о мире и человеке. Однако в XX в. появляется течение, пересматривающее традиционное отношение христианства к науке. Целый ряд теологов и богословов из различных христианских конфессий пытались переосмыслить причины возникшего конфликта, а также наметить новые направления и перспективы взаимоотношений с наукой. Основным лейтмотивом этих работ стали признание науки как величайшего достижения человечества и постановка задачи установления союза между религией и наукой.

Взаимоотношения христианских организаций и научного сообщества в современной России: опыт социологического... 89
The Relationship between Christian Organizations and the Scientific Community in Modern Russia: the Experience...

Причины пересмотра отношения христианства к науке достаточно очевидны. В целом можно сказать, что в XIX–XX вв. христианские церкви оказались в принципиально новой для себя ситуации, характеризующейся господством научного мировоззрения. Прогресс человечества стал связываться только с наукой, вследствие чего религиозные представления для все большего количества людей теряли авторитет истины. Христианство находилось в серьезном кризисе и неотвратимо теряло своих последователей. За прошедшее время было написано много работ православными, католическими и протестантскими теологами, в которых они предлагали свое видение взаимоотношений науки и христианства. В результате появилась типология [1; 2], предлагающая четыре взгляда на характер этих взаимоотношений: противостояние и конфликт, независимость, диалог, сближение и синтез.

Первая позиция характеризует отношения религии и науки как продолжающееся противостояние. Практически все современные богословы, обсуждающие эту тему, склоняются к тому, что конфликта нет. Если он и был в прошлом, то в современном мире все его причины преодолены. Однако яростными сторонниками этой позиции остаются ученые [3; 4]. Они настаивают на том, что наука и религия – это прежде всего разное мировоззрение, которое в принципе не может быть совместимо друг с другом. Это фундаментально разные взгляды на мир, которые даже при отсутствии открытого конфликта всегда будут конкурентами в борьбе за решение основных метафизических вопросов.

Позиция независимости [5; 6] утверждает, что религия и наука являются очень разными сферами жизни общества, вследствие чего между ними просто не может быть конфликта. С этой точки зрения они ориентированы на изучение разных уровней реальности (религия – на духовный, а наука – на материальный мир), используют для этого разные методы и языки, имеют принципиально иные цели. Вследствие этого религиозные и научные социальные институты занимаются совершенно разной деятельностью, и просто нет предмета для конфликта между ними. Наиболее ярким примером этой позиции является движение неоортодоксов, возникшее в начале XX в., и в частности взгляды К. Барта [6]. Он всегда подчеркивал огромную пропасть между предметами богословия и научного исследования. Первое пытается понять вечного, трансцендентного Бога через данное им откровение. Наука же занимается изучением изменяющегося мира наблюдаемых явлений и пользуется для этого методами, созданными самими людьми.

Согласно позиции диалога [7–10], религия и наука являются разными, но взаимодополняющими способами изучения реальности. Каждый из них в отдельности является ограниченным взглядом на мир. Наука не занимается смыслами, склонна к материализму и технократизму, а религия подвержена заблуждениям и предрассудкам. Но при тесном взаимодействии друг с другом они могут дать полное представление об окружающей нас действительности. А. Рос называет эту точку зрения широким подходом [8], совмещающим науку и Библию, и иллюстрирует ее в виде двух пересекающихся кругов, один из которых символизирует науку, а другой – Священное Писание.

Позиция сближения и синтеза [1; 11; 12] заключается в том, что допускается возможность более существенного взаимного влияния богословских доктрин и научных теорий. Первым вариантом такого влияния является точка зрения, согласно которой богословские доктрины можно переформулировать под влиянием новых научных теорий. Старые доктрины могут

быть модернизированы и согласованы с современным научным знанием. Этот вариант можно назвать сближением религии и науки, так как, несмотря на изменения содержания, они сохраняют свою самостоятельность. Второй вариант говорит именно о синтезе, когда религиозные и научные представления можно интегрировать в единое целое, в новую картину мира. В этом случае необходимо создание новой системы общих категорий и новой универсальной концептуальной схемы, синтезирующей религиозные и научные представления. Я. Барбур указывал в своих работах [1], что это может сделать только философия, так как богословы и ученые не в состоянии выйти за границы своей системы понятий и представлений.

В связи с формулировкой данных позиций и развитием их различными авторами, в том числе и в отечественной литературе [13–18], был поставлен вопрос о том, как относятся к взаимоотношениям религии и науки современные российские христиане. Изучение этой темы позволит понять, насколько вообще христианские конфессии в современной России ориентированы на союз с наукой, хотят ли они его и понимают ли, в чем он должен выражаться. Это также позволит сделать вывод о том, действительно ли христиане пересмотрели свое отношение к науке и готовы к полноценному сотрудничеству с научным сообществом.

Методология и источники. Методологической моделью исследования стал подход к изучению соотношения науки и религии с точки зрения этоса научного и религиозного сообщества. Его основой является введенное Р. Мертоном понятие этоса науки, под которым он понимал систему норм и ценностей, определяющую характер коммуникации в научном сообществе и особенности мышления ученых. В более поздних исследованиях была предпринята попытка реконструировать ценности и установки, характеризующие этос религии [19; 20]. Данный подход позволяет рассматривать взаимоотношения религии и науки как процесс, в котором участвуют прежде всего сообщества субъектов, следующих «неписанным» правилам мышления, объяснения и коммуникации. Соответственно, отношение верующих людей к науке обусловлено не столько различиями в религиозной и научной картинах мира, сколько спецификой рациональности и ценностных систем, присущих религиозным сообществам.

В основу исследования была положена гипотеза о том, что особенности христианской системы ценностей в действительности препятствуют реальному взаимодействию христианских сообществ с учеными. Несмотря на то, что тема диалога религии и науки широко обсуждается, в том числе христианскими авторами, реальными участниками этого процесса является небольшое число священнослужителей, имеющих соответствующую подготовку и разбирающихся в этом вопросе. Большинство священников, пасторов протестантских деноминаций и особенно прихожан различных церквей относятся к науке по-прежнему с недоверием и не понимают, зачем вообще нужен диалог с научным сообществом. Вследствие этого взаимодействие христианских церквей и научного сообщества в современной России носит достаточно поверхностный характер и не находит понимания среди большинства верующих.

Для проверки данной гипотезы в 2023–2024 гг. было проведено социологическое исследование, главной целью которого стало изучение мнения о взаимоотношениях с научным сообществом представителей основных христианских организаций, зарегистрированных на территории Российской Федерации. Для достижения этой цели предполагалось решение нескольких задач: определение позиции респондентов в соответствии с вышеописанной типологией (противостояние и конфликт, независимость, диалог, сближение и синтез); изучение степени личной вовлеченности респондентов в коммуникацию с учеными и удовлетво-

ности ею; выделение факторов, препятствующих эффективной коммуникации и сотрудничеству христианских организаций и научного сообщества.

Участниками исследования стали священнослужители Русской православной церкви и основных протестантских деноминаций, таких как баптисты, пятидесятники, адвентисты седьмого дня и т. п. В выборку были включены как обычные прихожане, так и настоятели храмов, пасторы, а также священнослужители, занимающиеся административной работой. Существенную долю среди респондентов составили преподаватели христианских семинарий и академий, имеющие специальное образование, в том числе ученую степень в области богословия. Основными методами исследования стали опрос и стандартизированное интервью.

Результаты и обсуждение. В ходе исследования было опрошено 76 чел., являющихся представителями основных христианских конфессий, зарегистрированных на территории Российской Федерации. Из них 49 % респондентов принадлежат к Русской православной церкви, а 51 % относится к протестантским деноминациям (рис. 1).

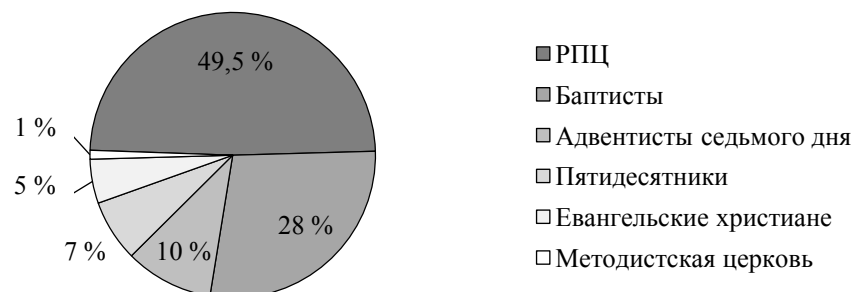

Рис. 1. Конфессиональный состав респондентов (% от количества респондентов)
Fig. 1. The religious composition of the respondents (% of the number of respondents)

Образовательный уровень участников исследования достаточно высокий (рис. 2). Большинство из них имеет высшее образование и ученую степень. Характер профессионального образования у опрошенных представителей христианских организаций преимущественно гуманитарный (61 %). Техническое образование имеют 24 %, естественно-научное – 9 %, медицинское – 5 % респондентов. При этом 14 % респондентов имеют второе высшее образование в области теологии и богословия. Необходимо отметить, что Русскую православную церковь представляли в основном священнослужители и преподаватели образовательных учреждений, чем обусловлен более высокий уровень образования этой группы опрошенных. Среди представителей протестантских деноминаций, помимо пасторов и также преподавателей учебных заведений, было больше обычных прихожан.

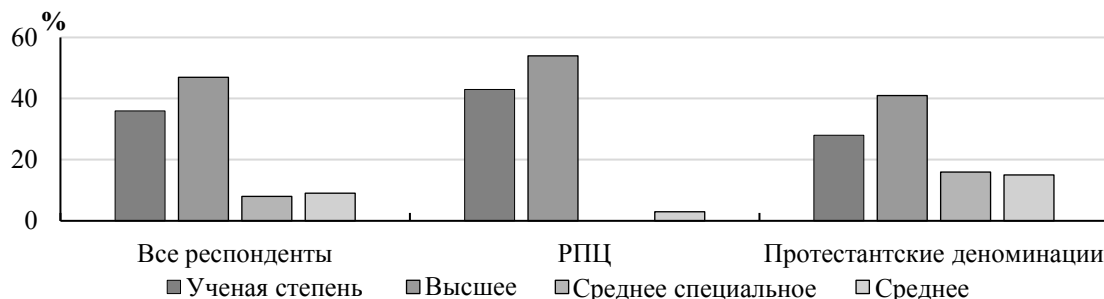

Рис. 2. Уровень образования респондентов (% от количества респондентов)
Fig. 2. Respondents' educational level (% of the number of respondents)

Возрастные категории опрошенных представлены достаточно равномерно (рис. 3). Таким образом, подавляющая часть участников исследования относится к зрелой, социально активной части населения, имеет гуманитарное, часто теологическое, образование и большой опыт религиозной жизни.

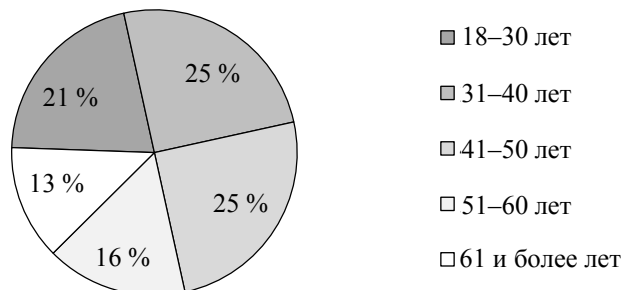

Рис. 3. Возраст респондентов (% от количества респондентов)
Fig. 3. Age of the respondents (% of the number of respondents)

Итак, мнения респондентов о характере взаимоотношений христианских организаций и научного сообщества в современной России распределились следующим образом (рис. 4): первое место заняла позиция диалога (46 %); второе место – позиция противостояния и конфликта (22 %); третье место – позиция независимости (15 %); четвертое место – позиция сближения и синтеза (4 %). Не смогли ответить на этот вопрос 13 % участников исследования. При этом распределения данных позиций среди респондентов из Русской православной церкви и протестантских деноминаций существенно отличаются (рис. 4). Если среди православных очевидно преобладают сторонники диалога (67 %), то у протестантов лидирует позиция противостояния и конфликта (31 %). Кроме того, существенная доля респондентов из протестантских организаций выбрала позицию независимости (20,5 %), тогда как у православных она существенно ниже (10,8 %).

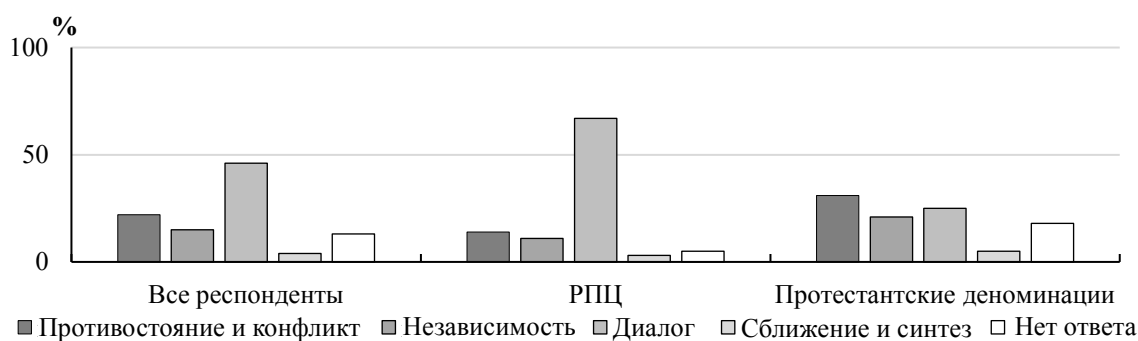

Рис. 4. Характер взаимоотношений христианских организаций и научного сообщества
(% от количества респондентов)

Fig. 4. The nature of the relationship between Christian organizations and the scientific community
(% of the number of respondents)

Результаты исследования показали, что на оценку взаимоотношений христианства и науки существенно влияет характер образования респондента, который определяет степень его знакомства с современными научными теориями в области естествознания (рис. 5). Респонденты с естественно-научным образованием чаще других выбирали позицию диалога, хотя их доля в общем массиве невелика. Также склонны к диалогу с научным сообществом священнослужители и пасторы с гуманитарным теологическим образованием. При этом

участники исследования с техническим и медицинским образованием рассматривают взаимоотношения с научным сообществом как противостояние и конфликт.

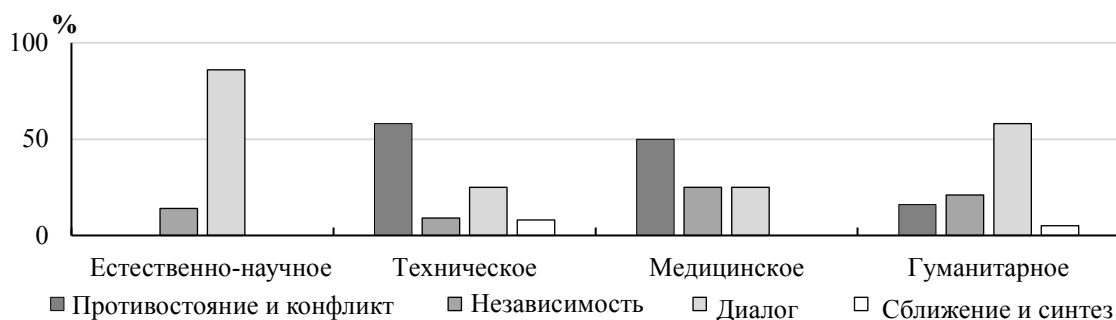

Рис. 5. Влияние характера образования на оценку взаимоотношений христианства и науки (% от количества респондентов)

Fig. 5. The influence of the nature of education on the assessment of the relationship between Christianity and science (% of the number of respondents)

Помимо определения своей позиции, участники исследования должны были объяснить свой выбор, назвав факторы, обуславливающие противостояние, независимость, диалог или сближение христианства и науки. С их точки зрения, способствуют диалогу христианских организаций и научного сообщества следующие факторы (рис. 6): возможность обсуждать с учеными главные метафизические вопросы бытия человека (20 %) (*фактор 1.1*); взаимодействие в сфере просвещения и воспитания молодежи (18 %) (*фактор 1.2*); размывание границ социальных групп, имеющих религиозный или научный характер (18 %) (*фактор 1.3*); отношение к научным исследованиям и библейским текстам как к разным, но при этом дополняющим друг друга источникам информации (17 %) (*фактор 1.4*); рост доверия и взаимного уважение христиан и ученых (15 %) (*фактор 1.5*); возможность излагать свою позицию и вступать в диалог с учеными в СМИ (12 %) (*фактор 1.6*). Таким образом, по мнению участников исследования, сегодня происходит диалог между христианскими организациями и научным сообществом, так как появилась возможность реального общения и взаимодействия священнослужителей, теологов и ученых. Однако распределение мнений о значимости этих факторов среди представителей разных конфессий (рис. 6) показывает, что у священнослужителей Русской православной церкви значительно больше возможностей для реального общения с учеными, выступлений на совместных научно-практических конференциях, семинарах и участия в дискуссиях в СМИ.

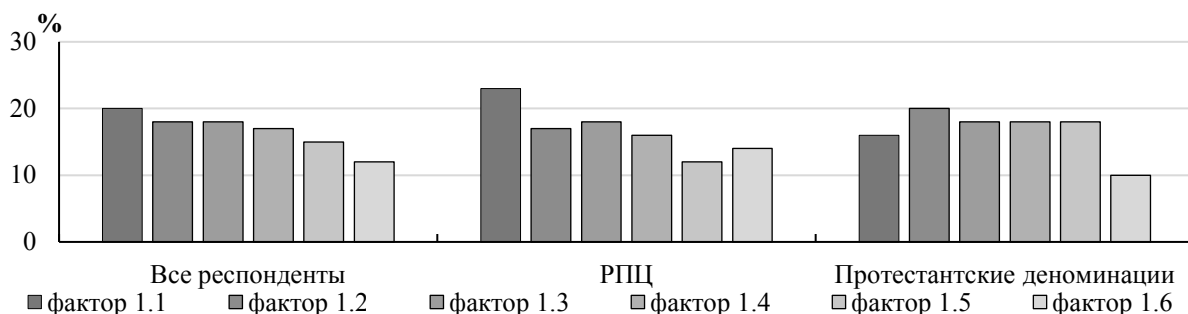

Рис. 6. Факторы, способствующие диалогу христианских организаций и научного сообщества (% от количества респондентов)

Fig. 6. Factors contributing to the dialogue between Christian organizations and the scientific community (% of the number of respondents)

Противостоянию и конфликту христианских организаций и научного сообщества, по мнению участников исследования, способствуют такие факторы, как (рис. 7) принципиальные мировоззренческие противоречия (21 %) (*фактор 2.1*); стремление науки опровергнуть христианское учение (20 %) (*фактор 2.2*); низкий уровень научных знаний у христиан (13 %) (*фактор 2.3*); низкий уровень знаний ученых в области религии вообще и христианства в частности (12 %) (*фактор 2.4*); отношение научного сообщества к христианству как к суевериям и предрассудкам (13 %) (*фактор 2.5*); неравные возможности у христианских организаций и научного сообщества (источники финансирования, влияние на сферу образования, выступления в СМИ), что препятствует налаживанию диалога (12 %) (*фактор 2.6*); восприятие христианами научного знания как угрозы опровержения своих представлений (6 %) (*фактор 2.7*); борьба между наукой и религией за приоритет в решении основных метафизических вопросов жизни человека (3 %) (*фактор 2.8*). Многие респонденты поясняли, что враждебное отношение к науке, характерное для части христиан, является, как правило, следствием необразованности человека. Они считают, что противостояние и конфликт – это результат недопонимания, которое может быть преодолено путем повышения информированности и образованности обоих участников взаимодействия.

Анализ распределения выбора факторов противостояния и конфликта среди представителей Русской православной церкви и протестантских деноминаций показывает, что для последних значение противоречий научного и христианского мировоззрения играет более важную роль (рис. 7). При этом представители РПЦ больше уделяют внимания проблеме низкой образованности христиан в области науки и ученых в области христианства.

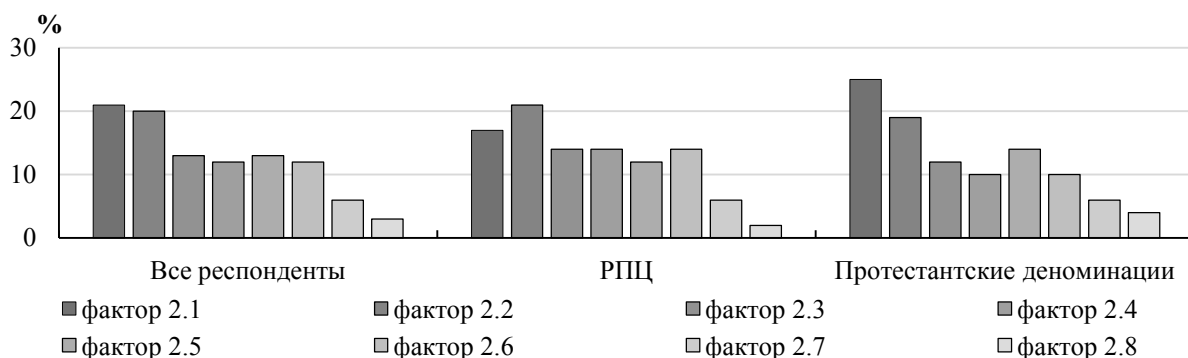

Рис. 7. Факторы, способствующие противостоянию и конфликту христианских организаций и научного сообщества (% от количества респондентов)

Fig. 7. Factors contributing to the confrontation and conflict between Christian organizations and the scientific community (% of the number of respondents)

Респонденты, выбравшие позицию независимости, объяснили это следующими причинами (рис. 8): наука и христианство используют разные способы познания и источники информации (33 %) (*фактор 3.1*); у христианских организаций и научного сообщества разные цели: религия духовно развивает самого человека, а наука изменяет среду, в которой он живет (22 %) (*фактор 3.2*); наука и религия изучают разные аспекты реальности: наука – материальный мир, а религия – мир духовный (19 %) (*фактор 3.3*); христианские организации и научное сообщество не вмешиваются в дела друг друга (15 %) (*фактор 3.4*); ученые и христиане просто живут разной жизнью (9 %) (*фактор 3.5*); христиане не нуждаются в научных знаниях, а ученые – в знании христианского учения (2 %) (*фактор 3.6*).

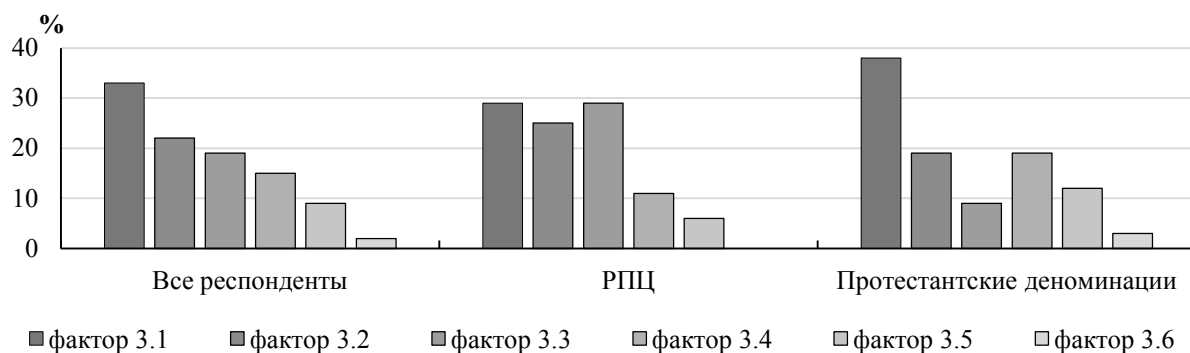

Рис. 8. Факторы, способствующие независимости христианских организаций и научного сообщества (% от количества респондентов)

Fig. 8. Factors contributing to the independence of Christian organizations and the scientific community (% of the number of respondents)

Сравнение распределения данных факторов показывает, что для представителей протестантских христианских организаций первостепенное значение имеют именно различия в способах познания и источниках информации, используемых в религии и науке. Они подчеркивают принципиальную и непреодолимую границу между ними. Также показательным отличием является то, что среди православных христиан никто не выбрал фактор отсутствия необходимости для ученых в христианском учении, а для христиан – в научном знании. Среди протестантов тоже мало респондентов, выбравших этот фактор (3,1 %), но тем не менее они есть.

С тем, что христианство и наука сегодня находятся в состоянии сближения и синтеза, согласны всего 4 % участников исследования. Однако многие из респондентов, в том числе и те, кто не согласен с этой точкой зрения, активно выбирали факторы, способствующие этому процессу (рис. 9). Чаше всего они называли причины, способствующие именно сближению христианства и науки. Итак, факторами сближения и синтеза религии и науки опрошенные респонденты считают: рост среди христиан числа людей, профессионально занимающихся наукой (27 %) (*фактор 4.1*); реальное сотрудничество, которое уже происходит (совместные научные исследования, издание книг, журналов и т. п.) (18 %) (*фактор 4.2*); использование научных методов в области изучения истории христианства (16 %) (*фактор 4.3*); утверждения некоторых ученых о необходимости и возможности синтеза современной науки и христианства (16 %) (*фактор 4.4*); появление научных теорий, подтверждающих христианское учение (15 %) (*фактор 4.5*), а также появление научных методов, позволяющих исследовать нематериальную часть реальности (8 %) (*фактор 4.6*). В ходе исследования также выяснилось, что часть участников хорошо знакома с проблемой синтеза религии и науки, участвовала в различных дискуссиях, семинарах и конференциях по этой теме.

Анализ распределения факторов между разными группами показал, что представители протестантских деноминаций делают вывод о сближении христианства и науки, опираясь на уже существующее взаимодействие с учеными (факторы 4.1 и 4.2), при этом они довольно слабо осведомлены о научных теориях, подтверждающих христианское учение. Православные респонденты показали большую теоретическую осведомленность в этом вопросе. Кроме того, необходимо сказать, что все факторы сближения и синтеза христианства

и науки активно выбирали респонденты с естественно-научным базовым образованием и/или имеющие ученую степень в области теологии и богословия. Обычные прихожане их практически не выделяли, склоняясь к другим позициям.

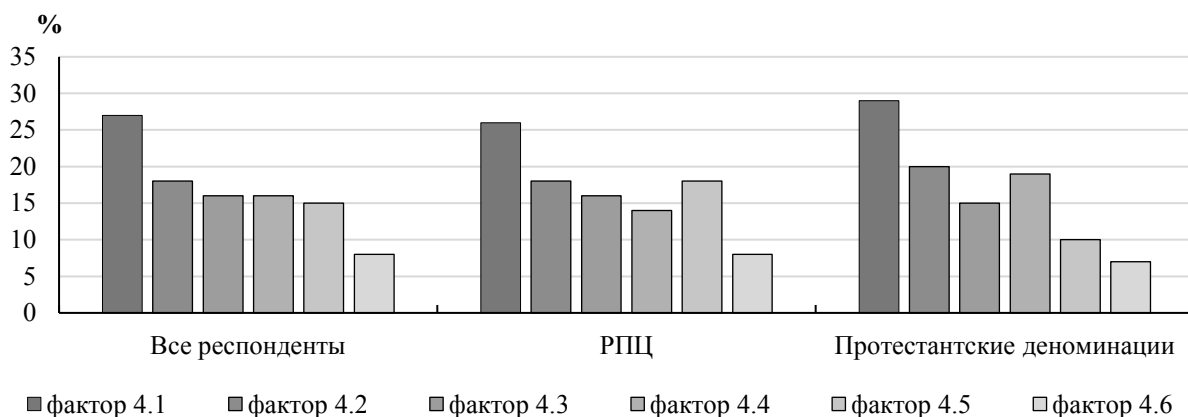

Рис. 9. Факторы, способствующие сближению христианства и современной науки
(% от количества респондентов)
Fig. 9. Factors contributing to the convergence of Christianity and modern science
(% of the number of respondents)

Итак, участники проведенного исследования в основном оценивают современное состояние взаимоотношений христианства и науки как диалог. Если это действительно так, то мы должны зафиксировать высокий уровень коммуникации и сотрудничества с научным сообществом, а также достаточное взаимопонимание между верующими и учеными, способствующее их легкому общению и взаимодействию. В связи с этим важной частью исследования стало изучение частоты личного общения христиан с учеными, уровня удовлетворенности им, а также возникающих при этом проблем.

Анализ результатов показал, что подавляющее большинство участников исследования (90 %) встречалось с представителями научного сообщества, причем у многих такие контакты происходят на постоянной основе или с определенной периодичностью (рис. 10).

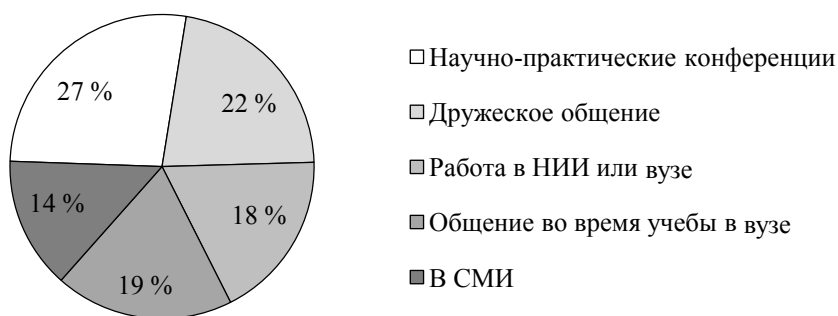

Рис. 10. Формы коммуникации с учеными (% от количества респондентов)
Fig. 10. Forms of communication with scientists (% of the number of respondents)

При этом можно говорить о достаточно высокой степени удовлетворенности респондентов своим личным общением с учеными (рис. 11). Ни один из них не оценил его неудовлетворительно. Только 10 % опрошенных не ответили на этот вопрос, а 4 % – затруднились ответить.

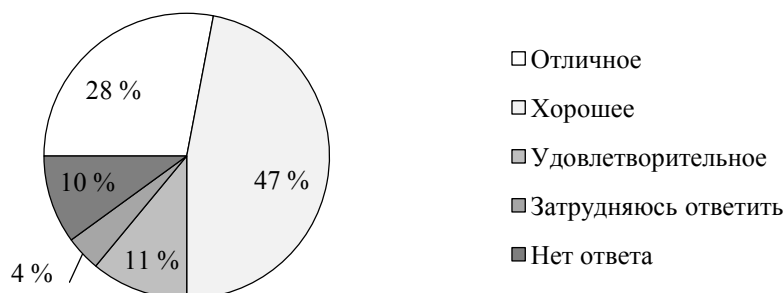

Рис. 11. Впечатление от личного взаимодействия с учеными (% от количества респондентов)
Fig. 11. The impression of personal communication with scientists (% of the number of respondents)

При этом 79 % участников исследования выделили факторы, которые существенно затрудняли их личное взаимодействие с учеными (табл. 1). И это свидетельствует о том, что в этой коммуникации присутствует как минимум недопонимание, а в отдельных случаях явное неприятие как со стороны ученых, так и стороны самих верующих. Все это является характеристиками сложного характера происходящего диалога, участникам которого очень непросто найти точки соприкосновения, где наука и христианство могли бы дополнять друг друга.

Таблица 1. Факторы, затрудняющие личное взаимодействие с учеными
Table 1. Factors that make personal interaction with scientists difficult

№	Факторы	% от количества ответов
1	Низкий уровень знания христианства	34
2	Разные взгляды на мир, противоречие мировоззрений	22
3	Отсутствие общих интересов и целей	12
4	Высокомерное отношение к христианам	11
5	Негативное отношение к христианству	10
6	Агрессивное навязывание своих взглядов	8
7	Противодействие моей организации	3

Показателем диалога между христианством и наукой, помимо личного общения, является уровень сотрудничества христианских организаций с научным сообществом. Исследование показало, что он тоже достаточно высок. На вопрос, сотрудничает ли ваша организация с учеными, 75 % опрошенных ответило положительно. Однако в разных религиозных конфессиях масштаб этого сотрудничества существенно отличается (рис. 12).

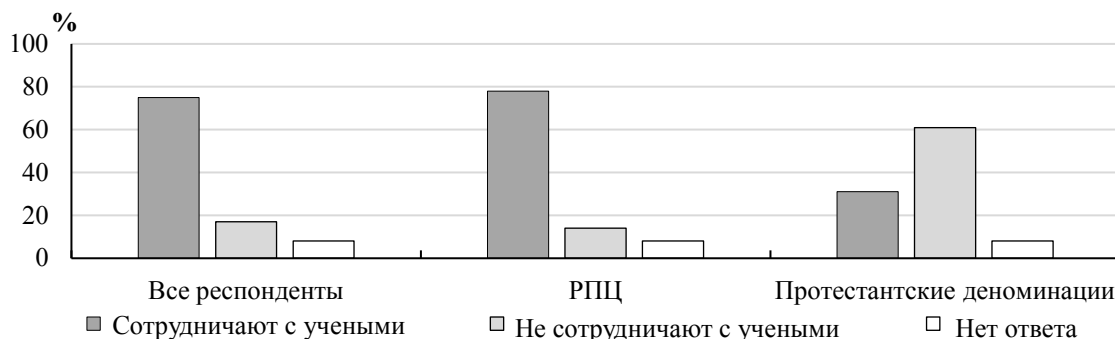

Рис. 12. Уровень сотрудничества христианских организаций с научным сообществом (% от количества респондентов)
Fig. 12. The level of cooperation between Christian organizations and the scientific community (% of the number of respondents)

Так, если среди православных священников заявили о своем сотрудничестве с учеными 78 % респондентов, то среди протестантов положительно ответили на этот вопрос только 30 % опрошенных. Причем в разных протестантских деноминациях ситуация в этом отношении принципиально разная. Например, если все адвентисты сказали, что их организация сотрудничает с учеными, то все баптисты и пятидесятники ответили на этот вопрос отрицательно или вообще не смогли на него ответить.

Необходимо отметить, что чаще всего сотрудничают с христианскими организациями не какие-либо научные институты, а ученые, которые сами являются христианами и/или работают в христианских образовательных организациях. Они принимают участие в совместных конференциях, образовательных проектах для молодежи, издают книги и публикуют статьи в журналах. Тем самым, с одной стороны, снимается проблема мировоззренческих противоречий и недопонимания, что существенно облегчает взаимодействие. Но, с другой стороны, в этом случае нельзя говорить о полноценном сотрудничестве с научным сообществом.

Практически все участники исследования (94 %) выделили препятствия, затрудняющие сотрудничество религиозных организаций и научного сообщества, что также свидетельствует о сложностях этого процесса (табл. 2).

Таблица 2. Факторы, затрудняющие сотрудничество христианских организаций и научного сообщества
Table 2. Factors that make it difficult for Christian organizations and the scientific community to cooperate

№	Факторы	% от количества ответов
1	Непонимание актуальности такого сотрудничества с обеих сторон	24
2	Отсутствие социального заказа со стороны общества и государства	16
3	Несовместимость мировоззрений	15
4	Отсутствие у ученых знания основ христианского учения	14
5	Недостаток финансирования	12
6	Отсутствие у христиан знаний современного уровня развития науки	10
7	Низкий общий образовательный уровень христиан в целом	5
8	Целенаправленное сопротивление со стороны научного сообщества	3
9	Целенаправленное сопротивление со стороны христиан	1

Лидерство фактора непонимания актуальности такого сотрудничества является важным показателем. Это свидетельствует о том, что, несмотря на усилия христианских богословов, предпринимавшиеся за последние десятилетия, по-прежнему остается существенной доля христиан, которая не понимает, зачем христианским церквям сотрудничать с учеными. Необходимо также отметить, что большинство из часто выбираемых факторов не зависят от самих верующих и их организаций. По всей видимости, участники исследования считают, что рост заинтересованности со стороны государства, ликвидация «христианской безграмотности» среди ученых, а также финансовые вложения помогут наладить полноценное сотрудничество. При этом немного респондентов считает, что сотрудничеству христианских организаций и научного сообщества мешает прежде всего неподготовленность к этому самих христиан.

Заключение. Подводя итоги, можно сказать, что тенденция рассматривать отношения христианства и науки в современном мире как диалог, действительно, сильна. Об этом свидетельствует не только мнение участников исследования, но и высокая степень их вовлеченности. Взаимоотношения христианских организаций и научного сообщества в современной России: опыт социологического... 99
The Relationship between Christian Organizations and the Scientific Community in Modern Russia: the Experience...

ченности в коммуникацию с научным сообществом, причем часто на личном уровне, а также удовлетворенность ею. Однако доля христиан, считающих, что между религией и наукой продолжается противостояние и конфликт, остается существенной и занимает второе место после сторонников диалога. Более тщательное изучение проблем как в личном, так и в организационном взаимодействии с учеными показало, что желаемому диалогу часто препятствует разница мировоззрений и низкий уровень знаний христиан в области науки, а ученых – христианского учения. Таким образом, можно сказать, что полноценный диалог возникает между христианами и учеными при высоком образовательном уровне его участников, особенно при наличии естественно-научного образования, что создает необходимый фундамент для взаимопонимания. Результаты исследования показывают, что чем лучше христиане знакомы с современными научными представлениями, тем сильнее выражена у них ориентация на диалог и даже сближение религии и науки. Вторым важным условием диалога является его целенаправленная организация, что помогает его участникам чаще непосредственно общаться друг с другом, способствует росту взаимного доверия, а также поиску взаимодополняющих идей и представлений.

Перечисленным условиям удовлетворяет только одна категория участников исследования – это православные священнослужители и пасторы протестантских деноминаций, имеющие теологическое, а некоторые еще и естественно-научное образование и являющиеся преподавателями христианских образовательных учреждений. Именно они, как правило, – сторонники диалога и даже сближения христианства и науки. Однако среди обычных священнослужителей, а также прихожан различных христианских церквей чаще всего преобладают традиционные представления о взаимоотношениях христианства и науки. Для них характерен довольно низкий уровень знакомства с современным научным знанием, отсутствие возможности непосредственного общения с учеными и обсуждения подобной тематики, вследствие чего их склонность оценивать эти отношения как противостояние и конфликт сохраняется. В большинстве случаев они продолжают относиться к науке как к виду знания, принципиально противоположному и чуждому христианству, а представления о диалоге между ними являются для них непонятными и неприемлемыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Barbour I. G. When Science Meets Religion: Enemies, Strangers, or Partners? San Francisco: Harper Collins Publishers, 2000.
2. Alexander D., White R. Science and religion: friends or enemies? Christian view of the latest scientific achievements. Oxford: Lion Hudson, 2004.
3. Dawkins R. The God Delusion. London: Bantam Press, 2006.
4. Coyne J. A. Faith Versus Fact: Why Science and Religion Are Incompatible. NY: Viking, 2015.
5. Gould S. J. Rocks of Ages. Science and Religion in the Fullness of Life. NY: Ballantine Publishing Group, 1999.
6. Барт К. Послание к Римлянам / пер. с нем. В. Хулапа. М.: ББИ, 2005.
7. Хаммель Ч. Дело Галилея. Есть ли точки соприкосновения науки и богословия? / пер. с англ. А. Широценской. М.: Триада, 1998.
8. Рос А. А. В начале...: взаимосвязь между наукой и Писанием / пер. с англ. С. И. Корниенко. Заокский: Источник жизни, 2001.

9. Plantinga A., Dennett D. *Science and Religion: Are They Compatible?* NY: Oxford Univ. Press, 2010.
10. Plantinga A. *Where the Conflict Really Lies: Science, Religion, and Naturalism*. NY: Oxford Univ. Press, 2011.
11. Polkinghorne J. C. *Theology in the Context of Science*. New Haven: Yale Univ. Press, 2009.
12. Polkinghorne J.C. *Science and Religion in Quest of Truth*. New Haven: Yale Univ. Press, 2011.
13. Владимиров Ю. С. О диалоге представителей науки и церкви // *Христианство и наука: XV Международные Рождественские образовательные чтения: сб. докладов*, Москва, 29–30 янв. 2007 / РУДН. М., 2008. С. 3–11.
14. Владимиров Ю. С. *Метафизика и фундаментальная физика*. М.: ЛЕНАНД, 2017.
15. Гоманьков А. В. *Библия и природа. Эволюция, креационизм и христианское вероучение*. М.: ГЕОС, 2014.
16. Мумриков О. А. О допустимости «естественно-научного» прочтения Священного Писания и церковной рецепции научных картин мира // «*Вся премудростию сотворил еси...*»: семинары ПСТГУ «Наука и вера». Вып. 1. М.: ПСТГУ, 2011. С. 140–161.
17. Мумриков О. А. К вопросу о принципах построения православной естественно-научной апологетики XXI века // *Наука и религия: в поисках единой картины мира: материалы междунар. круглого стола*, Москва, РГСУ, 19 мар. 2015. М.: РИТМ, 2015. С. 88–99.
18. Отюцкий Г. П. Религиозная и научная картина мира: точки соприкосновения и взаимодействия // *Наука и религия: в поисках единой картины мира: материалы междунар. круглого стола*, Москва, РГСУ, 19 мар. 2015. М.: РИТМ, 2015. С. 7–14.
19. Кырлежев А., Шишков А., Шмалый В. Диалог религии и науки: новые подходы (итоги дискуссии) // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2015. № 1 (33). С. 164–183.
20. Антонов К. Этосы религии и формы рациональности // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2015. № 1 (33). С. 95–135.

Информация об авторе.

Клементьева Татьяна Николаевна – кандидат философских наук (2002), доцент кафедры философии Новосибирского государственного медицинского университета, Красный пр., д. 52, Новосибирск, 630091, Россия. Автор 26 научных публикаций. Сфера научных интересов: религиоведение, религия и наука.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 20.05.2025; принята после рецензирования 18.06.2025; опубликована онлайн 22.09.2025.*

REFERENCES

1. Barbour, I.G. (2000), *When Science Meets Religion: Enemies, Strangers, or Partners?*, Harper Collins Publishers, San Francisco, USA.
2. Alexander, D. and White, R. (2004), *Science and religion: friends or enemies? Christian view of the latest scientific achievements*, Lion Hudson, Oxford, UK.
3. Dawkins, R. (2006), *The God Delusion*, Bantam Press, London, UK.
4. Coyne, J.A. (2015), *Faith Versus Fact: Why Science and Religion Are Incompatible*, Viking, NY, USA.
5. Gould, S.J. (1999), *Rocks of Ages. Science and Religion in the Fullness of Life*, Ballantine Publishing Group, NY, USA.
6. Bart, K. (2005), *Poslanie k rimlyanam* [The Epistle to the Romans], Transl. by Hulapa, V., St. Andrew's Biblical Theological Institute, Moscow, Russia.
7. Hammel, Ch. (1998), *The Galileo Connection*, Transl. by Shirochenskaya, A., Triada, Moscow, RUS.
8. Ros, A.A. (2001), *V nachale... Vzaimosvyaz' mezhdu naukoj i Pisaniem* [At the beginning... The relationship between science and Scripture], Transl. by Kornienko, S.I., Istochnik zhizni, Zaokskii, RUS.

9. Plantinga, A. and Dennett, D. (2010), *Science and Religion: Are They Compatible?*, Oxford Univ. Press, NY, USA.
10. Plantinga, A. (2011), *Where the Conflict Really Lies: Science, Religion, and Naturalism*, Oxford Univ. Press, NY, USA.
11. Polkinghorne, J.C. (2009), *Theology in the Context of Science*, Yale Univ. Press, New Haven, USA.
12. Polkinghorne, J.C. (2011), *Science and Religion in Quest of Truth*, Yale Univ. Press, New Haven, USA.
13. Vladimirov, Yu.S. (2008), "On the dialogue between the representatives of science and the Church", *XV Mezhdunarodnye Rozhdestvenskie Obrazovatel'nye Chteniya* [XV International Christmas Educational Readings], Moscow, Russia, 29–30 Jan. 2008, pp. 3–11.
14. Vladimirov, Yu.S. (2017), *Metafizika i fundamental'naya fizika* [Metaphysics and fundamental physics], LENAND, Moscow, RUS.
15. Goman'kov, A.V. (2014), *Bibliya i priroda. Evolutsiya, kreatsionizm i hristianskoe uchenie* [The Bible and nature. Evolution, Creationism, and the Christian faith], GEOS, Moscow, RUS.
16. Mumrikov, O.A. (2011), "On the permissibility of the "natural-scientific" reading of the Holy Scriptures and the Church's reception of scientific worldviews", *Vsya premydrostiyu sotvoril esi...*, *Seminary PSTGU "Nauka i vera"*, iss.1, pp. 140–161.
17. Mumrikov, O.A. (2015), "On the principles of construction of Orthodox natural science apologetics of the XXI century", *Nauka i religiya v poiskah edinoi kartiny mira* [Science and Religion: in search of a unified worldview], Moscow, RUS, 19 March 2015, pp. 88–99.
18. Otyutskiy, G.P. (2015), "Religious and scientific picture of the world: points of contact and interaction", *Nauka i religiya v poiskah edinoi kartiny mira* [Science and Religion: in search of a unified worldview], Moscow, RUS, 19 March 2015, pp. 7–14.
19. Kyrlezhev, A., Shishkov, A. and Shmaliy, V. (2015), "The Dialogue of Religion and Science: New Approaches (An Overview of Discussions)", *State, Religion and Church In Russia and Worldwide*, no. 1 (33), pp. 164–183.
20. Antonov, K. (2015), "The ethos of religion and forms of rationality", *State, Religion and Church In Russia and Worldwide*, no. 1 (33), pp. 95–135.

Information about the author.

Tatiana N. Klementyeva – Can. Sci. (Philosophy, 2002), Associate Professor at the Department of Philosophy, Novosibirsk State Medical University, 52 Krasny ave., Novosibirsk 630091, Russia. The author of 26 scientific publications. Area of expertise: religious studies, religion and science.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 20.05.2025; adopted after review 18.06.2025; published online 22.09.2025*

Оригинальная статья

УДК 811.153.1

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-4-103-120>

Валлонский язык в социокультурной бельгийской среде – история и современность

Любовь Александровна Ульяницкая¹✉, Кристина Витальевна Перемот²

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹✉ulianitckaia_liubov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>

²chrstnprmt@mail.ru

Введение. Целью статьи является анализ социокультурной значимости валлонского языка и степени его встроенности в естественное и цифровое пространства Бельгии, а также описание становления его литературной традиции. Научная новизна работы объясняется оригинальными подходами к определению этапов развития и становления литературных жанров на валлонском языке, а также к выявлению различных стратегий, направленных на его поддержку посредством социокультурных инициатив как простых граждан, так и ряда ассоциаций и организаций. Поскольку особенности языковой ситуации в Бельгии – государстве, объединяющем романские и германские языки, неизменно привлекают лингвистов, заявленная тема представляется весьма актуальной, а обращение к социолингвистике, литературоведению, языковой политике и истории придает исследованию междисциплинарный характер.

Методология и источники. Исследование выполнено на основе различных лингвистических и исторических источников, а также литературных произведений и медиаресурсов, созданных на валлонском языке на территориях современного Королевства Бельгия. Методами, примененными в настоящем исследовании, являются описательный и сопоставительный методы, а также метод классификации.

Результаты и обсуждение. Валлония – родина многих известных и талантливых мастеров художественного слова, где письменная и устная речь имеют солидную основу для своего функционирования. Литературные жанры на валлонском языке разнообразны, а сферы его использования варьируются от театров и интернет-сайтов до бытового общения и языковых клубов. Однако современный валлонский язык все еще сталкивается с проблемой языковой нормы: разница диалектов ощутима не только в оригинальных произведениях, но и в переводной литературе.

Заключение. Валлонский язык находится под угрозой исчезновения вследствие малого количества носителей среди молодежи, но необходимо отметить, что бельгийские органы власти и филологи-активисты активно поддерживают малые языки страны. К сожалению, приверженцы валлонского языка имеют официальную возможность сохранять и распространять его лишь в качестве регионального.

Ключевые слова: валлонский язык, Бельгия, литературная традиция, региональный язык

© Ульяницкая Л. А., Перемот К. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Ульяницкая Л. А., Перемот К. В. Валлонский язык в социокультурной бельгийской среде – история и современность // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 4. С. 103–120. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-103-120.

Original paper

Walloon Language in the Belgian Socio-Cultural Environment – History and Modern State

Liubov A. Ulianitckaia¹✉, Kristina V. Peremot²

^{1, 2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹✉*ulianitckaia_liubov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>*

²*chrstnprmt@mail.ru*

Introduction. The purpose of the article is to analyze the socio-cultural significance of the Walloon language and the degree of its presence and use in everyday and online communication in Belgium, as well as to describe the formation of its literary tradition. The scientific novelty of the work results from the original approaches to determining the stages of development and formation of literary genres in the Walloon language, as well as to identifying various strategies aimed at supporting it through socio-cultural initiatives of both ordinary citizens and several associations and organizations. Since the peculiarities of the linguistic situation in Belgium - a state uniting Romance and Germanic languages, invariably attract linguists, the stated topic seems very relevant, and the appeal to sociolinguistics, literary studies, language policy and history give the study an interdisciplinary character.

Methodology and sources. The study is based on various linguistic and historical sources, together with literary works and media resources written in the Walloon language on the territories of the modern Kingdom of Belgium. The methods used in this study are descriptive, comparative and classification methods.

Results and discussion. Walloon region is the birthplace of many famous and talented writers. Literary genres in the Walloon language are diverse, and the areas of its use vary from theaters and Internet sites to everyday communication and language speaking clubs. However, modern Walloon still faces the problem of language norm: the difference in dialects is noticeable not only in original works, but also in translated literature.

Conclusion. The Walloon language is endangered owing to the small number of speakers among young people, but it should be noted that the Belgian authorities and philological activists support the country's minor languages. Unfortunately, the adherents of the Walloon language have the official opportunity to preserve and spread it only as a regional language.

Keywords: Walloon language, Belgium, literary tradition, regional language

For citation: Ulianitckaia, L.A. and Peremot, K.V. (2025), "Walloon Language in the Belgian Socio-Cultural Environment – History and Modern State", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 4, pp. 103–120. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-103-120 (Russia).

Введение. Исторически валлонский язык восходит к местному северному диалекту галло-романского, возникшему между VIII и XII вв. [1, р. 9]. Современные диалекты валлонского и другие языки d'oïl взаимопонимаемы носителями [2]. В отличие от пикардийского или лотарингского, валлонские наречия заметно отклоняются от стандартного французского языка. В особенности эти отклонения заметны на лексическом уровне. Вместе с

тем, бельгийский вариант французского языка имеет множество включений из валлонских наречий. Исторически валлонский язык подвергся влиянию романских и германских языков, распространенных на территории Бельгии, но он сохраняет архаичные черты, которые в других языках d'oil, например, в современном французском, утрачены. Валлонская литература имеет относительно недолгую историю и в наши дни создается на языке, признанном уязвимым. Тем не менее многие валлонские авторы смогли приобрести немалый авторитет, в частности в области драматургии.

Методология и источники. Исследование выполнено на основе различных лингвистических и исторических источников, а также литературных произведений и медиа ресурсов, созданных на валлонском языке на территориях современного Королевства Бельгия. В частности, анализировались официальные сайты валлонских общественных организаций, государственных органов, СМИ и тематических блогов, посвящённых истории, культуре и литературе Валлонии. Общее число источников превышает 70 единиц. Методами, применёнными в настоящем исследовании, являются описательный и сопоставительный. В целях определения, описания этапов развития и становления литературных жанров на валлонском языке, а также выявления и рассмотрения различных стратегий, направленных на его поддержку, применялся метод классификации.

Результаты и обсуждение. *История становления валлонской литературной традиции.* Выделяется четыре диалекта валлонского языка: восточно-валлонский (льежский), центрально-валлонский (намюрский), западно-валлонский или валлоно-пикардийский, южно-валлонский, он же валлоно-лотарингский [3, р. 235]. Диалекты валлонского языка имеют некоторые отличия, например, фр. beau – льеж. вал. *bê* и намюр. вал. *bia* (красивый, хороший) [4, р. 14]. Валлонский язык долгое время использовался исключительно в устной речи, из-за чего первые грамматики языка появились довольно поздно. Переход на французскую орфографию не представлялся возможным вследствие особенностей валлонского фонетического строя, и в 1901 г. была принята система правописания Феллера [5]. С 1989 г. разрабатывается стандартизированная орфографическая система «Rfoundu walon» [6, с. 58]. Большинство валлонских произведений издаётся в наши дни в этой орфографической системе.

В романской филологии почти не уделялось внимание валлонским диалектам, называемым, иногда, *patua* [4, р. 5]. В Средние века тексты на диалекте Иль-де-Франс и валлонском мало отличались друг от друга, их носители без труда понимали друг друга. Средневековые хронисты Жан Лё Бель, Жан Фруассар, Сигеберт из Жамблу и Жан Д'Утремёз отмечали богатство литературы того периода [7]. Тогда же в Бельгии французский был языком буржуазии, валлонский считался языком рабочих [4, р. 339]. Использование валлонского заметно уменьшилось после присоединения Валлонии к Франции в 1794 г. [7]. Постепенному вытеснению патуа способствовали также обязательное образование, улучшение качества жизни, увеличение роли медиа и миграции, что, в свою очередь, заставило население озаботиться вопросом национальной идентичности и начать попытки сохранения местного наречия, противопоставляя себя франкофонам [4, р. 64]. Таким образом, в 1845 г. был издан этимологический словарь валлонского языка, а в 1856 г. было основано «Société liégeoise de littérature wallonne» («Льежское общество валлонской литературы»). «Académie liégeoise»

(«Льежская академия») поддерживала диалектологические исследования в романоговорящей части Бельгии [8, р. 63]. В октябре 1920 г. была открыта кафедра валлонского языка в Льежском университете [8, р. 71].

Начало формированию валлонской литературы было положено еще в IX в. «Tchantlinne sinte Ulaleye» («Секвенция о святой Евлалии»), найденная в Сент-Аман-лез-О, была написана примерно в 880 г. на пикардийско-валлонском наречии и является одним из древнейших письменных памятников на этом языке [9, р. 10]. Также были найдены средневековые религиозные тексты на валлонском наречии, например, «Li dialogue Gregoire lo Pape» («Диалоги Григория Великого») [6, с. 35] и первое литературное произведение на собственно валлонском – поэма «Paskéyé dèl toû d'Houyoux et di ses deux soûs» («Пасквиль о Ую и его двух порогах»), написанная на намюрском диалекте в 1730 г. [4, р. 73]. В средневековых произведениях на валлонском, таких как «Li ver del Juîse» («Стихи о Страшном суде») и «Le Roème Moral» («Моралистическая поэма»), заметно влияние другого языкового варианта d'oîl – франсийского диалекта [4, р. 16]. Среди средневековых писателей примечательны Адене ле Руа и Антуан де ля Саль, известны также исторические хроники Жана Фруассара и Жана д'Утремёза – автора «La Geste de Liège» («Льежские деяния»). В 1626 г. была основана газета «Almanach de Liège» [6, с. 25].

Расцвет печатных изданий Валлонии пришелся на конец XIX и начало XX вв. Так, за период с 1883 по 1914 г. насчитывалось более 50 газет, например, «Li Mârmite» («Котелок») (1895–1905), «Li Rantoele» («Сеть») (1896–1932), «Li ptit Lidjwès» («Маленький Льежец») (1897–1914), «L'Acloî» («Акло», житель города Нивеля) (1888–1890), «El Cok d'Awousse» («Сверчок») (1905–1910) и «Li Ban-cloke» («Колокол») (1910–1912) [10].

Литературный кружок «Le Caveau Liégeois» («Льежский погребок») – одно из старейших литературных сообществ в валлонском языковом пространстве, чьей целью было сохранение чистоты валлонского языка и его распространение. Участниками кружка были Антуан Рума, Шарль Готье и Николя Дефрешё – поэт и эссеист, работавший в Льежском университете, чья песня «Lèyîz-m' ploger» («Позвольте мне плакать») (1854), вдохновила на создание более крупного литературного сообщества для поддержки и продвижения произведений, написанных на диалектах, распространенных в Валлонии. Так возникло «Льежское общество валлонской литературы». Кроме того, появились идеи создания «Dictionnaire général de la langue wallonne» («Общий словарь валлонского языка»), «Atlas linguistique de la Wallonie» («Лингвистический атлас Валлонии»), работ по лексике и топонимике в Валлонии. В 1861 г. Николя Дефрешё написал поэму «Mès deûs lingadjes» («Мои два языка»), посвященную отношениям между французским и валлонским [11]. С 1850 г. начал развиваться жанр сентиментальных романов – Эжен Жан, Эмиль Леклерк и Эмиль Грей-сон – основные представители этого жанра. Широкую известность валлонской литературе принес роман Шарля де Костера – «Légende d'Ulenspiegel» («Легенда об Уленшпигеле»), который был переведён на многие языки [6, с. 28]. Жозеф Дёжардан, бельгийский лингвист, писал на валлонском, издал в соавторстве с Дефрешё словарь валлонских поговорок. Также нужно отметить и вклад Шарля Гранганьяжа – автора нескольких этимологических словарей валлонского и «Vocabulaire des noms wallons d'animaux, de plantes et de minéraux» («Словарь названий животных, растений и ископаемых на валлонском») (1857). Кроме того, он изучал

историю появления бельгийского региона. Благодаря его дяде, Франсуа-Жозефу Гранганьяжу – автору «Wallonades» (1845), и Альберу Мокелю – поэту-символисту и позже редактору журнала «La Wallonie», появился термин Wallonie [12].

Среди поэтов, опубликованных в поэтических альманахах, выпускаемых литературными кружками, были Фердинанд Ван ден Занде, Пьер Де-бюльстер и Филип Лебруссар [13, р. 15]. Телесфор Ламбинон, Огюст Де-миль, Жорж Пелуз и Люсьен Марешаль создали валлонский литературный кружок «Lès Rêlîs Namurwès» («Реликвии Намюра») в 1909 г. Также были и другие литературные кружки, например, «Les Wallons» («Валлоны»), «Les Wallons Réunis» («Объединённые валлоны») и «Le Lion Belge» («Бельгийский Лев») [14, р. 20].

После Франко-прусской войны в Бельгии активизировалось Валлонское движение, которое имело своей целью защиту культуры и языковых прав как валлоноговорящих, так и франкофонов, что выразилось, в свою очередь, в литературном подъеме – начали активно появляться журналы. Так были основаны «La Revue de Belgique» («Журнал Бельгии»), «La revue générale» («Общий журнал») и «Art moderne» («Современное искусство»), который возглавлял Эдмон Пикар [15, с. 430]. Начиная с XIX в., произведения на валлонском публиковались в специализированных изданиях. После Второй мировой войны большинство из них закрылось. В 1949 г. Фелисьен Барри, участник «Association littéraire wallonne de Charleroi» («ALWaC») («Валлонское литературное объединение Шарлеруа»), основал «Èl Bourdon» («Шум»); с 1997 г. этот журнал сотрудничает с «Èl Môjo dès Walons» («Дом Валлонов») и «Maison carolorégienne des Traditions» («Дом традиций Шарлеруа»). ALWaC принадлежат литературные и лексикографические издания валлонского языка, например, «Dictionnaire de l'ouest-wallon d'Arille Carlier» («Словарь западно-валлонского диалекта Ариля Карлье») (1887–1963). В журнале «Èl Bourdon» публикуются произведения современных авторов на валлонском и пикардийском наречиях, общая тематика текстов – история, лингвистика и литература [7]. Шарлеруа, Намюр, Льеж – почти во всех городах Валлонии издаются газеты на местных наречиях. Льеж – культурный центр региона [4, р. 72].

В XIX в., крайне плодотворном для валлонской литературы, большинство авторов были родом из Льежа [2, р. 89]. Всего насчитывается более тысячи стихотворных произведений и около десяти тысяч пьес на валлонском языке. По подсчетам Ива Кэрио, с 1860 по 1914 г. было написано 4800 пьес [16, р. 85]. Шарль Николя Симонон, Николя Дефрешё и Вилли Баль – известные бельгийские писатели, которые использовали в своих произведениях валлонский язык. Артюр Массон, изобразивший провинциальную жизнь Арденн, Жан Туссёль, Октав Пирме писали на французском, как и Шарль Плиснье, обладатель Гонкуровской премии и премии Эно. Франсуа Бэё перевел Басни Лафонтена в 1852 г. на валлонский язык, Леон Берню сочинил на диалекте Шарлеруа около ста басен, подражая Лафонтену. Шарль Николя Симонон – видная фигура в Бельгийской литературе, он сочинял поэмы на льежском диалекте валлонского языка и составил труды по грамматике [4, р. 72]. Юбер Крэн, опубликовавший свои первые труды в журнале «La Wallonie», и Морис Дезомбё, автор периодических изданий «Io-Ié, Bec de Lièvre» («Заячья губа») и журнала «La farce du Potie» («Фарс Потти») на валлонском языке, посвятили свою жизнь защите валлонской культуры. Рэймон Кено издал собрание сочинений валлонских поэтов. Среди валлонских авторов было много талантов, например, Франц Деванделер – автор «El moncha qui

crèch» («Растущая грудa») (1948), получивший девять литературных премий за свои сочинения, Эмиль Жильар – член «Rèlis namurwès» и президент «Société de Langue et de Littérature wallonnes» («Общество валлонского языка и литературы»), автор множества валлонских поэтических и прозаических текстов, эссе, переводов и филологических трудов. Отдельного внимания стоит Анри Симон – культовая фигура, знаменитый поэт и автор нескольких пьес, «Que Coûr d'ognon» («Луковое сердце») (1888) и «Sètche, i bètche» («Шалфей и клюв») (1889); его поэмы «Li mwért di l'åbe» («Смерть дерева») (1909) и «Li Pan dè Bon Diu» («Хлеб Господа Милосердного») (1914) имели большой успех и привлекли внимание к валлонской литературе.

Бельгийцы Жорж Сименон и Станислас-Андре Стиман – авторы множества детективов, получивших мировое признание, писали на французском языке, несмотря на то что жили в Льеже [12]. Большинство писателей пользовались французским, но постепенно возвращались к родному валлонскому языку, которым они владели лучше и который проникал в письмо, придавая большую экспрессию произведениям [14, p. 25]. В литературных произведениях тех лет можно обнаружить элементы разговорной традиции, применяемой в устной речи [17, p. 267]. В межвоенный период в валлонской литературе возникло два новых жанра – роман и новелла [4, p. 71].

Театр и драматургия. Льежский театр был создан в 1757 г. участниками литературных объединений Симона де Арле, чьи оперы «Li Voyadjue di Tchaufontaine» («Путешествие в Шофонтен»), «Li Lîdjwès egagî» («Неравнодушный Льежец») и «Les Hypochondres» («Ипохондрики»), обрели популярность и были впоследствии переведены на французский язык [18]. С самого начала своего существования территория Валлонии была двуязычной, а благодаря деятельности «Валлонского литературного сообщества», льежский театр стал узнаваем, и развились многочисленные литературные жанры на местных наречиях. В театрах Льежа регулярно проходят постановки на валлонском языке. Такие пьесы, как «Li galant dè l'siervante» Андре Дельшефа (1857) и «l'Pèriqui» («Цирюльник») Эдуарда Рёмушампа (1885), обрели большую популярность в местных театрах. В 1931 г. льежский композитор Эжен Изаи написал оперу «Pire li Houyeu» («Шахтер Пьер»), посвященную шахтерам [4, p. 17]. Среди драматургов следует отметить также Франсуа Ролана [19].

В межвоенный период валлонский театр не выступал против проникновения французского языка в пьесы, написанные на местных наречиях, и на Конгрессе в 1926 г. были официально разрешены двуязычные постановки. Габриэль Бернар, Ги Денис сочетали валлонский с французским в своих работах. Билингвизм валлонских писателей, их знакомство с французской культурой, знание специфических культурных кодов позволили им развить и обогатить валлонскую литературу, сделать валлонский язык языком культуры наравне с французским [4, p. 337]. В 1918 г. в Льеже был открыт «Théâtre Royal du Gymnase» («Королевский театр Жимназ»), сегодня – «Théâtre de Liège» («Льежский театр») [6, с. 30]. В 1964 г. появился театр «Théâtre wallon Mouscronnois» («Валлонский театр Мускрона») [20].

Современное состояние валлонского языка и сферы его функционирования. Сегодня валлонский язык и валлонская литература, подобно другим исчезающим региональным языкам, претерпевают известный кризис [20, p. 183]. Одна из причин – создание и распространение произведений на французском языке [15, с. 430].

Рассмотрим положение валлонского языка и литературы в Бельгии в наши дни. Носителей валлонского языка сегодня не более 600 тыс. (на 1998 г. насчитывалось более 1,2 млн) [20]. Статус регионального языка валлонский получил в 1990 г. по решению организации «Fédération Wallonie-Bruxelles» («Федерация Валлония-Брюссель»). Языком администрации региона был и остается французский, валлонские слова не всегда заметны, поскольку во многом совпадают с французскими, например, вал. *molin* – фр. *moulin* (мельница). Тем не менее таблички с названием улиц на французском продублированы на языке коренного населения. Официальные сайты Валлонии преимущественно франкоязычные. На сайте «Wallex» публикуются законы, сайт «Parlement de Wallonie» представляет Валлонский парламент. «Fédération Wallonie-Bruxelles» также имеет свой сайт, на котором доступна информация об образовании, научной деятельности, культуре, социальной работе в регионе. Сайт «Toponymie&Dialectologie» принадлежит Комиссии по топонимике и диалектологии Бельгии, чья деятельность находится под патронажем «Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique» («Королевская академия наук, письма и изящных искусств Бельгии»), сайт доступен на четырех языка – трех государственных и английском. Сайт «Connaître la Wallonie» посвящен истории, культуре и географии региона.

Общественные организации. В 2000 г. была создана организация «L'Union Culturelle Wallone» («Валлонский культурный союз»), которая считается одним из первых добровольческих объединений на федеративном уровне в регионе. Ее задача – защита и продвижение культурных ценностей, в том числе исконных наречий Валлонии [11]. Впрочем, региональные праздники в Льеже проводятся уже с конца XIX в., с началом роста национального самосознания [12].

Другая организация, «Service des langues régionales endogènes» («Служба эндогенных региональных языков»), размещает на своем сайте актуальные новости и научные публикации, образовательные ресурсы, анонсы мероприятий, направленных на стимулирование интереса к проблеме вымирающих языков. С 2015 г. проводится «Fête aux langues de Wallonie» («Праздник языков Валлонии»), посвященный автохтонным языкам региона. Принимаются заявки участников, владеющих пикардийским, валлонским, шампанским и лоренским наречиями. Организация занимается также распространением современных литературных произведений, песен, постановок, написанных на региональных языках, сохранением, переводом и публикацией языкового наследия как в письменной, так и в устной форме, развитием учебной литературы. Особое внимание уделяется необходимости обучать языку подрастающее поколение [21]. Жан Визимюс организовал конкурс по валлонской речи, что, по его задумке, должно вызвать интерес к родному языку у молодежи [5].

Сфера образования. Эта проблема весьма актуальна. В Валлонии учащиеся средней школы не имеют возможности изучать валлонский – он, как и другие региональные языки, не преподаётся. После Первой мировой войны обучение в школах региона велось на французском, более того, с 1952 г. валлонский был запрещен в сфере образования. Однако согласно публикации «RTBF» 2013 г., в коммуне Блени организованы уроки валлонского. Учебный курс длится три года, из них – два года в детском саду и один в начальной школе. По словам Марка Боллана, бургомистра коммуны, Бельгия не всегда пользовалась правом на защиту

местных наречий, установленным Европейской хартией по защите региональных языков и языков меньшинств [22]. В 2019 г. в газете «7sur7» была опубликована статья, в которой высказывалось мнение о необходимости преподавания валлонского языка в начальной и средней школах, также в каждой коммуне ежегодно должны проводиться недели валлонского языка, а радио- и телепередачи должны транслироваться в утреннее и вечернее время [23]. Такие публикации встречались и ранее, например, в 2003 г. в газете «La Libre» вышла статья, в которой поднимался вопрос об обучении региональным языкам в детском саду и начальной школе, подобно той практике, что принята в Каталонии, Бретани и Люксембурге. Ранее декретом 1983 г. было установлено, что учителя могут использовать валлонский по мере необходимости во время занятий по французскому, но это происходит в крайне редко. Организация «Etablissement Communal d'Enseignement de Promotion Sociale – Charleroi Langues» (ECEPS) («Общественное учреждение по обучению и социальному развитию») проводит уроки валлонского языка в Шарлеруа. Занятия бесплатны, на них преподается грамматика (в которой особо разбираются спряжения глаголов) и орфография, также преподается устная и письменная практика речи, в обучении используются литературные произведения. В Интернете доступны материалы для преподавателей и самостоятельно изучающих валлонский язык, например, сайт «Les Rêlîs Namurwès», где размещены учебники «Chandîye-Sueur Froide» («Ужасная жара»), «Nicolas et le mirliton, Bosrèt di s' nom d' famille» («Николя и флейта, Босрэ – вот его фамилия») и «Apprendre le wallon aux enfants» («Учим детей валлонскому»), словарь для детей «Mes mille premiers mots wallons: dictionnaire illustré pour enfants» («Мои первые слова на валлонском: иллюстрированный словарь для детей»), также включающий девять познавательных видеороликов на онлайн-платформе YouTube, и иллюстрированная книга на двух языках – «Carte d'identité d'une pomme» («Удостоверение личности яблока»). Льежский центр «Centre de Recherche et d'Information du Wallon à l'École» («Le C.R.I.W.E») («Центр исследования и информации о валлонском в школе») занимается обучением валлонскому, оказывает поддержку учителям и всем желающим выучить язык. На сайте центра есть вспомогательные методические материалы и расписание занятий. Уроки валлонского в этом центре платные, однако в конце учебного курса, длящегося год, ученик получает официальный сертификат [24]. Также в центре можно пройти трехлетний курс: в течение первого года изучается история Валлонского движения и события, ему сопутствовавшие, в течение второго проводится обучение языку и литературе (иногда в игровой форме), изучается история и современность региональных театров и других культурных учреждений. На последнем курсе преподается грамматика, в том числе орфография Феллера, предлагается написать эссе на валлонском языке. По итогам обучения выдается диплом. Занятия доступны учащимся, достигшим возраста 15 лет [25]. В «Scole di walon d' Nameur» («Намюрская школа валлонского языка») занятия больше не проводятся, однако на их сайте «Scole di walon» («Школа валлонского») также доступны языковые материалы [26].

Средства массовой информации. Большинство СМИ в Валлонии используют французский язык. Самые известные – телеканал «Telesambre», новостной портал «En Mieux», посвященный социальным проектам в регионе, городская газета «Namur Capitale», которая функционирует при поддержке «Fonds européen de développement régional» (FEDER)

«Европейского фонда регионального развития» и сообщества «Wallonie», газета «Province de Namur».

В регионе работают некоторые СМИ, использующие валлонский язык, но чаще всего они двуязычны: второй язык – французский. Так, RTBF помимо онлайн-газеты ведет радиопередачи и снимает видеорепортажи, например, серию «Stoemp, pèkèt èt dès rawettes» («Стумп, женевер и добавка»), где местные жители дают интервью на родных языках. Также на двуязычном сайте газеты «No Télé» доступны выпуски «No parlache» («Наш язык») на валлонском языке [10]. Аналогично устроен сайт телеканала «Ma Télé», где названия статей дублируются и передачи ведутся на обоих языках, например, выпускаемая раз в две недели телепередача «Choûtoz one miète» («Послушайте немножко») [27].

Благодаря этим передачам жители Валлонии имеют возможность ощущать причастность к исконным языкам региона. Однако трудности в работе СМИ все же существуют: вещание осложняется низким уровнем финансирования, нехваткой валлоноговорящих ведущих и недостатком свободного эфирного времени [11].

Литературная и общественная работа современных писателей и филологов. Валлонские писатели создают свои произведения в значительном числе случаев на французском языке, однако валлоязычные книги и журналы продолжают издаваться, в том числе на различных диалектах.

Среди наиболее известных современных бельгийских писателей-франкофонов можно выделить Амели Нотомб и Рауля Ванейгема. Множество произведений принадлежат перу Венсана Анжела, Марсея Маро, Эмманюэля Франсуа, Сержа Делев и Андре Бальтазара. Признание читателей получили книги таких писателей, как Жерар Адам, «La Passion selon Saint-Mars» («Страсти по святому Марку») (2018), Ксавье Анотт, «Feux fragiles dans la nuit qui vient» («Слабый огонь приходящей ночи») (2010), Рэми Бертран, «Timbré» («Сумасшедший») (2014), Кристин Авентин, «Le Cœur en roche» («Сердце в кармане») (1988), Франк Андрэ, «Meurtre à la bibliothèque» («Убийство в библиотеке») (2020), Жозеф Бодсон, «Simone» («Симона») (2014). Даниэль Друакс пишет про историю медицины, например, «Alimentation et maladie: consultations à Padoue à l'aube des temps modernes» («Питание и болезнь: консультации в Падуе на заре Нового времени») (2021).

За последние 15 лет писательская деятельность на валлонском языке активизировалась. Не так давно Жан Гоффар опубликовал «Lès-avirètes da Kèkèt» («Приключения дурака») (2023). Посмертно изданы последние работы валлонского активиста Эмиля Лемперёра, «Dji vôleu tchantér Tchèss'lèt...» («Я вор, поющий в Шатле») (2012) и «Greifswald. Powèmes di grîjonî» («Грайфсвальд. Поэмы узника») (2010). Лемперёр изучал язык валлонов в США, занимался фольклором Валлонии и организовал фестиваль «Journées des Écrivains de Wallonie» («Дни писателей Валлонии»). Известен также и Эмиль Пешёр, автор «Lès bolèdjîs Pêcheûr do Bork (Dès djîns èt dès mètîs d' ayîr.)» («Недоумевающий рыбак из Буржа (начиная с человека и профессии прошлого)») (2015). Жан-Люк Фоконье издал за этот период 11 трудов, «Un auteur, une voix...» («Автор, голос...») (2023), «Dès bièst'riyes al chûte da Fibonacci» («Глупости после Фибоначчи») (2022), 4 комикса «Coquia èyèt Mésse Coq» («Петушок и Курица, ваша четверка») (с 2002 по 2020), некоторые из произведений написаны на западно-валлонском диалекте. Известны Марсель Давид, в особенности своей работой «Bon

anivèrsêre mi binamèye» («С Днем рождения, мой милый») (2016) и Жозеф Докье, автор «Ро lès trinte ans dès deûs rvûwes!» («Тридцать лет после двух обзоров») (2014). Жозеф Сельвэ написал «Au pîd dès plopes» («Под тополем») (2021) и рассказы «Pasquêyes di tos lès djoûs. Contes d'ayîr èt d'audjoûrdu» («Песни всех дней. Рассказы вчера и сегодня») (2014). Шанталь Денис – автор детских рассказов «Djan èt Djène» («Жан и Жен») (2011). В 2016 г. вышли книги «Pout on fé bouter des waloneus eshonne?» («Можем ли мы заставить работать активистов вместе?») (2015) Жака Десме и «Tîmps d' paurtadje» («Время отправления») (2015) Анри Матерна. Исторические труды принадлежат Жан Пьеру Дюмону, написавшему о послевоенной обстановке в Арденнах, и Артуру Шмицу, который изучал Бельгийское Конго; в прошлом году он выпустил книгу «Li vî bèrdjî» («Старый пастух») (2023). Писательница Даниэль Трампон скончалась в 2020 г., ее работа «Ene mîye di lèu...» («Ее крошка») (2021) вышла посмертно. Другая писательница, Жаклин Буат, получила премию за свои стихотворения из сборника «Ëstwales» («Звезда») (2020) [12].

Отдельное внимание стоит уделить известным валлонским писателям-активистам, таким как Люсьен Маен, издавший за последнее время 10 работ политического характера, например, «Passer vos condjîs a Gaza» («Каникулы в Газе») (2021) и «Li fâve do 11 di setimbe» («Фабула 11 сентября») (2021). Кроме того, он ведет канал в YouTube с записями выступлений, песен и уроков на валлонском. С похожим содержанием выходят выпуски на канале «Tévé walon-câzante» («Валлонское телевидение»). К сожалению, многие наиболее деятельные валлонские авторы скончались, в прошлом году ушел из жизни Эмиль Жильяр, его последней изданной работой стала «Bokèts po l' dêrène chîje: Poèmes pour l'ultime veillée» («Поэмы для последних встреч»), до этого в 2022 г. он выпустил «On-èsté dins vos-ouy» («Лето в ваших глазах») на центрально-валлонском диалекте. Жан-Люк Фоконье – профессор французского и валлонского, почетный участник Общества валлонского языка и литературы с 1986 г., также в прошлом редактор журнала «Èl Bourdon», с 2004 г. является вице-президентом «Èl Mojo». В 1990 он стал президентом «Comité roman du comité belge du bureau européen pour les langues moins répandues» («Бельгийский комитет Европейского бюро по менее распространённым языкам»). С 1988 по 1992 гг. Фоконье представлял Бельгию в Европейском комитете по менее распространённым языкам Совета Европы. Он получил награду за рассказ «Li djoû qu'i ploûra dès rupes di tête» («День, опустившийся на землю через трубу») (1992). Кроме того, Фоконье – организатор курсов валлонского языка в Шарлеруа, разработчик проекта, посвященного разработке словаря, также он перевел на валлонский оперу «Les contes d'Hoffmann» («Сказки Гофмана») Жака Оффенбаха и детские книги, например, «Alice au pays des merveilles» («Алиса в Стране чудес») Льюиса Кэролла, «Li P'tit Prince» («Маленький принц») Антуана де Сент-Экзюпери, изданного на льежском диалекте в 2012 г. и намюрском диалекте в 2013, и «Les bijoux de la Castafiore» («Драгоценности Кастафиоре») Эрже. Вилли Баль, скончавшийся в 2013 г., был филологом и активистом, он – автор работ на валлонском и о валлонском языке, например, «Dictionnaire du wallon de l'ouest-wallon» («Словарь Западно-валлонского диалекта») (1985), созданного вместе с Жан-Люком Фоконье. Вилли Баль работал со многими журналами, в их числе «La Vie wallonne» («Валлонская жизнь»), «Èl Bourdon», «Les Cahiers wallons», «La Wallonie dialectale» («Диалекты Валлонии»), «Les Dossiers du CACEF» («Отчеты Центра культурной деятельности Общества

французской речи») и «micRomania». Он состоял во многих организациях, посвящённых французскому и валлонскому языкам, например, был членом «Conseil international de la langue française» («Международный совет по французскому языку»), «Conseil des Langues régionales endogènes de la Communauté française» («Совет по региональным языкам Французского сообщества») и «Société de Langue et de Littérature wallonnes», ранее был представителем «Fédération wallonne des étudiants de Louvain» («Валлонский студенческий союз в Лувене»). Филолог и активист Жан-Мари Клинкаберг – автор более 30 работ, занимается проблемой валлонского языка, как и другой известный филолог Мишель Франкар, который издал («Dictionnaire des parlers wallons du pays de Bastogne») («Словарь Валлонских диалектов в Бастони») в 1994 г., где помимо языка освещаются традиции, праздники и кухня. В словаре бельгизмов «Dictionnaire des belgicisms» (2010) собрано 2000 выражений. В работе «Wallon-Picard-Gaumais-Champenois. Les langues régionales de la Wallonie» («Валлонский-Пикардский-Гомский-Шампанский. Региональные языки Валлонии») (2013) освещена история развития диалектов. Среди последних работ, всего их более 20, можно выделить «Tours & détours» («Поездки и путешествия») (2016), «Le retour» («Возвращение») (2018) и «Mes mille premiers mots wallons» («Моя первая тысяча валлонских слов») (2019) на южно-валлонском диалекте.

Последняя работа филолога Андре Гусса посвящена бельгийскому французскому «Façons belges de parler» («Бельгийские манеры речи») (2011). Фредди Йорис – активист и глава «Institut du Patrimoine wallon» («Институт валлонского наследия») по договору с телеканалом «RTBF» с 2009 г. выпускает программы и книги «Ma Terre» («Моя Земля») об истории Валлонии. Эрве Аскен – историк, активист и политик, под его руководством вышли два тома энциклопедии «La Wallonie le pays et les hommes, consacrés à Histoire, économies, sociétés» («Валлония – регион и ее жители, посвятившие себя истории, экономике и обществу») (1976–1980). Также с 1980 г. он читает лекции по истории Валлонии и Валлонском движении в Брюссельском свободном университете. Языковой активист и при этом министр Франсуа Перен внес вклад в написание программы Валлонского движения в 1961 г. [12]. Альбер Маке перевёл рассказы Чехова и Гоголя, античных мыслителей и освоил жанр хайку, например, «100 Haïku è walon d' Lîdje» («100 хайку на Льежском валлонском») (2010) [7].

Бернар Луи пишет на французском и валлонском языках, за последние годы вышло 10 его книг, из недавних «Boles di savon» («Мыльные пузыри») (2022) и «La formule "Au revoir"» («Формула “До свидания”») (2021), в 2024 издана книга «Douzains en wallon central» («Поэмы на центрально-валлонском диалекте»). Билингвизм в литературе проявляет и Даниэль Барбэ, «El réalité aurmintée» («Улучшенная реальность») (2021) и вышедшая в прошлом году работа «El bonheur du jour» («Счастье дня»).

Помимо писателей и лингвистов, в регионе насчитывается немало культурных деятелей. Можно выделить современных сценаристов и художников бельгийских комиксов (bande dessinée) Франсуа Вальтери и Ролана Госенса, авторов комикса «Natacha» («Наташа»), состоящего из 23 выпусков (последний был издан в 2018 г.), Дениса Лапье, автора серии «Mauro Caldi», издаваемой с 1987 по 2014 гг., и Франсуа Вальтери, который является автором комикса «Pipo». К сожалению, ушли из жизни Мартен и Марлье Марсель, авторы серии комиксов «Martine» («Мартин»), включающей 60 альбомов (последний выпуск вышел в 2010 г.). В 2004 г.

серия известных бельгийских комиксов «Tin-tin» («Приключения Тинтина») была переведена на валлонский и издана под названием «L'émérôde d'al Castafiore» («Изумруд Кастафиоре») [12]. Кроме того, издаются и комиксы, например, «Astérix» («Астерикс») и «Li vî bleu» («Старая форма») – всего было продано более 40 тыс. экземпляров [28].

Также следует отметить произведения, написанные на валлонском, которые были переведены на французский, например, «A îre, Cheuyants côps d'ouy d'Apocalipe» («На краю, мрачные перспективы апокалипсиса») Эмиля Жильяра, «L'istwére d'a Pièrot Robète – L'histoire de Pierrot Lapin» («История Пьеро Лапена») Беатрис Поттер, написанная на различных диалектах валлонского. Мари-Франс Жиль и Паскаль Эрингер издали сборник валлонских песен, «Tchansons pou nos mouchons» («Песни о наших птицах»).

Музыка и кино. Среди выходцев из Валлонии много музыкантов, например, Жюло Бокарн, который поёт на валлонском и французском, также Альбер Дельшамбр, Жоди Дёво и Ги Кабэ, организовавший группу «Lemon Air» и исполняющий песни на валлонском (кроме того, Кабэ стал титулованным членом Общества валлонского языка и литературы). Певец Dunkerк исполнил песню «Erein Eta Joan – D'ji Sènme è Dji M'e Va» («Я сею и ухожу») на корсиканском и валлонском. Также он перевел на валлонский песню «J'aime les filles» Жака Дютронка и «I can Help» американского певца Билли Свона в 2003 г. [17].

Журналист Марко Ламенш – автор документальных фильмов, некоторые их эпизоды освещают жизнь окраин Валлонского региона, которые транслируются по телеканалу «France 3» с 1992 г. Роже Мунез, активист и автор документального фильма «W'Allons nous?» («Мы Валлоны?») (1986). Документальные фильмы на валлонском снял и Ксавье Истасс – «Namur Wisconsin» («Намур, Висконсин») (2009) и «La Bout de la Langue» («На кончике языка») с субтитрами на французском языке (2015). Венсан Патар и Стефан Обье – авторы мультфильмов о приключениях лошади и свиньи «Pic Pic André Shoow» (1998) [12].

Организации и ассоциации, занимающиеся поддержкой и защитой валлонского языка. Современные организации, занимающиеся защитой языка, – «Société Littéraire de Wallonie Malmédienne Royal Club Wallon» («Литературное общество «Королевский клуб» Валлонского языка Мальмеди») [29] и «Rêlîs Namurwès». Среди современных исследователей, занимающихся проблемой валлонского языка, стоит выделить Мишеля Франкара, Жан-Люка Фоконье, Жак Десме и других ученых. На официальном сайте Льежского университета была опубликована коллекция оцифрованных изданий «Atlas linguistique de la Wallonie» («Лингвистический атлас валлонского языка») (1953), где отмечаются диалектальные особенности провинций региона [30]. Также Ги Дельво оцифровал и издал коллекцию произведений различных авторов на диалектах Валлонского региона. Сегодня в Намюре расположен «Maison du dialecte et du folklore» («Дом валлонского языка и фольклора»), кроме того, в городе функционирует «Maison de la Poésie» («Дом Поэзии»), в котором регулярно проходят мероприятия. Как правило, ставятся пьесы, например, «Donjon et Pigeon» («Донжон и Голубь»), «Paulette à Pied» («Палетт идет пешком») и другие, при поддержке ряда валлонских коммерческих и некоммерческих организаций: «Namur Capitale», «Province de Namur», «Fédération Wallonie-Bruxelles», «Visit Wallonia.be», «Wallonie», «Loterie Nationale», «Bouké», «Tipik», «L'avenir» и «Hey!». Официальными партнерами ежегодного фестиваля «Namur is a Joke» являются «Namurinvest», «Ethias», «Legalstreet», «Sabam for

culture», «No Picture Please», «PlayRight», «Société des auteurs et compositeurs drama-tiques» (SACS). Также поддержка оказывается организациями «Namur Confluent Culture», «Jeuneuse Ville de Namur», «Les Grignoux», «Le Gin of Namur», «Circus Casino Resort Namur», «La biscuiterie Namuroise» и другими. В 2024 г. во второй раз пройдет конкурс «Tchèss'lèt Prix Emile Lempereur», его участники обязаны представить свои сочинения на одном из местных наречий Валлонии. На сайте онлайн-библиотеки «Revues.be» доступны произведения на французском языке и местных наречиях, в том числе валлонских. В коллекции библиотеки насчитывается 15 журналов по различным тематикам: «Alternatives théâtrales» («Театральные альтернативы»), «Cahiers internationaux de symbolisme» («Международные журналы по символизму»), «Cahiers wallons-Rêlis Namurwès», «Cinergie» («Синергия»), «Èl Bourdon», «Karoo», «Le Carnet et les Instants» («Книга и Мгновения»), «Li Rantoele», «micRomania», «Nouvelles de danse» («Новости танцев»), «Papier Machine» («Бумажная машина»), «Septentrion» («Север»), «Singuliers» («Уникальные»), «Traversées» («Преодоленные») и «Wallonnes» («Валлоны»). Последние публикации журнала «Wallonnes», посвященного валлонскому языку, вышли в конце 2023 г., например, в них были статьи о проблемах перевода поэзии с валлонского языка и его используемости в быту и литературе [31].

Кроме того, среди ныне действующих ассоциаций стоит выделить «ALWaC» [32] и «Cercle Wallon de Couillet» («Валлонский театальный кружок Кюйе») при «Société Royale Dramatique et Philanthropique» («Королевское драматическое и благотворительное сообщество»), основанном в 1903 г., где ставятся пьесы льежских, намюрских и пикардских авторов. Всего состоялось 22 телевизионных показа, например, детективная пьеса «On a tuwê l'èrmite» («Убийство отшельника») Пьера Маршана и Фернанда Мати. Этот кружок известен постановками «Mam'zèle» («Мадемуазель»), «L'âme di no race» («Безродная душа»), «Tin-tin» («Тин-тин»), «Martine» («Мартин»), «Les Soris» («Мыши») [33].

Некоммерческая организация «Èl Môjo dès Walons» была создана в 1997 г. рядом ассоциаций: «L'Association littéraire wallonne de Charleroi» (ALWaC), «Le Comité roman du comité belge du bureau européen pour les langues moins répandues» (CROMBEL) («Бельгийский комитет Европейского бюро по менее распространенным языкам»), «Le Centre d'étude du wallon occidental de la Région carolorégienne» (CEWORC) («Центр изучения западно-валлонского диалекта округа Шарлеруа»), «La Fédération culturelle wallonne et picarde du Hainaut» (FCWPH) («Валлонская и пикардская культурная организация Эно»), «Association des cercles de théâtre dialectal de Charleroi» (ACDC) («Объединение диалектальных театальных кружков Шарлеруа»), «Centre hainuyer d'animation et de documentation du wallon à l'école» (CHADWE) («Центр валлонской анимации и документации в школе Эно»), «Les Amis de la Madeleine» («Друзья Маделины»). На их портале собрана информация о песнях, печатных изданиях, в том числе комиксах, журналах, книгах, словарях, пьесах и детских играх на валлонском языке. По предоставленной ими информации, с начала XX в. насчитывается 2298 пьес, 174 изданных книги, 12 словарей валлонских диалектов за период с 2019 г., также составлена хронология журналов «micRomania», созданного в 1992 г., и «Èl Bourdon». Всего насчитывается 93 газетных издания за период с 1993 по 2021 г., за это время организации CEWORC и ACDC прекратили своё существование. Организация «Èl Môjo dès Walons» связана также с

«Centre d'évocation du folklore et des traditions populaires de la Ville de Charleroi» («Центр поддержки фольклора и народных традиций города Шарлеруа»), которые следят за сохранением традиций региона, например, они помогали ЮНЕСКО в проведении акций «Les marches de l'Entre-Sambre-et-Meuse, les Limodjes, et les Tchôdias» («Марши Л'Антр-Самбр-э-Мёз, Лиможа и Шодья»), тематического собрания в Шарлеруа, посвященного Наполеону Бонапарту, в 2015 г. и создании мультимедийного проекта «Voyage en Oïlie» («Поездка в Оили»). Важно отметить, что при поддержке «Èl Môjo dès Walons», «Fédération Wallonie-Bruxelles» и «Palais des Beaux Arts de Charleroi» («Дворец изящных искусств Шарлеруа») на время фестиваля «Fêtes de Wallonie à Charleroi» («Праздники Валлонии в Шарлеруа») организуется детский театр на местных наречиях (шампанское, пикардийское, валлонское, лоттарингское и гомское), последние выступления были в сентябре 2023 г. и сентябре 2024. В 2017 г. проводились собрания кружков региональных языков и кабаре. Совместно с обществом «Charleroi Langues» («Языки Шарлеруа») предлагаются вечерние курсы валлонского языка, ранее при участии Жан-Люка Фоконье. С сентября 2019 г. языковые курсы предлагаются и для пожилых людей. В 2021 г. при поддержке «Èl Môjo dès Walons» были изданы книги «El dûre voye» («Долгая дорога») Жоржа Фэя и «Louwis du Coron du Bu» («Луи из Корон дю Бю») Луиса Марсея [28]. На портале «Union Culturelle Wallonne» доступны записи и тексты песен на валлонском наречии [11]. На сайте «Rabulêts» можно найти собрание одноименных комиксов разных лет на валлонском языке, доступных для скачивания [34]. Также подобные комиксы, но для детей, можно найти в блоге «Schoovaerts» [35]. Каждый месяц Европейский фонд регионального развития издает журнал «Féder-Infos». Раз в три месяца выходит «micRomania». С 1937 г. регулярно издается журнал «Les Cahiers Wallons». Почти во всех провинциях организации, зачастую добровольческие, публикуют собственные журналы.

Как отмечается в резолюции по региональным языкам 2008 г., усилий языковых активистов и волонтеров недостаточно для поддержания жизнеспособности языка вследствие ограниченного использования валлонского в СМИ, снижения интереса учащихся, отсутствия поддержки в изучении языка в школе, угасания традиции передачи валлонского внутри семей. Кроме того, число носителей естественно уменьшается в силу их пожилого возраста. Положения Декрета французского сообщества Бельгии от 14 декабря 1990 г., направленного на защиту и продвижение региональных языков, совпадают с идеями Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств. Конгрессом отмечено, что использование письменных языков не направлено на вытеснение валлонского из употребления. Носители языка должны быть вправе выбирать на каком языке они хотят общаться – на валлонском или любом другом.

Заключение. В Бельгии действует множество общественных организаций и литературных объединений, направленных на сохранение и продвижение валлонского языка. Основной проблемой считается факультативный статус занятий родной речью в сфере образования, следствием чего является малое количество молодежи, владеющей валлонским языком. Большинство СМИ ведут свою деятельность на французском языке, валлонский используется лишь в некоторых передачах на региональных телеканалах и радиостанциях. Однако среди валлонских печатных изданий встречаются и те, что предпочитают писать на местном наречии.

В области литературы валлонский скорее претерпевает упадок, связанный с преобладанием французского в медиасфере и уменьшением числа носителей языка, несмотря на усилия активистов и поддержку со стороны государства. Тем не менее ежегодно проводятся фестивали и конкурсы, посвященные языку и литературе, издаются книги и ведутся занятия по валлонскому языку. Валлония – родина многих известных и талантливых мастеров художественного слова, создающих свои произведения не только для взрослых, но и для детей. По всей видимости, о дальнейшем расцвете валлонского языка и литературы следует говорить с известной умеренностью – современные произведения объективно отличаются некоторой искусственностью, язык, на котором они создаются, в большинстве случаев является собой весьма индивидуализированный вариант. Это связано с тем, что число носителей валлонского языка неуклонно сокращается и аудитория, способная дать отклик на литературные произведения, довольно скудна. Это не широкие читательские массы, а круг интеллектуалов, озабоченных сохранением исчезающего языка.

Тем не менее на современном валлонском языке, и даже на его диалектах, существует переводная литература. Это свидетельствует, на наш взгляд, о пока еще существенном потенциале валлонского языка как языка, способного определять наряду с другими языковыми вариантами национальную специфику Бельгии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Meurice E. S'initier au Wallon Liègeois par les Proverbes et les Expressions. Liège: Les Cahiers du C.R.I.W.E., 1994.
2. Francard M. Variation diatopique et norme endogène. Français et langues régionales en Belgique francophone // *Langue française*. 2010. No. 167/3. P. 113–126. DOI:10.2307/41559250.
3. Klinkenberg J.-M. Des langues romanes. Bruxelles: De Boeck & Larcier s.a., 1999.
4. Valkhoff M. Philologie et littérature Wallonnes. Groningen: J. B. Wolters' Uitgevers, 1938.
5. Hambye P., Francard M. Le français dans la Communauté Wallonie-Bruxelles. Une variété en voie d'autonomisation? // *J. of French Language Studies*. 2004. Vol. 14, no. 1, P. 41–59. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0959269504001401>.
6. Журавлева О. М., Ульяницкая Л. А. Языковая ситуация в современной Бельгии / под ред. А. А. Шумкова. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020.
7. Èl Môjo dès Walons, la Maison carolorégienne des traditions // *El-mojo.be*. URL: <https://www.el-mojo.be/index.php?page=motpresident> (дата обращения: 17.03.2024).
8. Haust J. La Dialectologie Wallonne // *Handelingen van de Koninklijke Commissie voor Toponymie en Dialectologie*. 1927. Vol. 1, iss. 1. P. 57–87. DOI: <https://doi.org/10.21825/hctd.87658>.
9. Ewert A. The French Language. London: Faber & Faber Limited, 1964.
10. Notélé, l'émission «No parlache» // *Notélé.be*. URL: <https://www.notele.be/it178-inlist267-no-parlache.html> (дата обращения: 18.03.2024).
11. Union Culturelle Wallonne. URL: <http://www.ucwallon.be/pagehtm/resolution.php> (дата обращения: 19.03.2024).
12. La Wallonie d'hier à aujourd'hui. URL: <http://connaitrelawallonie.wallonie.be/fr> (дата обращения: 19.03.2024).
13. Mailly É. Étude pour servir à l'histoire de la culture intellectuelle à Bruxelles par la réunion de la Belgique à la France. T. 40, Mémoires de l'Académie royale de Belgique, 1887.
14. Gilbert G. Foû dès Vîs Papîs. Bulletin Wallon. Liège: Fédération Culturelle Wallonne de la Province de Liège, 1994.

15. Лопашов С. А. Бельгийская литература // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 1. М.: Изд-во Ком. Акад., 1930. С. 429–438.
16. Quairiaux Y. L'image du Flamand en Wallonie, Essai d'analyse sociale et politique (1830–1914). Bruxelles: Labor, 2006.
17. Lyons M. Politics and Patois: the linguistic policy of the French Revolution // Australian J. of French Studies. 1981. Vol. 18, no. 1. P. 264–281. DOI: <https://doi.org/10.3828/AJFS.1981.22>.
18. Walloon literature // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/art/Walloon-literature> (дата обращения: 10.03.2024).
19. Moseley C., Nicolas A. Atlas of the World's Languages in Danger. Paris: UNESCO Publishing, 2010.
20. Compagnie royale. URL: <http://www.compagnieroyalemariusstaquet.be/index.php/presentation/notre-histoire> (дата обращения: 19.03.2024).
21. Langues régionales en Fédération Wallonie-Bruxelles. URL: <http://www.languesregionales.cfwb.be/> (дата обращения: 17.03.2024).
22. Belga News. Une proposition pour dynamiser l'apprentissage du wallon à l'école // RTBF. 13.05.2013. URL: <https://www.rtf.be/article/une-proposition-pour-dynamiser-l-apprentissage-du-wallon-a-l-ecole-7993622> (дата обращения: 20.03.2024).
23. Apprendre le wallon dans les écoles? // 7sur7. 18.05.2009. URL: <https://www.7sur7.be/belgique/apprendre-le-wallon-dans-les-ecoles-aeb8169a/> (дата обращения: 10.03.2024).
24. Centre de Recherche et d'Information du Wallon à l'Ecole. URL: <http://www.criwe.walonescole.be/> (дата обращения: 20.03.2024).
25. Instruction publique. Centre de Recherche et d'Information du Wallon à l'École // Liege. URL: <https://www.liege.be/fr/annuaire/instruction-publique/centre-de-recherche-et-dinformation-du-wallon-a-lecole-c-r-i-w-e> (дата обращения: 18.03.2024).
26. Ecole de Wallon. URL: <http://www.ecoledewallon.be/index.html> (дата обращения: 20.03.2024).
27. Choûtoz one miète // Matele. URL: <https://www.matele.be/choutoz-one-miete> (дата обращения: 19.03.2024).
28. Gerard N. La standardisation et l'enseignement des langues regionales romanes de wallonie a la lumiere de la vitalite de son institutionnalisation: thèse / Katholieke Univ. Leuven. Leuven, 2002.
29. Royal Club Wallon. URL: <http://www.rcw.be/> (дата обращения: 17.03.2024).
30. Atlas linguistique de la Wallonie. URL: <http://alw.philo.ulg.ac.be/> (дата обращения: 18.03.2024).
31. Revues littéraires et artistiques en langues française et endogènes. URL: <https://www.revues.be/wallonnes> (дата обращения: 21.03.2024).
32. Association littéraire Wallonne de Charleroi. URL: <http://alwaccharleroi.blogspot.com/> (дата обращения: 18.03.2024).
33. Cercle Wallon de Couillet. URL: <http://cerclewalloncouillet.be/wp/> (дата обращения: 19.03.2024).
34. Pitit prezintaedje del rivowe so fyis Rabulêts. URL: <http://chanae.walon.org/rabulets/> (дата обращения: 20.03.2024).
35. Rabulêts. URL: <http://schoovaerts.j.tripod.com/fauve.html> (дата обращения: 20.03.2024).

Информация об авторах.

Ульяницкая Любовь Александровна – кандидат филологических наук (2019), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая политика, социолингвистика, языковые контакты, языковая интерференция.

Перемот Кристина Витальевна – студентка бакалавриата (4-й курс) направления «Лингвистика» Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета

«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Сфера научных интересов: сравнительно-историческое языкознание, романские языки, мультилингвизм, языки, находящиеся под угрозой исчезновения.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 06.03.2025; принята после рецензирования 15.04.2025; опубликована онлайн 22.09.2025.

REFERENCES

1. Meurice, E. (1994), *S'initier au Wallon Liègeois par les Proverbes et les Expressions*, Les Cahiers du C.R.I.W.E., Liège, FRA.
2. Francard, M. (2010), "Variation diatopique et norme endogène. Français et langues régionales en Belgique francophone", *Langue française*, no. 167/3, pp.113–126. DOI:10.2307/41559250.
3. Klinkenberg, J.-M. (1999), *Des langues romanes*, De Boeck & Larcier s.a., Bruxelles, FRA.
4. Valkhoff, M. (1938), *Philologie et littérature Wallonnes*, J.B. Wolters' Uitgevers Maatschappij, Groningen, FRA.
5. Hambye, P. and Francard, M. (2004), "Le français dans la Communauté Wallonie-Bruxelles. Une variété en voie d'autonomisation?", *J. of French Language Studies*, vol. 14, no. 1, pp. 41–59. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0959269504001401>.
6. Zhuravleva, O.M. and Ul'yanitskaya, L.A. (2020), *Yazykovaya situatsiya v sovremennoi Bel'gii* [The linguistic situation in modern Belgium], in Shumkov, A.A. (ed.), ETU Publishing house, SPb., RUS.
7. "Èl Môjo dès Walons, la Maison carolorégienne des traditions", *El-mojo.be*, available at: <https://www.el-mojo.be/index.php?page=motpresident> (accessed 17.03.2024).
8. Haust, J. (1927), "La Dialectologie Wallonne", *Handelingen van de Koninklijke Commissie voor Toponymie en Dialectologie*, vol. 1, iss. 1, pp. 57–87. DOI: <https://doi.org/10.21825/hctd.87658>.
9. Ewert, A. (1964), *The French Language*, Faber & Faber Limited, London, UK.
10. Notélé, l'émission «No parlache», *Notélé.be*, available at: <https://www.notele.be/it178-inlist267-no-parlache.html> (accessed 18.03.2024).
11. *Union Culturelle Wallonne*, available at: <http://www.ucwallon.be/pagehtm/resolution.php> (accessed 19.03.2024).
12. *La Wallonie d'hier à aujourd'hui*, available at: <http://connaitrelawallonie.wallonie.be/fr> (accessed 19.03.2024).
13. Mailly, É. (1887), *Étude pour servir à l'histoire de la culture intellectuelle à Bruxelles par la réunion de la Belgique à la France*, t. 40, Mémoires de l'Académie royale de Belgique, FRA.
14. Gilbert, G. (1994), *Foû dès Vîs Papîs*, Liège, Fédération Culturelle Wallonne de la Province de Liège, Liège, FRA.
15. Lopashov, S.A. (1930), "Belgian literature", *Literaturnaya entsiklopediya* [Literary Encyclopedia], in 11 vols., vol. 1, Izd-vo Kom. Akad., Moscow, RUS, pp. 429–438.
16. Quairiaux, Y. (2006), *The Image of Flanders in Wallonia, Essay in Social and Political Analysis*, Labor, Bruxelles, BEL.
17. Lyons, M. (1981), "Politics and Patois: the linguistic policy of the French Revolution", *Australian J. of French Studies*, vol. 18, no. 1, pp. 264–281. DOI: <https://doi.org/10.3828/AJFS.1981.22>.
18. "Walloon literature", *Britannica*, available at: <https://www.britannica.com/art/Walloon-literature> (accessed 10.03.2024).
19. Moseley, C. and Nicolas, A. (2010), *Atlas of the World's Languages in Danger*, UNESCO Publishing, Paris, FRA.
20. *Compagnie royale*, available at: <http://www.compagnieroyalemariusstaquet.be/index.php/presentation/notre-histoire> (accessed 19.03.2024).
21. *Langues régionales en Fédération Wallonie-Bruxelles*, available at: <http://www.languesregionales.cfwb.be/> (accessed 17.03.2024).

22. Belga News (2013), "Une proposition pour dynamiser l'apprentissage du wallon à l'école", *RTBF*, 13.05.2013, available at: <https://www.rtb.be/article/une-proposition-pour-dynamiser-l-apprentissage-du-wallon-a-l-ecole-7993622> (accessed 20.03.2024).
23. "Apprendre le wallon dans les écoles?" (2009), *7sur7*, 18.05.2009, available at: <https://www.7sur7.be/belgique/apprendre-le-wallon-dans-les-ecoles~aeb8169a/> (accessed 10.03.2024).
24. *Centre de Recherche et d'Information du Wallon à l'Ecole*, available at: <http://www.criwe-walonescole.be/> (accessed 20.03.2024).
25. "Instruction publique. Centre de Recherche et d'Information du Wallon à l'École", *Liege*, available at: <https://www.liege.be/fr/annuaire/instruction-publique/centre-de-recherche-et-dinformation-du-wallon-a-lecole-c-r-i-w-e> (accessed 18.03.2024).
26. *Ecole de Wallon*, available at: <http://www.ecoledewallon.be/index.html> (accessed 20.03.2024).
27. "Choûtoz one miète", *Matele*, available at: <https://www.matele.be/choutoz-one-miete> (accessed 19.03.2024).
28. Gerard, N. (2002), "La standardisation et l'enseignement des langues regionales romanes de wallonie a la lumiere de la vitalite de son institutionnalisation", Thesis, Katholieke Univ. Leuven, Leuven, BEL, 2002.
29. *Royal Club Wallon*, available at: <http://www.rcw.be/> (accessed 17.03.2024).
30. *Atlas linguistique de la Wallonie*, available at: <http://alw.philo.ulg.ac.be/> (accessed 18.03.2024).
31. *Revue littéraire et artistiques en langues française et endogènes*, available at: <https://www.revues.be/wallonnes> (accessed 21.03.2024).
32. *Association littéraire Wallonne de Charleroi*, available at: <http://alwaccharleroi.blogspot.com/> (accessed 18.03.2024).
33. *Cercle Wallon de Couillet*, available at: <http://cerclewalloncouillet.be/wp/> (accessed 19.03.2024).
34. *Pitit prezintaedje del rivowe so fyis Rabulèts*, available at: <http://chanae.walon.org/rabulets/> (accessed 20.03.2024).
35. *Rabulèts*, available at: <http://schoovaerts.j.tripod.com/fauve.html> (accessed 20.03.2024).

Information about the authors.

Liubov A. Ulianitchkaia – Can. Sci. (Philology, 2019), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 50 scientific publications. Area of expertise: language policy, sociolinguistics, language contacts, language interference.

Kristina V. Peremot – Bachelor Student (4rd year, Linguistics), Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. Area of expertise: comparative linguistics, Romance languages, multilingualism, endangered languages.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 06.03.2025; adopted after review 15.04.2025; published online 22.09.2025.

Оригинальная статья

УДК 81`322.2

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-4-121-138>

Семиотический анализ текстов и интерпретация знаковых систем в цифровую эпоху: Sentiment-анализ с использованием платформы KNIME

**Екатерина Владимировна Исаева¹✉, Сергей Владимирович Семенов²,
Денис Львович Черных³, Алексей Викторович Гудовщиков⁴**

^{1, 2, 3, 4}Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹✉ekaterinaisae@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1048-7492>

²ssemenov2002@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-0610-5511>

³denis.1291.chernykh@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-0704-2364>

⁴revandarth375@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-4440-4303>

Введение. Целью статьи является изучение возможности интеграции семиотических подходов и методов машинного обучения для автоматизированного анализа тональности текстов (Sentiment-анализа). Sentiment-анализ текста является популярным направлением лингвистики на стыке с компьютерными науками и анализом данных. Новизна работы заключается в попытке интерпретации результатов машинного обучения с опорой на содержание текстов отзывов как знаковых систем, выявляя их лексические, синтаксические и прагматические характеристики.

Методология и источники. Исследование опирается как на фундаментальные основы семантики, синтактики и прагматики, так и на современные подходы к автоматизации обработки текстовой информации и применению математических методов для обоснования речевых явлений. Материалом исследования послужил свободно распространяемый набор данных отзывов на кинофильмы с платформы IMDB. В качестве инструмента автоматизации применяется система KNIME для анализа данных в парадигме «No-coding» (без кодирования). В статье представлен рабочий поток, включающий этапы предобработки данных, построения моделей классификации, а также оценки их эффективности, предложена лингвистическая интерпретация ошибок автоматической классификации отзывов.

Результаты и обсуждение. Результаты демонстрируют высокую точность классификации (до 92,0 %) и способность алгоритмов выявлять ключевые лексические и синтаксические маркеры, формирующие эмоциональную окраску текста. Исследование расширяет границы традиционной семиотики, интегрируя методы машинного обучения и анализа больших данных, а также подчеркивает практическую ценность использования KNIME в задачах обработки естественного языка.

Заключение. В статье дается детализированное описание алгоритма автоматизации Sentiment-анализа отзывов на кинофильмы с учетом преимуществ и потенциальных сложностей такого подхода для интерпретации текста. Перспективы дальнейших исследований включают применение предложенных методов к многоязычным корпусам и анализу мультимодальных данных, что открывает новые возможности для изучения знаковых систем в условиях цифровой коммуникации. Предложенная методика

© Исаева Е. В., Семенов С. В., Черных Д. Л., Гудовщиков А. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

может найти применение в коммерческой сфере для выявления настроений пользователей товаров, услуг, приложений, книг, фильмов и т.д., что повышает интерес к лингвистической науке, а именно к автоматическому анализу тональности или Sentiment-анализу.

Ключевые слова: семиотика, тональность, анализ настроений, интерпретация, знаковые системы, лексические маркеры, машинное обучение, KNIME

Для цитирования: Семиотический анализ текстов и интерпретация знаковых систем в цифровую эпоху: Sentiment-анализ с использованием платформы KNIME / Е. В. Исаева, С. В. Семенов, Д. Л. Черных, А. В. Гудовщиков // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 4. С. 121–138. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-121-138.

Original paper

Semiotic Analysis of Texts and Interpretation of Sign Systems in the Digital Era: Sentiment-analysis Using the KNIME Platform

**Ekaterina V. Isaeva¹✉, Sergey V. Semenov², Denis L. Chernykh³,
Aleksey V. Gudovshikov⁴**

^{1, 2, 3, 4}Perm State University, Perm, Russia

¹✉ekaterinaisae@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1048-7492>

²ssemenov2002@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-0610-5511>

³denis.1291.chernykh@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-0704-2364>

⁴revandarth375@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-4440-4303>

Introduction. The aim of the article is to study the feasibility of integrating semiotic approaches and machine learning methods for Sentiment-analysis. Sentiment-analysis is a popular area of linguistics at the interface with computer science and data analysis. The novelty of the paper lies in the attempt to interpret the results of machine learning based on the text of reviews as sign systems, revealing their lexical, syntactic, and pragmatic characteristics.

Methodology and sources. The research is based on the fundamental principles of semantics, syntactics, and pragmatics, as well as on modern approaches to the automation of textual information processing and the application of mathematical methods to substantiate speech phenomena. The research material is a freely distributed data set of film reviews from the IMDB platform. The KNIME system for data analysis in the 'No-coding' paradigm is used as an automation tool. The paper presents a workflow including the stages of data preprocessing, construction of classification models, and evaluation of their effectiveness, and proposes a linguistic interpretation of automatic review classification errors.

Results and discussion. The results demonstrate high classification accuracy (up to 92,0 %) and the ability of the algorithms to identify key lexical and syntactic markers that form the emotional colouring of the text. The study extends the boundaries of traditional semiotics by integrating methods of machine learning and big data analysis, and emphasises the practical value of using KNIME in natural language processing tasks.

Conclusion. This paper provides a detailed description of an algorithm for automating Sentiment analysis of film reviews, taking into account the advantages and potential challenges of this approach for text interpretation. Prospects for further research include applying the proposed methods to multilingual corpora and analysing multimodal data, which opens up new opportunities for studying sign systems in digital communication. The proposed methodology can be applied in the commercial sphere to identify the attitudes of

users to goods, services, applications, books, films, etc., which increases the interest in linguistic services, namely Sentiment analysis.

Keywords: semiotics, sentiment, sentiment analysis, interpretation, sign systems, lexical markers, machine learning, KNIME

For citation: Isaeva, E.V., Semenov, S.V., Chernykh, D.L. and Gudovshikov, A.V. (2025), "Semiotic Analysis of Texts and Interpretation of Sign Systems in the Digital Era: Sentiment-analysis Using the KNIME Platform", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 4, pp. 121–138. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-121-138 (Russia).

Введение. Современное общество, характеризующееся высокой интенсивностью интернет-коммуникаций, производит большие объемы текстовой информации. Каждый день миллионы пользователей выражают свои эмоции, мнения и оценки в цифровой среде – социальных сетях, каналах, форумах, блогах, платформах онлайн-обзоров. Эти тексты представляют собой сложные знаковые системы, отражающие социальные и культурные процессы. Для извлечения смысла и интерпретации эмоций, в них заложенных, одним из ключевых инструментов становится анализ тональности текста.

Этот метод исследования текста находит широкое применение в различных контекстах, например, для выявления экстремистских настроений с помощью лингвистического профилирования, что подчеркивает его значимость в обеспечении безопасности и профилактике деструктивного поведения [1]. Кроме того, алгоритмы машинного обучения позволяют эффективно анализировать большие текстовые данные, обеспечивая высокую скорость обработки и точность классификации эмоциональной окраски текстов [2].

С точки зрения семиотики, текст представляет собой знаковую структуру, где каждый элемент – от лексемы до синтаксической конструкции – участвует в создании общего смысла. Тональность текста, выражающая субъективное отношение автора к обсуждаемому объекту, формирует важный слой прагматической информации. Например, положительная или отрицательная эмоциональная окраска может влиять на восприятие продукта, бренда или общественного события.

Технологический прогресс, в частности в области обработки естественного языка (NLP), позволил автоматизировать процессы анализа текстов. Инструменты машинного обучения и платформы, такие как KNIME, предоставляют возможность эффективно обрабатывать большие массивы данных, выделяя ключевые признаки текста и определяя его эмоциональную окраску. Это особенно важно в условиях, когда объемы данных превышают возможности ручной обработки, а скорость принятия решений требует мгновенной интерпретации результатов, что обуславливает актуальность нашего исследования.

Тем не менее, не смотря на неоспоримые преимущества автоматизации в анализе эмоциональной окраски текстов, пользователи таких систем сталкиваются с рядом сложностей, вызванных спецификой анализируемых текстов и ограничениями применяемых методов. Основные вызовы включают трудности лингвистической интерпретации результатов автоматического анализа, адаптацию к особенностям различных языков и предметных областей, а также сложность обработки специфических текстовых форматов, таких как посты в социальных сетях.

Современные подходы стремятся преодолеть эти вызовы. Например, В. Себестьен и другие предложили многослойную нейросетевую модель для анализа документов, которая позволяет кластеризовать темы и оценивать их значимость, а также повышать точность ин-

терпретации. Такие методы, в частности их реализация в инструментах, подобных KNIME, предлагают перспективные решения благодаря интеграции визуализации, кластеризации и машинного обучения [3].

Таким образом, автоматический анализ тональности (будем называть его Sentiment-анализом, термином, включающим в себя признаки автоматизации и лингвистического анализа тональности), несмотря на значительные достижения, остаётся областью активных исследований. Он требует дальнейшей адаптации методов к специфике текстов, улучшения алгоритмов обработки контекста и разработки гибких моделей, способных учитывать культурные, языковые и жанровые особенности анализируемых данных.

Сложности интерпретации эмоциональной окраски текстов через автоматизированные методы, рассмотренные ранее, подчеркивают необходимость интеграции лингвистических, семиотических и вычислительных подходов для повышения точности и глубины анализа. Традиционные методы обработки текстов, основанные исключительно на машинном обучении, часто страдают от ограниченности контекстной интерпретации, что делает интеграцию междисциплинарных знаний особенно актуальной.

Лингвистический компонент играет ключевую роль в создании более интеллектуальных моделей анализа настроений. М. Табоада подчеркивает, что лексические, контекстуальные и структурные аспекты текста, такие как синтаксические конструкции и прагматические маркеры, являются важными элементами интерпретации настроений. Без учета этих факторов алгоритмы машинного обучения рискуют неверно классифицировать сложные высказывания, особенно содержащие сарказм, иронию или неоднозначные выражения [4].

В исследованиях Ф. Бенамара и других предложен подход, включающий динамическое использование контекстуальной информации для анализа настроений. Это особенно важно для анализа больших текстов, где эмоциональная окраска может меняться в зависимости от развития сюжета или дискурсивных целей автора. Такой интегративный подход позволяет моделям учитывать переходы между полярностями и субъективностью текста [5].

Современные исследования также акцентируют внимание на важности учета когнитивных и психологических процессов при анализе текста. В статье Р. Бэйли и других авторов предложен мета-фреймворк, объединяющий методы компьютерной лингвистики и машинного обучения с моделированием процессов человеческого чтения. Этот подход не только автоматизирует обработку текстов на поверхностном уровне (например, идентификация словесных паттернов), но и обеспечивает анализ на глубинном уровне, включая семантические и дискурсивные связи [6].

Интеграция лингвистических знаний также помогает решать проблемы, связанные с нехваткой маркированных данных. В своей диссертации на соискание степени доктора философских наук Б. Лу предлагает использовать методы полуконтролируемого обучения, которые комбинируют немаркированные данные и лингвистическую информацию для улучшения моделей. Это позволяет анализировать такие аспекты, как субъективность текста, полярность и идентификация носителя или цели мнения, что особенно полезно для языков с ограниченными размеченными данными [7].

Семиотический подход в данной области может стать основой для интерпретации текстов как знаковых систем, где каждое слово, синтаксическая конструкция или даже стили-

стический выбор автора имеют значение в определенном культурном и социальном контексте. Этот подход, дополненный лингвистическими знаниями, создает условия для более точного анализа текстов, которые интерпретируются не только с точки зрения их лексического наполнения, но и как части сложной знаковой структуры.

Таким образом, интеграция лингвистических, семиотических и компьютерных подходов позволяет не только преодолевать существующие ограничения автоматизированного анализа, но и создает возможности для расширения области применения Sentiment-анализа. Этот синтез знаний особенно актуален для текстов, насыщенных эмоциональной информацией, где междисциплинарность становится ключом к точной и контекстно обоснованной интерпретации.

Из представленного нами описания актуальности и проблем, связанных с Sentiment-анализом, вытекает и цель представляемого исследования – изучение потенциала аналитической платформы KNIME для автоматизированного анализа настроений текста с точки зрения семиотики. Это предполагает изучение возможностей платформы не только для обработки текстов и классификации их эмоциональной окраски, но и для интерпретации текстов как сложных знаковых систем.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач, включающих следующие аспекты:

1) демонстрация алгоритмов и их реализации в контексте анализа знаков и их интерпретации. Наше исследование направлено на описание алгоритмического подхода к анализу настроений, реализуемого с помощью инструментов KNIME. Особое внимание уделяется тому, как платформа позволяет интерпретировать текстовые данные, подчеркивая связь между элементами текста и их эмоциональной семантикой;

2) оценка возможностей платформы для обработки больших текстовых массивов. Анализируется эффективность KNIME для работы с крупными наборами данных, включая такие аспекты, как скорость обработки, точность классификации и возможности визуализации. Это включает проверку алгоритмов на корпусе данных, например, отобранных отзывов с платформы IMDB для выявления сильных и слабых сторон платформы в контексте анализа текстов как знаковых систем.

Исследование основывается на междисциплинарном подходе, объединяющем семиотику, лингвистику и цифровые методы анализа данных, что позволяет рассматривать Sentiment-анализ как инструмент для глубокой интерпретации текстов в цифровую эпоху.

1. Теоретические основы семиотического Sentiment-анализа

1.1. Семиотическая природа текстов и Sentiment-анализа

Тексты, как и знаковые системы могут быть рассмотрены через призму семантики, синтактики и прагматики – подход, впервые введенный Ч. Моррисом, составляющий основу семиотики [8] и позволяющий установить семиотическую природу текстов. Так, семантика исследует связь между знаками и их значениями или референтами, синтактика изучает формальные отношения между знаками, а прагматика фокусируется на том, как знаки используются и интерпретируются людьми [9; 10]. Как отмечает О. А. Гриневич, эти три аспекта применимы к различным типам знаковых систем, в том числе естественные языки, научные тексты, литературные произведения и др. Например, в художественных текстах семантика отражает парадигматический уровень значений, синтактика – синтагматические связи, а прагматика – коммуникативные аспекты [11].

Анализ тональности текста как один из методов его автоматизированного изучения также может быть рассмотрен в перспективе этих трех измерений. С точки зрения семантики, Sentiment-анализ направлен на изучение субъективного содержания текста. В данном контексте в задачи исследователя входит извлечение значений, связанных с положительной, отрицательной или нейтральной эмоциональной окраской [12]. Для выявления сложных паттернов эмоций, таких как сарказм, потребуется изучение специальных словарей и глоссариев настроений, контекстуальный и дефиниционный анализ и исследование полисемии [13].

Синтаксический уровень позволяет выявить структурные отношения в тексте, такие как порядок слов и грамматические зависимости. Применение таких инструментов, как POS-тегирование (разметка частей речи), лемматизация (приведение к начальной форме) и автоматический синтаксический анализ позволяют выявить содержательные элементы текста, особенно в коротких и неформальных сообщениях, характерных для социальных сетей [14]. Например, автоматический синтаксический (парсинг) помогает выявить сложные связи между словами, что особенно важно при анализе контента, богатого идиомами или жаргонизмами.

Анализируя тональность текста с позиции прагматики, мы определяем его коммуникативную цель и углубляемся в социальный контекст сообщения, определяем намерения автора и интерпретируем неконвенциональные знаки, такие как эмодзи и другие символы, которые играют важную роль в передаче эмоций [15]. Следует также отметить важность учета таких прагматических особенностей, как сарказм, метафорический перенос или культурные различия в интерпретации знаков.

Таким образом, подход к текстам как к сложным многомерным знаковым системам, требующим учета их семантических, синтаксических и прагматических особенностей, позволяет проводить качественный Sentiment-анализ и добиваться высокой точности категоризации и интерпретации текстов по тональности в различных текстовых жанрах и доменах в их социальной и когнитивной динамике.

Анализ тональности находит свое применение в различных сферах: электронные рынки, бизнес-аналитика, исследование и обеспечение безопасности социальных сетей – везде, где существует взаимодействие участников коммуникации. Например, с помощью Sentiment-анализа можно выявить различия в восприятии текстовой информации разными целевыми аудиториями, что позволяет определить, как различные эмоциональные паттерны влияют на принятие решений [16]. Этот метод позволяет интерпретировать не только содержание текста, но и знаковые элементы, выражающие субъективность участников дискурса.

В бизнес-аналитике Sentiment-анализ используется в связке с инструментами сбора и репрезентации мнений, что делает его эффективным средством обработки больших массивов отзывов и комментариев [17]. Он помогает интерпретировать эмоциональные аспекты текстов, определять тематические направления и тенденции, что особенно важно для понимания поведения потребителей и оценки товаров.

Таким образом, мы рассмотрели Sentiment-анализ как процесс интерпретации текстовых знаков, выражающих субъективность и эмоциональность через определение семантических связей, особенностей построения текста и соотносённость с контекстом и целью сообщения, что делает анализ тональности неотъемлемой частью современной теоретической и прикладной семиотики.

1.2. Платформа KNIME как инструмент семиотического анализа

Аналитическая платформа KNIME с открытым программным кодом позволяет «по кирпичикам» создавать и запускать рабочие процессы обработки данных [18], решать широкий спектр задач, включая анализ текстовых и графических данных. Это делает KNIME универсальным инструментом современного исследователя [19].

Для нас как аналитиков текстов особое значение имеет расширение KNIME «Text Processing Extension», которое предоставляет инструменты выполнения сложных задач в области обработки естественного языка и интеллектуального анализа текста. Это расширение необходимо для извлечения ключевой информации из текстов, построения списков частотности слов, анализа контекстов и выделения тем [20].

Большим преимуществом платформы является ее формат «No-coding» (без кодирования), содержащих библиотеки готовых и шаблонных решений и поддержку форума, что делает ее доступной для междисциплинарных исследователей, не владеющих навыками программирования и анализа данных. При этом KNIME не теряет своей привлекательности для профессионалов в области информационных технологий, которые могут добавлять собственные расширения, а ее кроссплатформенность обеспечивает стабильную работу в различных операционных системах [20].

При реализации семиотического анализа могут быть использованы инструменты автоматизированной текстовой аналитики, позволяющие не только быстро обрабатывать большие объемы данных, но и качественно их интерпретировать.

Одним из примеров использования KNIME для понимания и интерпретации данных является разработка онтологий представления оборудования и ключевых показателей эффективности (KPI) в компании Siemens. Платформа KNIME в этом случае использовалась для обработки и визуализации данных, что демонстрирует её пригодность для интерпретации сложных знаковых структур [21].

Семиотический подход к проектированию и управлению знаниями также может быть реализован на платформе KNIME. В частности, платформа используется для тематического моделирования на основе знаний. В качестве примера приведем наши более ранние работы по тематическому моделированию в области компьютерной безопасности. Мы продемонстрировали способность платформы к суммаризации больших объемов текста, кластеризации и тематическому моделированию для определения жанровой специфики текстов [22]. В другой работе был показан рабочий поток изучения новостных сообщений (RSS) на сайте Лаборатории Касперского с целью тематического моделирования новостных потоков. Однако, к нашему удивлению, в процессе эксперимента с помощью семантического анализа были выявлены признаки инфодемии [23].

В подобных исследованиях важна одновременная работа лингвистов и экспертов предметной области, направленная на порождение совместных знаний, повышение интерпретируемости результатов исследования и интеграции данных в кросс-доменных системах [24].

Методология и источники. Методы автоматизированного семиотического исследования. Рассмотрим наш эксперимент по реализации семиотического Sentiment-анализа на платформе KNIME.

2. Данные для семиотического Sentiment-анализа

В нашем эксперименте для анализа тональности используются текстовые данные из набора Large Movie Review Dataset v1.0, включающего 50 000 рецензий на фильмы на английском языке. Текстовый материал размечен тегами настроения двух типов: положительные и отрицательные. Этот набор получен из открытой базы датасетов, размещенных на платформе Keggel, и является эталонной выборкой для изучения методов обработки естественного языка (NLP) и Sentiment-анализа и дает хорошие результаты при разработке моделей классификации и регрессии. В нашем случае под классификацией понимается распределение текстов отзывов на положительные и отрицательные, а под регрессией – предсказание пользовательской оценки.

В нашем эксперименте была использована только часть описанного ранее набора данных, а именно 2000 текстовых документов с нормальным распределением: 1000 положительных и 1000 отрицательных отзывов. Каждая строка данных (будем называть это, как принято в цифровой лингвистике, вхождение) включает следующие параметры: сам текст отзыва, тег тональности (положительная или отрицательная) и ссылка на фильм на платформе IMDb.

Для реализации семиотического Sentiment-анализа мы сфокусировались на лексике, грамматических структурах и контекстах. Полный цикл NLP, в том числе обработка текстов отзывов о кинофильмах и визуализация результатов классификации, выполняется с помощью платформы KNIME. Отобранная нами подвыборка из 2000 вхождений загружается в рабочий поток KNIME с использованием узла Reader CSV, который считывает текстовые документы и метки тональности. Далее данные проходят предобработку, извлекаются семиотические признаки из полей «тексты отзывов» и «теги настроений». Эти этапы предобработки позволяют подготовить данные к дальнейшему анализу и классификации.

Данные IMDb хорошо подходят для Sentiment-анализа, так как рецензии представляют собой примеры текстов, где знаки активно используются для выражения субъективных оценок. Это позволяет рассматривать Sentiment-анализ как интерпретацию знаков, выражающих субъективные смыслы в цифровом пространстве. Эти элементы текста играют ключевую роль в интерпретации знаков и требуют анализа их значения в контексте.

Примеры из нашего датасета демонстрируют, как один и тот же знак может выражать различные эмоции в зависимости от окружающего контекста:

– *Unbelievable* (Невероятно):

Положительный отзыв: “*Her performance was unbelievable, such a joy to watch*” (Ее игра была невероятной, такое удовольствие смотреть).

Отрицательный отзыв: “*The level of incompetence in this movie is unbelievable*” (Уровень некомпетентности в этом фильме просто невероятен).

– *Fantastic* (Фантастический):

Положительный отзыв: “*The visuals in this film were absolutely fantastic, a real masterpiece*” (Визуальный ряд в этом фильме был просто фантастическим, настоящий шедевр).

Отрицательный отзыв с элементами сарказма: “*The script was fantastic... if you enjoy cliches and poor dialogue*” (Сценарий был фантастическим... если вам нравятся клише и плохие диалоги).

– *Dark* (Темный):

Положительный отзыв: “*The dark tone of the movie added depth and made it more intriguing*” (Мрачный тон фильма добавил глубины и сделал его более захватывающим).

Отрицательный отзыв: “*The picture was so dark in some scenes that it was hard to understand what was happening*” (Картинка была настолько темной в некоторых сценах, что было трудно понять, что происходит).

– *Classic* (Классический):

Положительный отзыв с выражением восхищения: “*This movie is a classic example of brilliant storytelling*” (Этот фильм – классический пример великолепного повествования).

Отрицательный отзыв с выражением критики: “*Another classic example of how not to make a movie*” (Очередной классический пример того, как не надо снимать фильмы).

Эти примеры иллюстрируют часто встречающиеся ситуации в работе с отзывами, в которых одни и те же слова могут иметь диаметрально противоположные значения в разных контекстах. В связи с этим для точной интерпретации таких знаков необходимо учитывать их окружение, грамматические особенности и жанровые характеристики.

3. Описание рабочего потока KNIME для Sentiment-анализа

Для реализации нашего эксперимента по семиотическому Sentiment-анализу мы используем рабочий поток «03_Sentiment_Classification rev 1» (рис. 1), доступный для скачивания в библиотеке открытых проектов на платформе KNIME [25]. Рассмотрим основные этапы рабочего потока для обеспечения воспроизводимости эксперимента другими лингвистами.

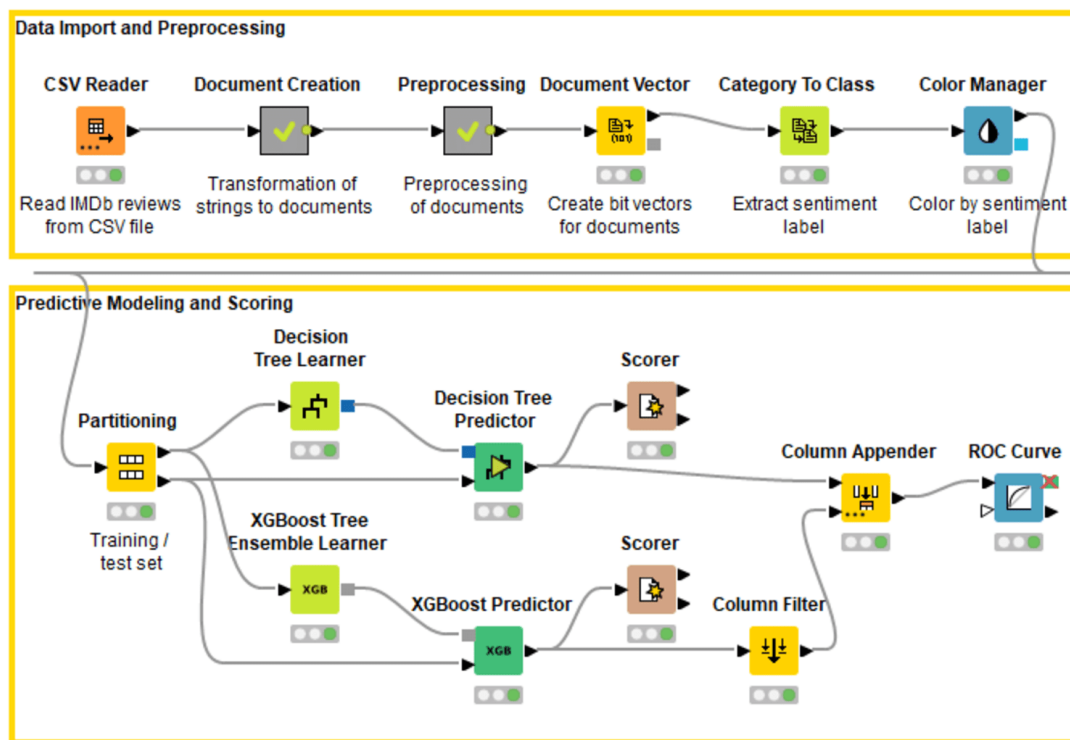

Рис. 1. Схема рабочего потока классификации текстов отзывов по тональности на платформе KNIME
Fig. 1. Workflow of classifying review texts by sentiment on the KNIME platform

На первом этапе текстовые данные, представленные в формате CSV, считываются с помощью узла CSV Reader и преобразовываются в текстовые документы, пригодные для семиотического анализа с помощью метаузла узла «Document Creation». Этот узел преобразует текстовые строки – отзывы IMDb – в специализированный формат, поддерживаемый KNIME, для дальнейшей обработки.

Таким образом, текст становится объектом семиотического анализа, где каждое слово, фраза или символ рассматривается как знак, обладающий семантическими, синтаксическими и прагматическими свойствами. Тексты приобретают матричную структуру, удобную для Sentiment-анализа.

Следующий метаузел «Preprocessing» отвечает за предобработку данных, направленную на устранение шумов, нормализацию текста и выделение значимых признаков. Этот метаузел включает в себя узлы (рис. 2):

- Punctuation Erasure (удаление пунктуации);
- Number Filter (удаление чисел);
- N Chars Filter (удаление коротких слов, длина которых меньше заданного числа n символов);
- Stop Word Filter (удаление стоп-слов, таких как предлоги, артикли, союзы, и другие высокочастотные слова);
- Case Converter (приведение всего текста к нижнему регистру);
- Snowball Stemmer (преобразование всех слов к их начальной форме).

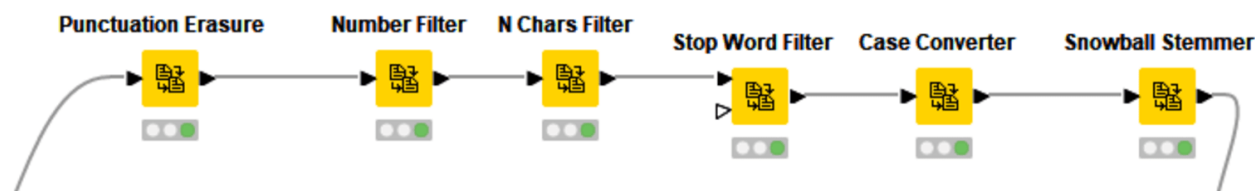

Рис. 2. Схема этапов предварительной обработки на платформе KNIME
Fig. 2. Stages of preprocessing on the Knime platform

Эти шаги предобработки позволяют сфокусироваться только на наиболее значимых смысловых элементах текста.

После этапа очистки следует узел «Document Vector», который преобразует текст в числовой формат – векторы (bag-of-words и TF-IDF), которые позволяют выделить ключевые знаки на основе частоты их появления и значимости в корпусе текстов.

Векторизация подразумевает составление своеобразного словаря всех слов корпуса текстов и последующее представление документов в виде нулей и единиц, которые обозначают наличие/отсутствие или степень значимости слова в документе (рис. 3).

► 1: Documents output table ▣ 2: Model output ▢ 3: How Variables

Rows: 2000 | Columns: 1500

#	RowID	Document Text document	love Number (dou...)	hook Number (dou...)	time Number (dou...)	wish Number (dou...)	act Number (dou...)	touch Number (dou...)	realit Number (dou...)	think Number (dou...)	spend Number (dou...)	rest Number (dou...)	life Number (dou...)	event Number (dou...)	meet Numbe
1	Row0	"	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
2	Row1	"	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
3	Row2	"	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0
4	Row3	"	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0
5	Row4	"	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Рис. 3. Векторное представление данных на платформе KNIME
Fig. 3. Vector representation of data on the Knime platform

Таким образом, пройдя этапы предобработки, мы подготовили тексты для семиотического Sentiment-анализа. Подготовленные данные становятся удобным материалом для дальнейшей интерпретации и автоматизированного анализ тональности.

4. Построение моделей машинного обучения

В представленном рабочем потоке KNIME для категоризации отзывов по их эмоциональной окрашенности используются алгоритмы: Decision Trees и XGBoost.

Рассмотрим первый алгоритм классификации – Decision Trees. В представленном рабочем потоке узел Decision Tree Learner формирует древовидную структуру, где каждый узел (в терминах машинного обучения – лист), представляет собой одно из решений, связанных с характеристиками текста (например, наличие значимых для анализа слов или выражений). Затем на вход узлу Decision Tree Predictor подается подготовленная выборка и созданная модель, а на выходе мы получаем классифицированные на положительные и отрицательные наборы текстов.

Для сравнения используется еще один алгоритм – XGBoost, реализуемый с помощью узлов XGBoost Tree Ensemble Learner и XGBoost Predictor. Аналогично предыдущему алгоритму в потоке используются узел, ответственный за построение модели машинного обучения (XGBoost Tree Ensemble Learner), и узел, предсказывающий эмоциональную окраску отзыва (XGBoost Predictor). Этот алгоритм особенно эффективен для работы с большими текстовыми данными.

Оценивание точности обеих моделей выполняется с помощью узла Scorer по метрикам качества: точность (accuracy) и область под кривой ROC (Receiver Operating Characteristic, график для визуальной оценки качества бинарной классификации). Результаты обеих моделей сравниваются для выбора наиболее эффективного подхода.

Визуализация результатов классификации выполняет не только задачу распределения текстов на положительные и отрицательные, но и способствуют интерпретации знаков исследуемых текстов. Алгоритм Decision Trees позволяет интерпретировать текст, опираясь на таксономии ключевых слов и фраз, которые оказываются наиболее значимыми при классификации. Алгоритм XGBoost является менее интерпретируемым, но он демонстрирует высокую точность, позволяя учитывать сложные взаимосвязи между знаками, включая их сочетания и контекстуальность. Это обосновывает удачность сочетания выбранных алгоритмов для достижения баланса точности и интерпретируемости результатов Sentiment-анализа.

Результаты и обсуждение. Эффективность KNIME для Sentiment-анализа. Результаты классификации показывают, что оба алгоритма демонстрируют высокий уровень точности:

- алгоритм Decision Trees достиг точности в 91,3 %, что подтверждает способность модели выделять ключевые знаки и их значения для предсказания тональности;
- XGBoost Tree Ensemble обеспечил ещё более высокую точность – 92,0 %, благодаря использованию ансамблевого подхода, который учитывает сложные взаимосвязи между знаками.

Таким образом, использование платформы KNIME совместно с современными алгоритмами классификации обеспечивает точный анализ тональности текста.

Использованный в настоящем эксперименте рабочий поток на платформе KNIME позволил не только классифицировать тексты, но и продемонстрировать примеры успешной интерпретации знаков в тексте. Например, в положительных отзывах алгоритмы выявили

знаки *wonderful* (прекрасный) и *fantastic* (фантастичный), которые чаще всего встречались в контексте восхищения фильмами. В отрицательных отзывах ключевыми знаками оказались слова *boring* (скучный) и *disappointing* (разочаровывающий), которые отражают негативное отношение зрителей.

Взаимосвязь между знаковыми системами и эмоциональной окраской. Определение эмоциональной окрашенности текстов опирается на изучение сочетаний лексических и синтаксических маркеров, выражающих эмоции. Сфокусируемся прежде всего на лексических маркерах эмоций – отдельных словах и устойчивых выражениях, через которые автор отзыва чаще всего выражает свое субъективное отношение к объекту отзыва. Например, в положительно окрашенных отзывах часто встречаются слова *wonderful* (замечательный), *amazing* (удивительный), *fantastic* (фантастический), которые являются носителями семы восхищения или одобрения. Отрицательная тональность текста может быть выражена словами *disappointing* (разочаровывающий), *boring* (скучный) и *horrible* (ужасный), которые несут в себе сему неудовлетворенности или разочаровании. Некоторые слова, например, *unbelievable* (невероятный) и *fantastic* (фантастический), являются полисемичными, если рассматривать их как носителей тональности, т. е. в зависимости от контекста, они могут выражать как положительные, так и отрицательные эмоции.

Особенно ценна для лингвиста сводная таблица неверно классифицированных отзывов, которая дает материал для лингвистической интерпретации ошибок автоматического Sentiment-анализа (рис. 4).

Rows: 52 | Columns: 6

☒	#	RowID	Ind... Num...	URL String	Text String	Document class String	Prediction (Docu... String	prediction Number (integer)
☐	1	Row...	1574	http://www...	Although the beginning of the movie in New ...	NEG	POS	0
☒	2	Row...	1212	http://www...	Care Bears Movie 2: A New Generation isn't a...	POS	NEG	0
☐	3	Row...	3933	http://www...	The problem with portraying a real life individ...	NEG	POS	0
☐	4	Row...	530	http://www...	The great talents of Michael Powell and Eme...	NEG	POS	0
☐	5	Row...	10400	http://www...	Probably the finest fantasy film ever made. S...	POS	NEG	0

Рис. 4. Отчет об ошибках классификации
Fig. 4. Classification error report

Например, в выделенной нами строке 2 приводится положительный отзыв о фильме «Care Bears Movie 2: A New Generation», который автоматически был маркирован как отрицательный. Полагаем, что для алгоритма, в большей мере сфокусированном на семиотических признаках, проблемными оказались выражения отзыва, содержащие отрицания: *isn't at all a bad movie* (совсем неплохой фильм), *nothing wrong* (ничего плохого), *a real tearjerker* (настоящая слезовыжималка) и сложные синтаксические конструкции, как *Yes I admit the dialogue is corny and the story is a bit poorly told at times. But Darkheart, while very very dark is a convincing enough shape shifting villain, and Hadley Kay did a superb job voicing him.* (Да, я признаю, что диалоги банальны, а история временами плоховата. Но Темное Сердце, хотя очень мрачный, но достаточно убедительный злодей, меняющий форму, и Хэдли Кей отлично справилась с его озвучиванием) требуют глубокого анализа и интерпретации. С такими конструкциями, по нашему мнению, лучше справились бы нейросетевые модели, позволяющие реализовывать глубокое машинное обучение, учитывать контекст и на его основе извлекать смыслы.

В нашем исследовании не были рассмотрены синтаксические маркеры, так как они требуют особой предобработки и векторизации текста и не могут быть интегрированы в описанный нами рабочий процесс. Однако отметим это как перспективу наших дальнейших изысканий по вопросу Sentiment-анализа, так как синтаксические маркеры также играют немаловажную роль в передаче эмоций. Например, дополнительно может быть исследована инверсия и порядок слов в предложении. Такие выражения, как “*What an incredible experience this was!*” (Что за невероятный опыт это был!), помогают усилить эмоциональный эффект, а экспрессивные конструкции с повторами, словами-усилителями и дублирующимися восклицательными знаками, например, “*This movie is absolutely amazing!!!*” (Этот фильм просто потрясающий!!!), делают эмоциональную окраску отзыва более яркой. Отрицательные конструкции, такие как “*This was not what I expected at all*” (Это было совсем не то, что я ожидал), часто используются для передачи сарказма, усиливая отрицательную окрашенность отзыва.

Представленное исследование демонстрирует важность применения в семиотическом анализе методов машинного обучения, таких как реализуемые на платформе KNIME. Использование платформы позволило не только автоматизировать обработку больших текстовых массивов, но и применить семиотические принципы к интерпретации текстов как знаковых систем. Инструменты KNIME, позволяющие реализовать предобработку текста, векторизацию и классификацию, помогают выявлять ключевые знаки, отражающие эмоциональную окраску, и устанавливать их взаимосвязь с синтаксическими и семантическими элементами.

Кроме того, представленный эксперимент расширяет границы традиционного семиотического исследования, которое, как правило, сосредоточено на качественных методах анализа. Интеграция количественных подходов, таких как алгоритмы классификации, регрессии и кластеризации, позволяет изучать знаки в больших данных, открывая новые перспективы для семиотических исследований. Это сочетание новых технологий и классической теории подчеркивает роль современных платформ в развитии семиотики как научной дисциплины.

KNIME обладает рядом преимуществ по сравнению с другими платформами анализа данных и машинного обучения. Одной из ключевых особенностей является её доступность для пользователей с разным уровнем технической подготовки благодаря визуальному интерфейсу. Это позволяет исследователям, не обладающим глубокими навыками программирования, строить сложные рабочие процессы. Кроме того, интеграция с дополнительными модулями и библиотеками, такими как Text Processing, делает KNIME универсальным инструментом для анализа текстов как знаковых систем.

Тем не менее по сравнению с непосредственным написанием программ для реализации Sentiment-анализа, например, на языке программирования Python (с использованием библиотек NLTK, SpaCy, Hugging Face и др.), KNIME менее гибок в работе с продвинутыми моделями глубокого машинного обучения, которые могут учитывать синтаксические признаки, в частности, инверсию или порядок слов. Например, использование нейронных сетей трансформерного типа, таких как BERT или рекуррентные сети, позволяет более эффективно анализировать сложные семиотические структуры, включая контекстуальные и прагматические аспекты. Эти инструменты также позволяют использовать трансформеры для мультимодального анализа, включающего как текст, так и изображения, что делает их предпочтительными для задач, выходящих за рамки текстовой аналитики. В этом отношении

KNIME уступает платформам, где возможно непосредственное программирование и глубокая настройка моделей.

Результаты исследования показывают потенциал использования KNIME для дальнейших работ в области семиотики. Один из возможных векторов развития – применение платформы к многоязычным корпусам. Это позволит исследовать особенности знаковых систем в разных языках, выявлять универсальные маркеры эмоций и сравнивать их использование в различных культурных контекстах.

Еще одним направлением является анализ других знаковых систем, таких как визуальные или мультимодальные данные. Например, расширение возможностей KNIME для обработки изображений или видео (с использованием модулей для работы с мультимедиа) может открыть перспективы для анализа визуальных знаков и их сочетания с текстовыми элементами. Это особенно важно в условиях, когда мультимодальные знаковые системы играют ключевую роль в цифровой коммуникации.

Таким образом, исследование не только подтверждает эффективность KNIME для анализа текстовых знаков, но и подчеркивает перспективы интеграции платформы в более сложные семиотические задачи. Практические результаты могут быть использованы для оптимизации анализа клиентских отзывов в бизнесе, а также для разработки образовательных инструментов, обучающих навыкам интерпретации текста через знаковые системы.

Заключение. В данном исследовании продемонстрирована значимость интеграции платформы KNIME для анализа тональности текста в семиотическом аспекте. Основные результаты включают разворачивание рабочего процесса, сочетающего этапы предобработки данных, построение моделей классификации и оценку их эффективности. Использование KNIME позволило рассматривать тексты как сложные знаковые системы, в которых лексические, синтаксические и прагматические элементы формируют эмоциональную окраску.

Исследование вносит вклад в развитие методов анализа текста и семиотики, предложив новые подходы к интерпретации знаков. Практическая ценность заключается в том, что платформа KNIME показала себя как эффективный инструмент для обработки больших массивов данных и их дальнейшей интерпретации, включая выявление эмоциональной полисемии.

Для дальнейших исследований данного вопроса возможно рассмотреть перспективы расширения анализа на многоязычные корпуса, чтобы изучить особенности интерпретации знаков в различных культурных и языковых контекстах; использование платформы KNIME для анализа мультимодальных данных, таких как изображения или видео, для изучения визуальных знаков в сочетании с текстовыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Popova E. O., Volkova Y. A. Identification of Extremism Signs through the Analysis of the Text Tonality // Functional Aspects of Intercultural Communication. Translation and Interpreting Issues. Vol. 6: XI Int. Sci. Interdisciplinary Conf. on Research and Methodology, Moscow, 24 Nov. 2023 / RUDN Univ. Moscow, 2023. С. 66–76. DOI: 10.22363/2712-7974-2019-6-66-76.
2. Analysis of Tonality of Text Using Machine Learning / D. Gautham Sai, Govind Reddy S, D. Greeshma et al. // IJRASET. 2023. Vol. 11, iss. XII. P. 973–979. DOI: 10.22214/ijraset.2023.57492.
3. Baydogan C., Alatas B. Sentiment analysis using Konstanz Information Miner in social networks // 6th Int. Symposium on Digital Forensic and Security (ISDFS), Antalya, 22–25 March 2018 / IEEE. Antalya, 2018. DOI: 10.1109/ISDFS.2018.8355395.

4. Taboada M. Sentiment Analysis: An Overview from Linguistics // *Annual Review of Linguistics*. 2016. Vol. 2. P. 325–347. DOI: 10.1146/annurev-linguistics-011415-040518.
5. Benamara F., Taboada M., Mathieu Y. Evaluative Language Beyond Bags of Words: Linguistic Insights and Computational Applications // *Computational Linguistics*. 2017. Vol. 43, № 1. С. 201–264. DOI: 10.1162/COLI_a_00278.
6. A Meta-Framework for Modeling the Human Reading Process in Sentiment Analysis / R. Baly, R. Hobeica, H. Hajj et al. // *ACM Transactions on Information Systems*. 2017. Vol. 35, iss. 1: 7. DOI: 10.1145/2950050.
7. Lu B. On computing textual sentiment with linguistic knowledge and semi-supervised learning: Dr. Sci. (Philosophy) Thesis / Hong Kong. City Univ. of Hong Kong, 2013.
8. Stepanov Ju. S. Some Burning Issues of Contemporary Semiotics // *Linguistics*. 1974. Vol. 12, iss. 141. P. 53–66. DOI: 10.1515/ling.1974.12.141.53.
9. Veron E. Ideology and Social Sciences: A Communicational Approach // *Semiotica*. 1971. Т. 3, iss. 1. P. 59–76. DOI: <https://doi.org/10.1515/semi.1971.3.1.59>.
10. Allwood J. A Bird's Eye View of Pragmatics // *Papers from the Fourth Scandinavian Conference of Linguistics*. Odense: Odense Univ. Press, 1978. P. 145–159.
11. Гриневич О. А. Динамика функционирования усадебного свертхтекста русской литературы: семантика, синтактика, прагматика // *Известия Смолен. гос. ун-та*. 2020. № 1 (49). С. 46–60. DOI: 10.35785/2072-9464-2020-49-1-46-60.
12. Hogenboom A. Sentiment Analysis of Text Guided by Semantics and Structure. Rotterdam: Erasmus Univ. Rotterdam, 2009.
13. A New Approach for Carrying Out Sentiment Analysis of Social Media Comments Using Natural Language Processing / M. Ranjan, S. Tiwari, A. Md Sattar, N. S. Tatkar // *Engineering Proceedings*. 2023. Vol. 59, iss. 1: 181. DOI: 10.3390/engproc2023059181.
14. Vilares D. Sentiment analysis for reviews and microtexts based on lexico-syntactic knowledge. 2013. URL: <https://www.scienceopen.com/hosted-document?doi=10.14236/ewic/FDIA2013.8> (дата обращения: 27.01.2025).
15. Chauhan D., Sutaria K., Doshi R. Impact of Semiotics on Multidimensional Sentiment Analysis on Twitter: A Survey // *Second Int. Conf. on Computing Methodologies and Communication (ICCMC)*, 15–16 Feb. 2018 / *Erode. IEEE*, 2018. P. 671–674. DOI: 10.1109/ICCMC.2018.8487851.
16. Liebmann M., Hagenau M., Neumann D. Information Processing in Electronic Markets: Measuring Subjective Interpretation Using Sentiment Analysis // *ICIS 2012 Proceedings*. 2012. URL: <https://aisel.aisnet.org/icis2012/proceedings/KnowledgeManagement/9> (дата обращения: 27.01.2025).
17. Singh B., Kushwaha N., Vyas O. P. An interpretation of sentiment analysis for enrichment of Business Intelligence // *IEEE Region 10 Conference (TENCON)*, Singapore, 22–25 Nov. 2016 / *Singapore, IEEE*, 2016. P. 18–23. DOI: 10.1109/TENCON.2016.7847950.
18. Thiel K. Introduction to the KNIME Text Processing Extension // *Text Mining and Visualization: Case Studies Using Open-Source Tools*. 1st ed. / ed. by M. Hofmann, A. Chisholm. London; NY: Chapman and Hall, 2016. P. 63–80. DOI: <https://doi.org/10.1201/b19007>.
19. Meinl T., Jagla B., Berthold M. R. Integrated data analysis with KNIME // *Open Source Software in Life Science Research* / ed by L. Harland, M. Forster. Cambridge: Woodhead Publishing Ltd., 2012. pp. 151–171. DOI: <https://doi.org/10.1533/9781908818249.151>.
20. Dorr R. A., Casal J. J., Toriano R. Text Mining of Biomedical Articles Using the Konstanz Information Miner (KNIME) Platform: Hemolytic Uremic Syndrome as a Case Study // *Healthcare Informatics Research*. 2022. Vol. 28, no. 3. P. 276–283. DOI: 10.4258/hir.2022.28.3.276.
21. Towards Simplification of Analytical Workflows With Semantics at Siemens (Extended Abstract) / E. Kharlamov, G. Mehdi, O. Savkovic et al. // *IEEE Int. Conf. on Big Data (Big Data)*, Seattle, WA, 10–13 Dec. 2018 / *IEEE*. Seattle, 2018. P. 1951–1954. DOI: 10.1109/BigData.2018.8622652.

22. Smart Technologies for Genre Closeness Evaluation / E. Isaeva, O. Mnazhula, O. Baiburova, R. Crawford // Lecture Notes in Networks and Systems. 2022. Vol. 342, Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-89477-1_60.

23. Isaeva E. Topic Modelling in Computer Security Discourse: a Case Study of Whitepaper Publications and News Feeds // Perm Univ. Herald. Russian and Foreign Philology. 2022. Vol. 14, iss. 2. P. 18–26. DOI: 10.17072/2073-6681-2022-2-18-26.

24. Valtolina S., Barricelli B. R., Dittrich Y. Participatory knowledge-management design: A semiotic approach // J. of Visual Languages & Computing. 2012. Vol. 23, iss. 2. P. 103–115. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvlc.2011.11.007>.

25. 03_Sentiment_Classification rev 1 – KNIME Community Hub // KNIME Open for Innovation. 23.06.2024. URL: https://hub.knime.com/rfeigel/spaces/Public/03_Sentiment_Classification%20rev%201~4i6l8oqEGQ_ngBU5/current-state (дата обращения: 27.01.2025).

Информация об авторах.

Исаева Екатерина Владимировна – кандидат филологических наук (2013), доцент (2019), заведующая кафедрой английского языка профессиональной коммуникации Пермского государственного национального исследовательского университета, ул. Букирева, д. 15, г. Пермь, 614068, Россия. Автор 86 научных публикаций. Сфера научных интересов: дискурсивная лингвистика, когнитивное терминоведение, интеллектуальный анализ текста, цифровая лингвистика.

Семенов Сергей Владимирович – студент (4-й курс) направления «Лингвистика» Пермского государственного национального исследовательского университета, ул. Букирева, д. 15, г. Пермь, 614068, Россия. Сфера научных интересов: лингвистика, переводоведение, анализ тональности текста, Sentiment-анализ.

Черных Денис Львович – студент (4-й курс) направления «Лингвистика» Пермского государственного национального исследовательского университета, ул. Букирева, д. 15, г. Пермь, 614068, Россия. Сфера научных интересов: цифровая лингвистика, анализ тональности текста, Sentiment-анализ.

Гудовицков Алексей Викторович – студент (4-й курс) направления «Лингвистика» Пермского государственного национального исследовательского университета, ул. Букирева, д. 15, г. Пермь, 614068, Россия. Сфера научных интересов: лингвистика, переводоведение, анализ тональности текста, Sentiment-анализ, интерпретация текста.

Авторский вклад.

Исаева Екатерина Владимировна – замысел, разработка концепции и структуры исследования, общее руководство, подготовка теоретического обоснования семиотического исследования, подготовка текста.

Семенов Сергей Владимирович – подготовка модели машинного обучения для автоматизации анализа данных, анализ данных, подготовка текста.

Черных Денис Львович – подготовка теоретического обоснования использованных в исследовании методов Sentiment-анализа.

Гудовицков Алексей Викторович – семиотическая интерпретация результатов машинного обучения, подготовка текста.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 28.01.2025; принята после рецензирования 05.03.2025; опубликована онлайн 22.09.2025.

REFERENCES

1. Popova, E.O. and Volkova, Ya.A. (2019), "Identification of Extremism Signs through the Analysis of the Text Tonality", *Functional Aspects of Intercultural Communication. Translation and Interpreting Issues, Vol. 6: XI Int. Sci. Interdisciplinary Conf. on Research and Methodology*, Moscow, RUS, 24 Nov. 2023, pp. 66–76. DOI: 10.22363/2712-7974-2019-6-66-76.
2. Sai, D. Gautham, Reddy S. Govind, Greeshma, D. et al. (2023), "Analysis of Tonality of Text Using Machine Learning", *IJRASET*, vol. 11, iss. XII, pp. 973–979. DOI: 10.22214/ijraset.2023.57492.
3. Baydogan, C. and Alatas, B. (2018), "Sentiment analysis using Konstanz Information Miner in social networks", *6th Int. Symposium on Digital Forensic and Security (ISDFS)*, Antalya, TUR, 22–25 March 2018. DOI: 10.1109/ISDFS.2018.8355395.
4. Taboada, M. (2016), "Sentiment Analysis: An Overview from Linguistics", *Annual Review of Linguistics*, vol. 2, pp. 325–347. DOI: 10.1146/annurev-linguistics-011415-040518.
5. Benamara, F., Taboada, M. and Mathieu, Y. (2017), "Evaluative Language Beyond Bags of Words: Linguistic Insights and Computational Applications", *Computational Linguistics*, vol. 43, no. 1, pp. 201–264. DOI: 10.1162/COLI_a_00278.
6. Baly, R. et al. (2017), "A Meta-Framework for Modeling the Human Reading Process in Sentiment Analysis", *ACM Transactions on Information Systems*, vol. 35, iss. 1: 7. DOI: 10.1145/2950050.
7. Lu, B. (2013), "On computing textual sentiment with linguistic knowledge and semi-supervised learning". Dr. Sci. (Philosophy) Thesis, City Univ. of Hong Kong, Hong Kong, HKG.
8. Stepanov, Ju.S. (1974), "Some Burning Issues of Contemporary Semiotics", *Linguistics*, vol. 12, iss. 141, pp. 53–66. DOI: 10.1515/ling.1974.12.141.53.
9. Veron, E. (1971), "Ideology and Social Sciences: A Communicational Approach", *Semiotica*, vol. 3, iss. 1, pp. 59–76. DOI: <https://doi.org/10.1515/semi.1971.3.1.59>.
10. Allwood, J. (1978), "A Bird's Eye View of Pragmatics", *Papers from the Fourth Scandinavian Conference of Linguistics*, Odense Univ. Press., Odense, DNK, pp. 145–159.
11. Grinevich, O.A. (2020), "Dynamics of the estate supertext functioning in Russian literature: semantics, syntactics, pragmatics", *Izvestia of Smolensk State Univ.*, no. 1 (49), pp. 46–60. DOI: 10.35785/2072-9464-2020-49-1-46-60.
12. Hogenboom, A. (2009), *Sentiment Analysis of Text Guided by Semantics and Structure*, Erasmus Univ. Rotterdam, Rotterdam, NDL.
13. Ranjan, M., Tiwari, S., Md Sattar, A. and Tatkar, N.S. (2023), "A New Approach for Carrying Out Sentiment Analysis of Social Media Comments Using Natural Language Processing", *Engineering Proceedings*, vol. 59, iss. 1: 181. DOI: 10.3390/engproc2023059181.
14. Vilares, D. (2013), *Sentiment analysis for reviews and microtexts based on lexico-syntactic knowledge*, available at: <https://www.scienceopen.com/hosted-document?doi=10.14236/ewic/FDIA2013.8> (accessed 27.01.2025).
15. Chauhan, D., Sutaria, K. and Doshi, R. (2018), "Impact of Semiotics on Multidimensional Sentiment Analysis on Twitter: A Survey", *Second Int. Conf. on Computing Methodologies and Communication (ICCMC)*, Erode, IND, 15–16 Feb. 2018, pp. 671–674. DOI: 10.1109/ICCMC.2018.8487851.
16. Liebmann, M., Hagenau, M. and Neumann, D. (2012), "Information Processing in Electronic Markets: Measuring Subjective Interpretation Using Sentiment Analysis", *ICIS 2012 Proceedings*, available at: <https://aisel.aisnet.org/icis2012/proceedings/KnowledgeManagement/9> (accessed 27.01.2025).
17. Singh, B., Kushwaha, N. and Vyas, O.P. (2016), "An interpretation of sentiment analysis for enrichment of Business Intelligence", *IEEE Region 10 Conference (TENCON)*, Singapore, SGP, 22–25 Nov. 2016, pp. 18–23. DOI: 10.1109/TENCON.2016.7847950.
18. Thiel, K. (2016), "Introduction to the KNIME Text Processing Extension", *Text Mining and Visualization: Case Studies Using Open-Source Tools*, 1st ed., in Hofmann, M. and Chisholm, A. (eds.), Chapman and Hall, London, NY, UK, pp. 63–80. DOI: <https://doi.org/10.1201/b19007>.

19. Meinl, T., Jagla, B. and Berthold, M.R. (2012), "Integrated data analysis with KNIME", *Open Source Software in Life Science Research*, in Harland, L. and Forster, M. (eds.), Woodhead Publishing Ltd., Cambridge, UK, pp. 151–171. DOI: <https://doi.org/10.1533/9781908818249.151>.
20. Dorr, R.A., Casal, J.J. and Toriano, R. (2022), "Text Mining of Biomedical Articles Using the Konstanz Information Miner (KNIME) Platform: Hemolytic Uremic Syndrome as a Case Study", *Healthcare Informatics Research*, vol. 28, no. 3, pp. 276–283. DOI: 10.4258/hir.2022.28.3.276.
21. Kharlamov, E., Mehdi, G., Savkovic, O. et al. (2018), "Towards Simplification of Analytical Workflows with Semantics at Siemens (Extended Abstract)", *IEEE Int. Conf. on Big Data (Big Data)*, Seattle, WA, USA, 10–13 Dec. 2018, pp. 1951–1954. DOI: 10.1109/BigData.2018.8622652.
22. Isaeva, E., Manzhula, O., Baiburova, O. and Crawford, R. (2022), "Smart Technologies for Genre Closeness Evaluation", *Lecture Notes in Networks and Systems*, vol. 342, Springer, Cham, CHE. DOI: 10.1007/978-3-030-89477-1_60.
23. Isaeva, E. (2022), "Topic Modelling in Computer Security Discourse: a Case Study of Whitepaper Publications and News Feeds", *Perm Univ. Herald. Russian and Foreign Philology*, vol. 14, iss. 2, pp. 18–26. DOI: 10.17072/2073-6681-2022-2-18-26.
24. Valtolina, S., Barricelli, B.R. and Dittrich, Y. (2012), "Participatory knowledge-management design: A semiotic approach", *J. of Visual Languages & Computing*, vol. 23, iss. 2. pp. 103–115. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvlc.2011.11.007>.
25. "03_Sentiment_Classification rev 1 – KNIME Community Hub" (2024), *KNIME Open for Innovation*, 23.06.2024, available at: https://hub.knime.com/rfeigel/spaces/Public/03_Sentiment_Classification%20rev%201~4i6l8oqEGQ_ngBU5/current-state (accessed 27.01.2025).

Information about the authors.

Ekaterina V. Isaeva – Can. Sci. (Philology, 2013), Docent (2019), Head of Department of English for Professional Communication, Perm State University, 15 Bukireva str., Perm 614068, Russia. The author of 86 scientific publications. Area of expertise: discursive linguistics, cognitive term science, text mining, digital linguistics.

Sergey V. Semenov – Student (4th year, Linguistics), Perm State University, 15 Bukireva str., Perm 614068, Russia. Area of expertise: linguistics, translation studies, Sentiment-analysis.

Denis L. Chernykh – Student (4th year, Linguistics), Perm State University, 15 Bukireva str., Perm 614068, Russia. Area of expertise: digital linguistics, Sentiment-analysis.

Alexei V. Gudovshikov – Student (4th year, Linguistics), Perm State University, 15 Bukireva str., Perm 614068, Russia. Area of expertise: linguistics, translation studies, Sentiment-analysis, text interpretation.

Author's contribution.

Ekaterina V. Isaeva – conception, logic, and design of the study, general management, theoretical justification of semiotic research, text preparation.

Sergey V. Semenov – preparation of machine learning model for automation of data analysis, data analysis, text preparation.

Denis L. Chernykh – preparation of theoretical background of Sentiment-analysis methods used in the study.

Alexei V. Gudovshikov – semiotic interpretation of machine learning results, text preparation.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 28.01.2025; adopted after review 05.03.2025; published online 22.09.2025.

Оригинальная статья

УДК 81'33

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-4-139-150>

Анализ стилистического двухголосия в романе Марио Варгаса Льосы «Говорун» методами Delta Берроуза и Zeta Крейга

Борис Вадимович Ковалев

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
bvkovalev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1904-1844>*

Введение. В статье анализируется роман перуанского писателя Марио Варгаса Льосы «Говорун» при помощи современных стилеметрических инструментов. Роман характеризуется двумя стилистически различными параллельными частями. Цель исследования: выявить разницу между этими частями при помощи одного из наиболее надежных стилеметрических инструментов (Delta Берроуза), а также проверить, может ли этот инструмент вычислять разницу не между текстами принципиально разных авторов, а между главами, написанными одним человеком.

Методология и источники. Ключевым выступает метод Delta Берроуза, позволяющий сравнивать тексты между собой на основании распределения наиболее частотной лексики. Также используется мера Zeta, служащая средством выявления дифференцирующей лексики в главах романа «Говорун».

Результаты и обсуждение. Проведено три серии экспериментов. В рамках первой серии параллельные части романа «Говорун» помещены в корпус к остальным романам Варгаса Льосы. В результате «европейская» часть (главы I, II, IV, VI, VIII) отнесена алгоритмом к классу документальных текстов, а «перуанская» (III, V, VII) характеризуется близостью с тотальными романами, написанными в 1960-е гг. В рамках второй серии экспериментов проверяется, выявит ли алгоритм различия между конкретными главами, составляющими две части романа. В итоге главы отнесены к разным ветвям, алгоритм подтвердил надежность. Третья серия экспериментов посвящена выявлению дифференцирующей лексики при помощи меры Zeta. Выделены несколько классов, позволяющих отличить «европейскую» часть от «перуанской».

Заключение. Посредством алгоритма Delta Берроуза подтверждено стилистическое двухголосие романа Марио Варгаса Льосы «Говорун», более того, показано, что непосредственно алгоритм является достаточно чувствительным инструментом не только для фиксации авторских сигналов априори различных писателей, но и для характеристики вариативности стиля одного автора.

Ключевые слова: Марио Варгас Льоса, стилеметрия, Delta Берроуза, вариативность индивидуального авторского стиля, Zeta Крейга, квантитативная филология, проблемы стиля

Для цитирования: Ковалев Б. В. Анализ стилистического двухголосия в романе Марио Варгаса Льосы «Говорун» методами Delta Берроуза и Zeta Крейга // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 4. С. 139–150. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-139-150.

© Ковалев Б. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Burrows's Delta and Craig's Zeta for Analysis of Stylistic Duality in Mario Vargas Llosa's Novel "The Storyteller"

Boris V. Kovalev

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
bvkovalev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1904-1844>*

Introduction. The article analyzes the novel "The Storyteller" written by the Peruvian writer Mario Vargas Llosa. The novel is characterized by two stylistically different parallel parts. The purpose of the study: to identify the stylistic difference between the two parts of the novel using one of the most reliable stylometric tools (Burrows's Delta), and also to check whether this tool can calculate the difference not between the texts of fundamentally different authors, but between chapters written by one person.

Methodology and sources. The key method is Burrows's Delta, which allows comparing texts with each other based on the distribution of the most frequent vocabulary. The Zeta measure is also used, which serves as a means of identifying differentiating vocabulary in the chapters of the novel "The Storyteller".

Results and discussion. Three series of experiments were conducted. In the first series, parallel parts of the novel "The Storyteller" are placed in a corpus with the rest of Vargas Llosa's novels. As a result, the "European" part (chapters I, II, IV, VI, VIII) is classified by the algorithm as a documentary text, while the "Peruvian" part (chapters III, V, VII) is characterized by its proximity to total novels written in the 1960s. In the second series of experiments, it is tested whether the algorithm will detect differences between specific chapters that make up the two parts of the novel. As a result, the chapters are classified into different branches, and the algorithm has confirmed its reliability. The third series of experiments is devoted to identifying differentiating vocabulary using the Zeta measure. Several classes are identified that allow us to distinguish the "European" part from the "Peruvian" one.

Conclusion. By means of the Burroughs Delta algorithm, the stylistic two-voice nature of Mario Vargas Llosa's novel "The Storyteller" is confirmed; moreover, it is shown that the algorithm itself is a sufficiently sensitive tool not only for recording the author's signals a priori of different writers, but also for characterizing the variability of one author's style.

Keywords: Mario Vargas Llosa, stylometry, Burrows's Delta, variability of individual author's style, Craig's Zeta, quantitative philology, problems of style

For citation: Kovalev, B.V. (2025), "Burrows's Delta and Craig's Zeta for Analysis of Stylistic Duality in Mario Vargas Llosa's Novel "The Storyteller"", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 4, pp. 139–150. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-139-150 (Russia).

Введение. Современная стилиметрия, по определению Г. Я. Мартыненко, – прикладная филологическая дисциплина, занимающаяся измерением стилистических характеристик с целью систематизации (атрибуции, таксономии, периодизации, датировки и т. п.) текстов и их частей [1, с. 54], фокусируется по большей части на решении задач атрибуции или выявления сущностной разницы между стилями разных авторов. До некоторой степени это обусловлено генезисом стилиметрии как дисциплины: текстологи, представители традиционных филологических направлений чаще всего обращаются к количественным методам лишь в том случае, когда средства традиционной текстологии, историко-литературные изыскания воспринимаются исследователями как исчерпанные. Особенно ярко эта тенденция проявилась в анализе стилистического двухголосия в романе Марио Варгаса Льясы «Говорун» методами Delta...

лась в конце XIX в., когда возникло значительное количество разнообразных методик, призванных дать однозначный ответ на шекспировский вопрос и прояснить датировку диалогов Платона (труды Л. Кэмпбелла, К. Риттера, В. Диттенбергера, В. Лютославского, М. Шанца и др.) [2; 3]. В соответствии с общими тенденциями эпохи на точные методы (простейшие и не всегда корректные) возлагались особые надежды как на некоторый объективный способ установления авторства и датировки. Однако, разумеется, как было наглядно продемонстрировано уже в XX в., никакие подсчеты не обладают собственной эвристической силой, они могут служить лишь для формирования атрибуционной гипотезы, которую необходимо проверять традиционными средствами [4].

Значительно реже квантитативные методики используются для моделирования динамики стиля [5], периодизации [6; 7] одного конкретного автора, хотя и в этом направлении в последние годы сделаны серьезные шаги. Актуальность подобного рода исследований обусловлена еще и тем, что существует класс авторов, использующих стилизацию для разнообразия своей поэтики, выстраивающих тексты при помощи различных «голосов», которые обеспечивают полифоничность произведения. Таковы, например, В. В. Набоков [8], а также целый ряд латиноамериканских авторов: Х. Л. Борхес, Г. Гарсиа Маркес, Х. Кортасар. Однако в рамках исследования мы намерены сосредоточиться на, пожалуй, наиболее репрезентативном примере – романе М. Варгаса Льосы «Говорун», который состоит из двух отчетливо различимых частей: одна часть написана от лица безымянного рассказчика, ассоциирующегося с самим Варгасом Льосой, нарратор во второй части – «говорун», сказитель, принадлежащий племени мачигенга, которое обитает в сельве перуанской Амазонии. Нельзя сказать, что стилистическое двухголосие романа не было предметом изучения (см., напр., [9]), однако прежде использовался традиционный лингвостилистический подход. В этой связи актуализируется необходимость применения объективных методов, достижений современной стилистики.

У исследования две цели: 1) выявить стилистическую разницу между двумя частями романа при помощи одного из наиболее надежных стилистических инструментов (Delta Берроуза); 2) проверить, может ли этот инструмент вычислять разницу не между текстами принципиально разных авторов, а между главами, написанными одним человеком.

Методология и источники. Для решения исследовательских задач была избрана Delta Берроуза [10]. Метод основан на предположении, что распределение наиболее частотных слов в текстах того или иного автора не является случайным. Существенно, что значительная доля самой частотной лексики приходится на служебные слова – предлоги, союзы, а также местоимения, которые не связаны с тематикой текста. Для каждого текста в анализируемом корпусе берется некоторое количество наиболее частотных слов и далее сравниваются их частотности, представленные как меры z -scores, т. е. стандартизированные оценки, показывающие разброс значений относительно средних. Z -score вычисляется по следующей формуле:

$$z(f_i(D_1)) = \frac{f_i(D_1) - \mu_i}{\sigma_i},$$

где $f_i(D_1)$ – частота слова в тексте D_1 , μ_i – средняя частота слова по выборке, а σ_i – стандартное отклонение этой частоты. Соответственно, мера Delta представляет собой сумму взятых

по модулю разниц между мерами z-scores у двух сравниваемых текстов, поделенную на количество слов:

$$\Delta_{Bur} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n |z_i(D_1) - z_i(D_2)|,$$

где n – общее количество слов, i – конкретное слово, а D_1 и D_2 – сравниваемые тексты.

Метод заслужил репутацию одного из самых надежных на материале разных языков: английского [11], русского [8; 12], древнегреческого [13], испанского [6; 7] и др.

Эксперименты проводились при помощи пакета Stylo [14] в программной среде R в несколько этапов. Мы опирались на корпус романов Марио Варгаса Льосы, составленный нами для выявления стилистических тенденций [15] (табл. 1).

Таблица 1. Корпус романов М. Варгаса Льосы
Table 1. Corpus of Mario Vargas Llosa's novels

№	Название	Русский перевод	Год	Класс
1	<i>La ciudad y los perros</i>	«Город и псы»	1963	тотальный
2	<i>La casa verde</i>	«Зеленый дом»	1966	тотальный
3	<i>Conversación en La Catedral</i>	«Разговор в Соборе»	1969	тотальный
4	<i>Pantaleón y las visitadoras</i>	«Капитан Панталеон и Рота добрых услуг»	1973	пессимист.
5	<i>La tía Julia y el escribidor</i>	«Тетушка Хулия и писака»	1977	документал.
6	<i>La guerra del fin del mundo</i>	«Война конца света»	1981	пессимист.
7	<i>Historia de Mayta</i>	«История Майты»	1984	пессимист.
8	<i>El hablador</i>	«Говорун»	1987	пессимист.
9	<i>Elogio de la madrastra</i>	«Похвальное слово мачехе»	1988	легкий
10	<i>Lituma en los Andes</i>	«Литума в Андах»	1993	пессимист.
11	<i>Los cuadernos de don Rigoberto</i>	«Тетради дона Ригоберто»	1997	легкий
12	<i>La fiesta del Chivo</i>	«Праздник Козла»	2000	документал.
13	<i>El paraíso en la otra esquina</i>	«Рай на другом углу»	2003	документал.
14	<i>Travesuras de la niña mala</i>	«Похождения скверной девчонки»	2006	легкий
15	<i>El sueño del celta</i>	«Сон кельта»	2010	документал.
16	<i>El héroe discreto</i>	«Скромный герой»	2013	легкий
17	<i>Cinco esquinas</i>	«Пять углов»	2016	легкий
18	<i>Tiempos recios</i>	«Суровые времена»	2019	документал.
19	<i>Le dedico mi silencio</i>	«Посвящаю свое молчание»	2023	документал.

Также как сопоставительный материал привлекались тексты Г. Гарсиа Маркеса («Сто лет одиночества», 1965; «Осень патриарха», 1975) и К. Фуэнтеса («Смерть Артемио Круса», 1962; Terra «nostra», 1975).

Результаты и обсуждение. На предыдущих этапах исследования, посвященного вариативности стиля Марио Варгаса Льосы, было выявлено, что всего в его творчестве выделяется 4 класса текстов: ранние тотальные романы, документальные (основанные на историческом или биографическом материале), легкие и пессимистические (см. табл. 1). В рамках экспериментов на полном корпусе романов М. Варгаса Льосы «Говорун» в 100 % случаев атрибутируется классу пессимистических текстов (как, например, и «Капитан Панталеон и Рота добрых услуг», «Война конца света», «Литума в Андах», «История Майты») [15, с. 135]. Эти тексты написаны в пору разочарования Варгаса Льосы в прежних идеалах – как политических, так и литературных.

Как было отмечено, «Говорун» делится на две части, в которых фигурируют разные рассказчики. Первую часть условно назовем европейской (поскольку повествователь, ассоциирующийся с автором, живет, согласно тексту, во Флоренции), вторую часть – перуанской, поскольку в ее фокусе находится фигура сказителя, затрагиваются легенды, мифы и предания автохтонного населения сельвы, в частности племени мачигенга.

На первом этапе настоящего исследования мы разделили роман «Говорун» на две половины. После общей предобработки корпуса первая – европейская – насчитывает 36 710 словоупотреблений; вторая – перуанская – 34 122. Первую часть образуют главы I, II, IV, VI, VIII. Вторую часть – главы III, V и VII. Мы поместили две отдельные части в корпус. Результаты представлены на дендрограмме¹ (рис. 1).

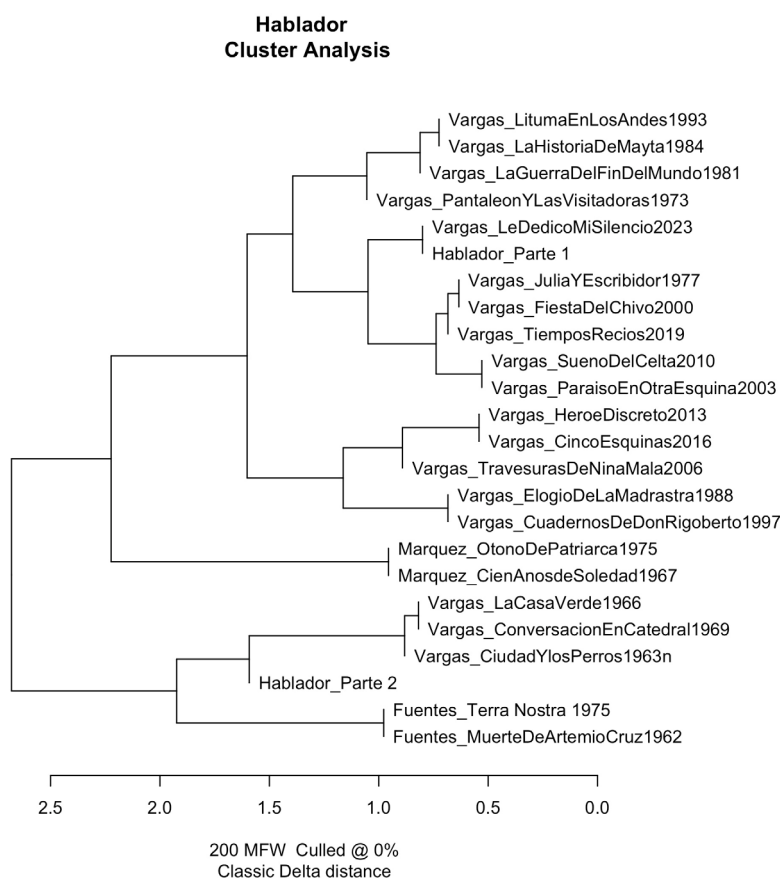

Рис. 1. Кластеризация анализируемых текстов методом Delta Берроуза. 1000 наиболее частотных слов
Fig. 1. Clustering of analyzed texts using the Burrows' Delta method. 1000 most frequent words

¹ Частотный список для эксперимента на 200 наиболее частотных слов: de, la, y, que, el, a, en, los, se, no, las, un, con, lo, por, su, una, del, al, le, para, me, había, como, sus, pero, más, es, era, dijo, te, qué, él, si, sin, o, mi, cuando, ya, yo, vez, todo, ni, ella, estaba, sobre, hasta, sólo, ahora, dos, ese, esa, muy, eso, también, porque, ojos, entre, fue, desde, ha, tan, sí, tenía, todos, ser, habían, donde, les, señor, tu, nos, vida, nada, así, esta, bien, nunca, siempre, tiempo, casa, don, está, después, día, tú, algo, aquí, usted, noche, este, años, antes, mismo, ellos, mano, otra, hombre, entonces, cómo, cabeza, mujer, tres, mientras, uno, hay, voz, eran, mundo, pues, unos, veces, esos, manos, cara, otro, hacia, padre, contra, nadie, luego, tanto, sino, hacer, cada, sido, he, menos, mucho, son, iba, señora, aunque, hizo, cosas, días, cuerpo, hacía, mí, todas, poco, podía, hubiera, madre, mejor, allí, hecho, mis, ver, hombres, fin, dice, sé, esas, toda, boca, decir, todavía, puerta, nuevo, tiene, tierra, ahí, gran, han, estaban, e, apenas, quién, tal, muerte, verdad, fuera, dios, vio, general, parecía, gente, coronel, momento, hace, otros, mañana, decía, mal, manera, tarde, puede, cuenta, va, amor, viejo, esto, bajo, quien, dio, frente, medio, doctor, primera.

Читать график следует так. Наиболее близкие тексты соединяются программой как своего рода листья на ветке; другие, не сходные с предыдущими, но похожие между собой, кластеризуются на другой ветке.

Все девять экспериментов показали идентичные результаты. Первая часть (Hablador_Parte 1) всякий раз относилась к группе документальных текстов (написанных на историческом и/или биографическом материале), что не противоречит авторской установке на автобиографичность этих глав. Рассказчик действительно ассоциируется с Марио Варгасом Льосой (он такой же латиноамериканский писатель, учившийся в Перу, живущий в Европе, ведущий активную культурную и светскую жизнь, выступающий на телевидении и пр.). Более того, наиболее близким текстом оказывается последний роман *Le Dedico mi silencio*, в котором также затрагивается проблематика перуанской идентичности: это текст о поиске перуанского культурного своеобразия через анализ музыкальной составляющей.

Вторая часть (Hablador_Parte 2) определяется алгоритмом как близкая к классу тотальных романов. По всей видимости, одним из ключевых факторов сближения может выступать сказовая интонация, реализующаяся через технику «монологизованного диалога», несобственно прямой речи. Кроме того, критики отмечали, что с 1970-х гг. Варгас Льоса упрощает свою манеру, делая ее более традиционной. «Перуанская» часть «Говоруна» выполнена в духе тотальных романов 1960-х г.: запутанный синтаксис, преобладание монологического повествования, обилие опорных слов, структурирующих дискурс сказителя, например, *tal vez, quizá, parece* – «может быть, кажется», фраза “Eso es, al menos, lo que yo he sabido” – «Вот, по меньшей мере, то, что мне известно».

Сравним два фрагмента из параллельных частей. Такова манера европейской части:

“Por qué había sido incapaz, en el curso de todos aquellos años, ¿de escribir mi relato sobre los habladores? La respuesta que solía dar, vez que despachaba a la basura el manuscrito a medio hacer de aquella huidiza historia, era la dificultad que significaba inventar, en español y dentro de esquemas intelectuales lógicos, ¿una forma literaria que verosímilmente sugiriese la manera de contar de un hombre primitivo de mentalidad mágico-religiosa” [16, p. 152]. – «Почему все эти годы я был неспособен написать историю о говорунах? Ответом, который я обыкновенно давал себе, отправляя в мусорную корзину брошенную на середине рукопись, была сложность: требовалось изобрести, используя испанский язык и логические интеллектуальные схемы, литературную форму, которая, сколь это возможно, могла бы рассказать о примитивном человеке, обладающем магическим сознанием»².

Совсем иначе строится синтаксис части Говоруна:

“Los que se iban así volvían o morían? Quién sabe. Morirían quizá. Su espíritu se iría a dar más furia y más fuerza a sus robadores, tal vez. O ahí estarán todavía dando vuelta por el bosque, desamparados. Quién sabe cuántos no habrán muerto [16, p. 43]. – «Вернулись ли те, кто ушел туда, или умерли? Кто знает. Может быть, умерли. А может, их дух все еще мечется по лесу, чтобы обрушиться с большей силой и яростью на тех разбойников, как знать. Или они до сих пор беспомощно бродят по лесу. Кто знает, сколько их погибло».

Таким образом, Delta Берроуза идентифицирует стилистическую разницу параллельных частей в романе «Говорун».

² Здесь и далее перевод автора.

На втором этапе мы решили выяснить, выявит ли алгоритм различия между конкретными главами, составляющими две части романа. Для этого поместили в корпус отдельные главы, остальные тексты были удалены. Эксперименты проводились на аналогичном частотном словаре: от 200 до 1000 наиболее частотных слов³ (табл. 2).

Таблица 2. Количество словоупотреблений в главах романа «Говорун»
Table 2. Number of word usages in the chapters of the novel “The Storyteller”

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	Итого
1099	8283	10 003	11 299	10 805	12 709	13 314	3320	70 832

Все эксперименты показали аналогичные результаты, которые представлены, например, на рис. 2, 3.

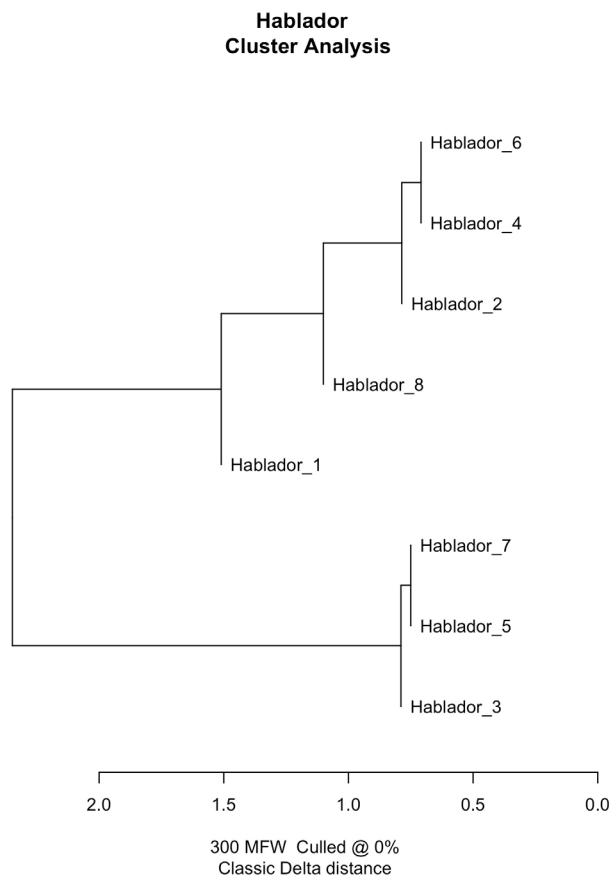

Рис. 2. Кластеризация глав романа «Говорун» методом Delta Берроуза. 300 наиболее частотных слов
Fig. 2. Clustering of chapters of the novel “The Storyteller” using the Burroughs Delta method. 300 most frequent words

³ Частотный список для 200 наиболее частотных слов: de, que, y, la, a, el, los, en, se, no, las, un, lo, por, con, me, su, una, del, para, al, sus, le, había, es, como, más, era, vez, pero, o, qué, yo, si, ya, eso, sin, cuando, ellos, él, también, pues, todo, te, estaba, sobre, mi, tal, ni, machiguengas, nos, habían, mundo, ahora, donde, río, entonces, les, entre, fue, ahí, porque, así, antes, ese, desde, todos, hasta, tenía, ella, bien, ha, siempre, esa, parece, algo, dos, he, después, schnell, tierra, sí, ser, hombres, eran, tiempo, hablador, menos, mucho, aquí, hacer, allí, mujer, uno, hombre, nunca, cómo, está, dijo, años, unos, tan, nada, seripigari, muy, vida, cosas, noche, sol, sólo, iba, mismo, son, veces, machiguenga, diciendo, esos, esta, estaban, otra, todavía, allá, hay, día, este, casa, cada, tanto, gran, muchas, agua, hacía, cara, fin, historia, hubiera, todas, daño, quién, sido, andar, kientibakori, mientras, otras, poco, podía, aquella, árboles, otro, otros, cuerpo, esas, manera, mí, pronto, quizás, andando, familia, nuevo, aunque, cuenta, mis, nadie, será, sino, fuera, hizo, luz, mujeres, nosotros, parecía, sería, hablar, mejor, sabe, hecho, kashiri, lugar, pueblo, sé, habladores, acaso, alto, bosque, contra, decir, fueron, decía, muchos, tribus, tu, viracochas, arriba, gente, ojos, selva, alma, amazonía, monte, tres.

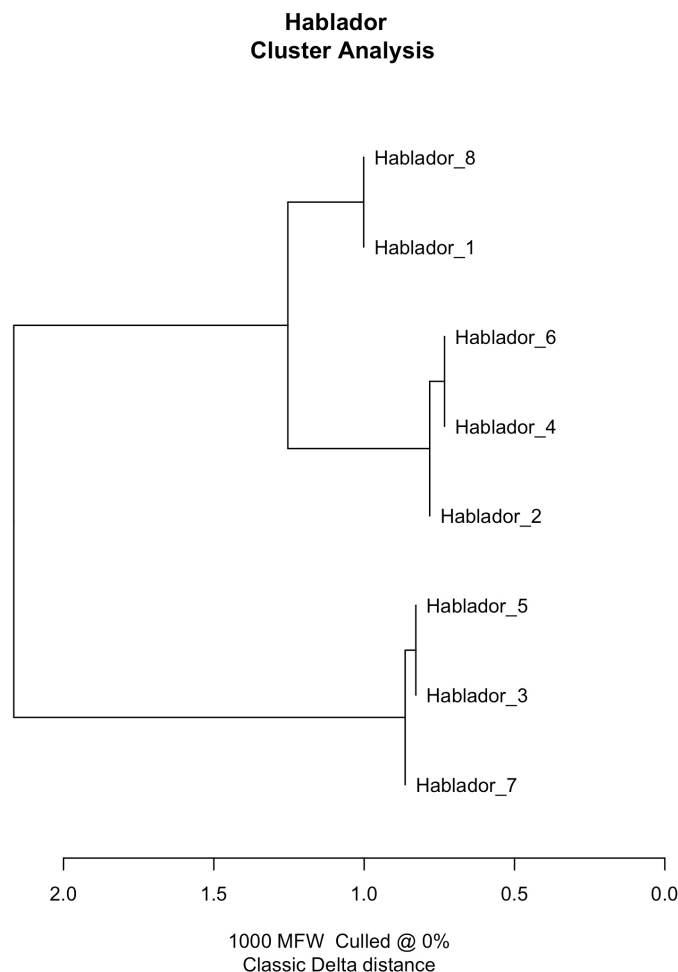

Рис. 3. Кластеризация глав романа «Говорун» методом Delta Берроуза. 1000 наиболее частотных слов
Fig. 3. Clustering of chapters of the novel “The Storyteller” using the Burroughs Delta method. 1000 most frequent words

На частотном словаре любого объема Delta безошибочно отделяет главы II, IV, VI, VIII (часть 1) от глав III, V, VII (часть 2). Глава I (относится к первой части) состоит всего из тысячи слов, что слишком мало для корректного анализа (рекомендуется использовать тексты объемом более 5000 словоупотреблений), поэтому она находится в промежуточном положении, но при эксперименте на тысячу наиболее частотных слов выделяется в отдельную ветвь вместе с главой VIII, которые обеспечивают своего рода рамочную композицию.

Наконец, получив подтверждение, что Delta Берроуза является достаточно чувствительным методом, чтобы определять стилистическое двухголосие, мы решили разобраться, какая лексика обуславливает различие параллельных глав. Для решения этой задачи обратились к мере Zeta [17]. Механизм ее работы состоит в следующем. Составляются два корпуса текстов (primary_set и secondary_set), которые сравниваются между собой на основании встречаемости уникальных слов, свойственных для одной группы текстов и не свойственной для другой. Вычисляется Zeta-оценка (от –1 до 1): слова с наиболее высокой оценкой являются дифференцирующими, т. е. такими, которые позволяют отличить первый корпус от второго. Zeta зарекомендовала себя как продуктивный инструмент, при помощи которого проводятся контрастные исследования [18; 19].

Результаты экспериментов представлены на рис. 4.

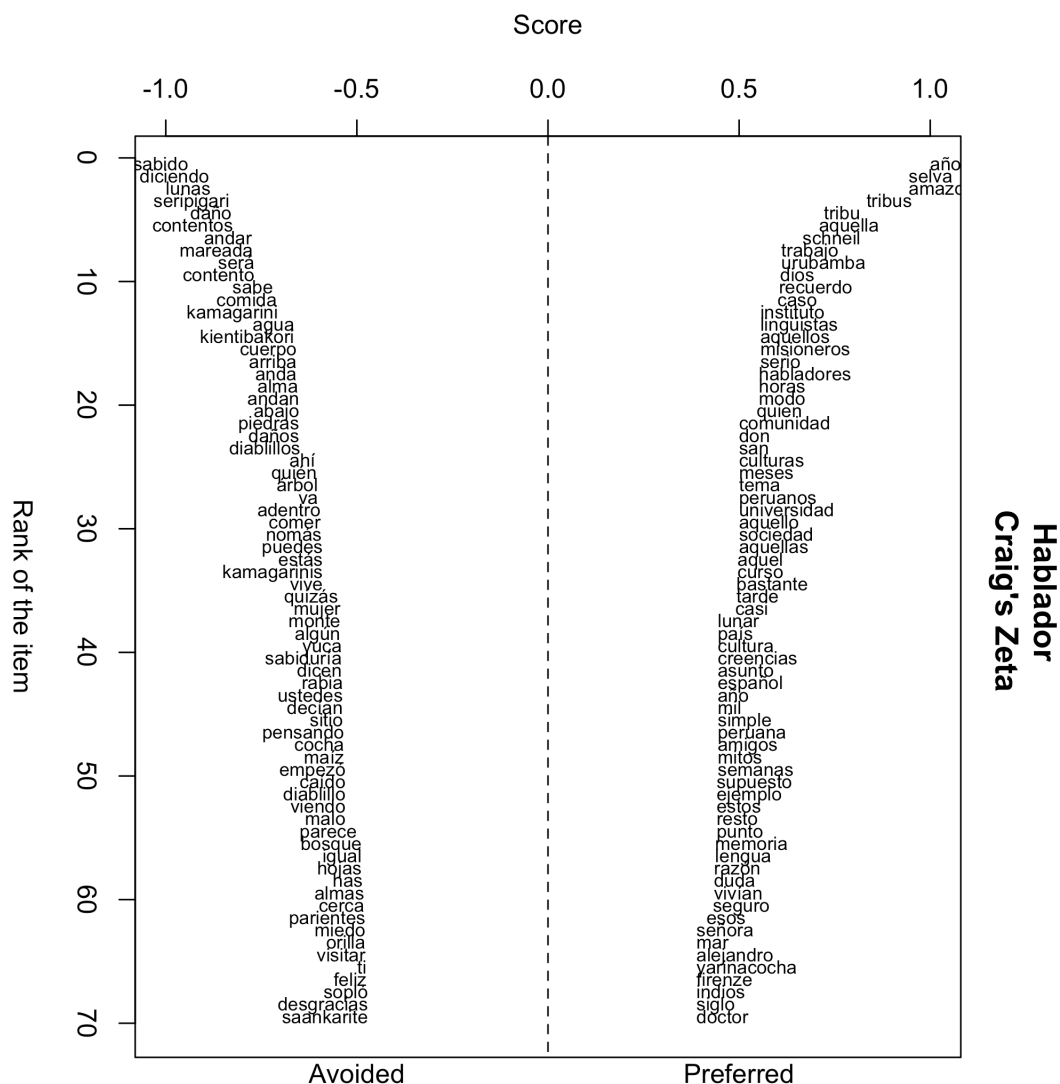

Рис. 4. Контрастивный анализ лексики в романе «Говорун»
Fig. 4. Contrastive analysis of vocabulary of the novel “The Storyteller”

В левой части графика – слова, избегаемые в европейских главах, в правой – предпочитаемые. Соответственно, на основе дистрибутивного подхода к анализу текста можно выделить следующие классы лексики, обеспечивающие дифференциацию глав.

Для перуанской части:

а) слова из языка мачигенга, характерные для перуанских глав: *seripigari* «шаман», *kamagarini* «демон», *kientibakori* «бог зла» и пр.;

б) слова, использующиеся в составе опорных формул, структурирующих речь говоруна: *sabido* (в конструкции “Eso es, al menos, lo que yo he sabido” – «Вот, по меньшей мере, то, что мне известно»), *sera* «должно быть», *quizas* «возможно», *parece* «кажется», *ahi* «там», *ya* «уже» и др.;

в) лексика, описывающая природу: *monte* «гора», *arbol* «дерево», *bosque* «лес» и пр.

Для «европейской» части:

а) слова для описания городской среды: *instituto* «институт», *universidad* «университет», *comunidad* «сообщество», *doctor* «доктор», *sociedad* «общество», *culturas* «культуры», *linguistas* «лингвисты»;

б) европейские наименования региональных атрибутов: *amazonía* «Амазония», *tribu(s)* «племя/племена», *selva* «лес, сельва», *peruanos* «перуанцы»;

в) лексика, отсылающая к воспоминаниям повествователя, фиксирующая временной промежуток: *año(s)* «год(ы)», *recuerdo* «воспоминание; я помню», *horas* «часы», *meses* «месяцы».

Заключение. Таким образом, можно констатировать, что обе цели нашего исследования – проверка гипотезы о стилистическом двухголосии и метода на способность ее различения – достигнуты. Delta Берроуза безошибочно идентифицирует две параллельные части «Говоруна». «Европейская» часть оказывается стилистически близкой классу документальных текстов и особенно последнему роману «Посвящаю Вам свое молчание», также затрагивающему перуанскую проблематику, изучение автохтонного населения Перу. Вторая часть характеризуется некоторым сходством с тотальными романами на уровне распределения наиболее частотной лексики. Объективными методами фиксируется шаг в сторону усложнения стиля и повествования: на протяжении всех 1980-х гг. Варгас Льюса предпринимал попытки вернуться к прежней поэтике (ср. «Война конца света» [20]), однако лишь эпизодически. Роман «Говорун» служит еще одним свидетельством этой тенденции, которая теперь зафиксирована при помощи Delta Берроуза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мартыненко Г. Я. Основы стилеметрии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.
2. Lutoslawski W. The origin and growth of Plato's logic. London: Longmans, 1897.
3. Kovalev B. V. From Classics to Digital Philology: on the Origin and Growth of Stylometry // *Philologia Classica*. 2024. Vol. 19, № 2. P. 347–360. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu20.2024.211>.
4. Марусенко М. А. Атрибуция анонимных и псевдоанонимных текстов методами теории распознавания образов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990.
5. Андреев В. С. Динамика индивидуального стиля Э. А. По: стилеметрический подход // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2018. Вып. 14. Славянский стих. С. 306–316.
6. Calvo Tello J. Delta inside Valle-Inclán: stylometric classification of periods and groups of his novels // *Romanische Studien*. 2019. № 6. P. 151–163.
7. Ковалев Б. В. О некоторых квантитативных подходах к периодизации поэтических текстов Хорхе Луиса Борхеса // *Terra linguistica*. 2024. Т. 15, № 1. С. 36–48. DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15103>.
8. Двинятин Ф. Н., Ковалев Б. В. Романы Владимира Набокова в контексте русской межвоенной прозы: стилеметрический аспект // *Новый филологический вестн.* 2024. № 1 (68). С. 203–216. DOI: [10.54770/20729316-2024-1-213](https://doi.org/10.54770/20729316-2024-1-213).
9. Aponte Y. M. La oralidad en “El hablador” de Mario Vargas Llosa // *Anuario de estudios filológicos*. 1993. Vol. 16. P. 287–294.
10. Burrows J. Delta: a measure of stylistic difference and a guide to likely authorship // *Literary and Linguistic Computing*. 2002. Vol. 17, iss. 3. P. 267–287. DOI: [10.1093/lc/17.3.267](https://doi.org/10.1093/lc/17.3.267).
11. Gladwin A., Lavin M., Look D. Stylometry and collaborative authorship: Eddy, Lovecraft, and The Loved Dead // *Digital Scholarship in the Humanities*. 2017. № 1 (32). P. 123–140. DOI: [10.1093/lc/fqv026](https://doi.org/10.1093/lc/fqv026).
12. Орехов Б. В. Текст и перевод Владимира Набокова через призму стилеметрии // *Новый филологический вестн.* 2021. № 3 (58). С. 200–213.
13. Алиева О. В. Delta Берроуза для древнегреческих авторов: опыт применения // *ΣΧΟΛΗ*. 2022. Т. 16, № 2. С. 693–705. DOI: [10.25205/1995-4328-2022-16-2-693-705](https://doi.org/10.25205/1995-4328-2022-16-2-693-705).

14. Eder M., Rybicki J., Kestemont M. Stylometry with R: A Package for Computational Text Analysis // R Journal. 2016. Vol. 8/1. P. 107–121.
15. Ковалев Б. В. Delta и «бум»: романы Марио Варгаса Льосы через призму стилиметрии // Литература двух Америк. 2023. № 15. С. 116–141. DOI: <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-15-116-141>.
16. Vargas Llosa M. El hablador. Barcelona: Seix Barral, 1987.
17. Burrows J. All the Way Through: Testing for Authorship in Different Frequency Strata // Literary and Linguistic Computing. 2007. Vol. 22, № 1. P. 27–47. DOI: <https://doi.org/10.1093/lilc/fqi067>.
18. Hoover D. L. The Craig Zeta Spreadsheet // DH2010 2010. URL: <http://dh2010.cch.kcl.ac.uk/academic-programme/abstracts/papers/html/ab-659.html> (дата обращения: 20.02.2025).
19. Schöch Ch. Zeta für die kontrastive Analyse literarischer Texte // Quantitative Ansätze in den Literatur- und Geisteswissenschaften. Systematische und historische Perspektiven / ed. by T. Bernhart, S. Richter, M. Lepper et al. Berlin: De Gruyter, 2018. P. 77–94.
20. Schlickers S. 'Conversacion en la Catedral y La guerra del fin del mundo' de Mario Vargas Llosa: Novela Totalizadora y Novela Total // Revista de Crítica Literaria Latinoamericana. 1998. Vol. 24, № 48. P. 185–211. DOI: <https://doi.org/10.2307/4531003>.

Информация об авторе.

Ковалев Борис Вадимович – ассистент кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7-9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 35 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвопоэтика, стилиметрия, поэтика, квантитативная филология.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 02.04.2025; принята после рецензирования 13.05.2025; опубликована онлайн 22.09.2025.

REFERENCES

1. Martynenko, G.Ya. (1988), *Osnovy stilemetrii* [Fundamentals of stylometry], Izd-vo LGU, Leningrad, USSR.
2. Lutoslawski, W. (1897), *The origin and growth of Plato's logic*, Longmans, London, UK.
3. Kovalev, B.V. (2024), "From Classics to Digital Philology: on the Origin and Growth of Stylometry", *Philologia Classica*, vol. 19, no. 2, pp. 347–360. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu20.2024.211>.
4. Marusenko, M.A. (1990), *Atributsiya anonimnykh i psevdootonimnykh tekstov metodami teorii raspoznavaniya obrazov* [Attribution of anonymous and pseudo-anonymous texts using pattern recognition theory methods], Izd-vo LGU, Leningrad, USSR.
5. Andreev, V.S. (2018), "Dynamics of the individual style of E. A. Poe: a stylometric approach", *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova], no. 14, pp. 306–316.
6. Calvo Tello, J. (2019), "Delta inside Valle-Inclán: stylometric classification of periods and groups of his novels", *Romanische Studien*, no. 6, pp. 151–163.
7. Kovalev, B.V. (2024), "On certain quantitative approaches to periodization of Jorge Luis Borges's Poetry", *Terra linguistica*, vol. 15, no. 1, pp. 36–48. DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15103>.
8. Dvinyatin, F.N. and Kovalev, B.V. (2024), "Novels of Vladimir Nabokov in the context of Russian interbellum prose: stylometric aspect", *The New Philological Bulletin*, no. 1 (68), pp. 203–216. DOI: [10.54770/20729316-2024-1-213](https://doi.org/10.54770/20729316-2024-1-213).
9. Aponte, Y.M. (1993), "La oralidad en "El hablador" de Mario Vargas Llosa", *Anuario de estudios filológicos*, vol. 16, pp. 287–294.
10. Burrows, J. (2002), "Delta": a measure of stylistic difference and a guide to likely authorship", *Literary and Linguistic Computing*, vol. 17, iss. 3, pp. 267–287. DOI: [10.1093/lilc/17.3.267](https://doi.org/10.1093/lilc/17.3.267).

11. Gladwin, A., Lavin, M. and Look, D. (2017), "Stylometry and collaborative authorship: Eddy, Lovecraft, and The Loved Dead", *Digital Scholarship in the Humanities*, no. 1 (32), pp. 123–140. DOI: 10.1093/llc/fqv026.
12. Orekhov, B.V. (2021), "Text and Translation by Vladimir Nabokov through the Prism of Stylometry", *The New Philological Bulletin*, no. 3 (58), pp. 200–213.
13. Alieva, O.V. (2022), "Testing Burrows' Delta on Ancient Greek Authors", *ΣΧΟΛΗ*, vol. 16, no. 2, pp. 693–705. DOI: 10.25205/1995-4328-2022-16-2-693-705.
14. Eder, M., Rybicki, J. and Kestemont, M. (2016), "Stylometry with R: A Package for Computational Text Analysis", *R Journal*, vol. 8/1, pp. 107–121.
15. Kovalev, B.V. (2023), "Delta and "Boom": Novels of Mario Vargas Llosa through the Prism of Stylometry", *Literature of the Americas*, no. 15, pp. 116–141. DOI: <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-15-116-141>.
16. Vargas Llosa, M. (1987), *El hablador*, Seix Barral, Barcelona, ESP.
17. Burrows, J. (2007), "All the Way Through: Testing for Authorship in Different Frequency Strata", *Literary and Linguistic Computing*, vol. 22, no. 1, pp. 27–47. DOI: <https://doi.org/10.1093/llc/fqi067>.
18. Hoover, D.L. (2010), "The Craig Zeta Spreadsheet", *DH2010*, available at: <http://dh2010.cch.kcl.ac.uk/academic-programme/abstracts/papers/html/ab-659.html> (accessed 20.02.2025).
19. Schöch, Ch. (2018), "Zeta für die kontrastive Analyse literarischer Texte", *Quantitative Ansätze in den Literatur- und Geisteswissenschaften. Systematische und historische Perspektiven*, in Bernhart, T., Richter, S., Lepper, M. et al. (eds.), De Gruyter, Berlin, GER, pp. 77–94.
20. Schlickers, S. (1998), "'Conversacion en la Catedral y La guerra del fin del mundo' de Mario Vargas Llosa: novela totalizadora y novela total", *Revista de Crítica Literaria Latinoamericana*, vol. 24, no. 48, pp. 185–211. DOI: <https://doi.org/10.2307/4531003>.

Information about the author.

Boris V. Kovalev – Assistant Lecturer at the Department of Romance Philology, Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 35 scientific publications. Area of expertise: linguapoetics, stylometry, poetics, quantitative philology.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 02.04.2025; adopted after review 13.05.2025; published online 22.09.2025.*

Оригинальная статья

УДК 821.131.1; 82.32

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-4-151-165>

Переводы «Декамерона» Джованни Боккаччо на русский язык: российские и зарубежные публикации

Лоренцо Трампетти

*Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия,
l.trampetti@mpgu.su, <https://orcid.org/0009-0004-1573-0441>*

Введение. История русских переводов «Декамерона», наряду с разбором их достоинств и недостатков, исследуется многочисленными авторами уже давно. Как правило, объектом исследований является изучение и сопоставительный анализ переводов, выполненных А. Н. Веселовским и Н. М. Любимовым, изданных в 1891–1892 и 1970 гг. соответственно, а также переводов, сделанных К. Н. Батюшковым и появившихся, начиная с 1817 г., отдельных новелл из «Декамерона». В настоящей статье представлен анализ современных исследований, посвященных переводам оригинала этого произведения с итальянского языка на русский. Автор предполагает, что их наличие свидетельствует о неугасающем интересе со стороны русскоязычных исследователей и издателей к произведению, имеющему основополагающую роль в зарождении современного романа, и даже может привести к рассмотрению вопроса о создании нового русского перевода, учитывающего выводы современных анализов.

Методология и источники. Основной метод исследования, использованный при анализе литературы, – сопоставительный анализ текстов оригинала «Декамерона» и его русских переводов. Предпочтение отдавалось исследованиям, проведенным с лингвистической и стилистической точек зрения.

Результаты и обсуждение. Созданные в совершенно разные эпохи главные русские переводы «Декамерона» сильно отличаются и по стилю. На основе обзора существующей литературы можно заметить, что как буквалистский перевод Веселовского, так и художественные переводы Батюшкова и Любимова, при всем их высоком качестве, не всегда в полной мере передают богатый текстовый и смысловой фон оригинала.

Заключение. В заключение анализа утверждается, что будущие исследования, предполагающие гипотетический новый перевод «Декамерона», должны среди прочего сосредоточиться на возможности передать очень важную черту оригинала, а именно метрическую структуру, характерную для риторики Средневековья.

Ключевые слова: Декамерон, Дж. Боккаччо, перевод, итальянский, К. Н. Батюшков, А. Н. Веселовский, Н. М. Любимов

Для цитирования: Трампетти Л. Переводы «Декамерона» Джованни Боккаччо на русский язык: российские и зарубежные публикации // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 4. С. 151–165. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-151-165.

© Трампетти Л., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Giovanni Boccaccio's "Decameron" Translated into Russian: A Review of Russian and non-Russian Studies on the Topic

Lorenzo Trampetti

*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia,
l.trampetti@mpgu.su, <https://orcid.org/0009-0004-1573-0441>*

Introduction. The history of Russian translations of "Decameron", along with an analysis of their merits and demerits, has been investigated by numerous authors for several years now. Usually, this research focuses on the comparative analysis of translations by A. Veselovsky and N. Lyubimov, published in 1891–1892 and 1970 respectively, as well as K. Batyushkov's translations, appeared from 1817 onwards, of individual stories from the "Decameron". The present article analyses modern studies devoted to translations of the original text of the "Decameron" from Italian into Russian. The assumption is that their existence testifies to the unceasing interest of Russian-speaking academics and publishers in a work that was seminal in the emergence of the modern novel and may even lead to considering the creation of a new Russian translation that incorporates the findings of recent analyses.

Methodology and sources. The approach used in the literature analysis was comparative analysis of the texts of the original "Decameron" and its Russian translations. Preference was given to studies conducted from linguistic and stylistic points of view.

Results and discussion. Belonging to different periods, existing translations also reflect different approaches. According to a survey of the existing literature, both Veselovsky's literalist translation and the creative translations of Batyushkov and Lyubimov, for all their merits, do not always fully convey the rich textual and semantic background of the original.

Conclusion. The analysis concludes by arguing that future research involving a hypothetical new translation of the "Decameron" should focus, among other things, on the ability to convey its metrical structure, a characteristic of Medieval rhetoric.

Keywords: Decameron, G. Boccaccio, translation, Italian, K. N. Batyushkov, A. N. Veselovsky, N. M. Lyubimov

For citation: Trampetti, L. (2025), "Giovanni Boccaccio's "Decameron" Translated into Russian: A Review of Russian and non-Russian Studies on the Topic", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 4, pp. 151–165. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-151-165 (Russia).

Введение. История переводов знаменитого сборника новелл «Декамерон», созданного между 1349 и 1351 г. итальянским писателем Джованни Боккаччо (1313–1375), уходит корнями в далекое прошлое. Переводы на различные европейские языки появились в западной Европе лишь через несколько десятилетий после создания оригинала: в 1429 г. на каталонский; около 1476 г. на немецкий; в 1485 г. (но завершён уже в 1411–1414 гг.) на французский; в 1496 г. на кастильский; в 1620 г. на английский [1, р. 500; 2, р. 151–152]. Также в XIV–XV вв. переводы отдельных новелл «Декамерона» на латинский язык были сделаны такими итальянскими писателями, как Франческо Петрарка (1304–1374), Леонардо Бруни (1370–1444), Филиппо Бероальдо (1453–1505) и др. [2, р. 155]. Переводы сыграли важную роль в росте популярности и распространении «Декамерона» не только в западной, но и в восточной Европе: появление в Богемии и Польше в XVI в. переводов некоторых новелл свиде-

тельствует о том, что его популярность немедленно вышла из рамок «латинской» Европы (хотя именно на латинских переводах и основывались переводы на чешский и польский языки) [3, р. 308; 4, р. 269]. Литературные произведения на русском языке, напоминающие мотивы «Декамерона», появлялись, начиная с XVII в. Однако русских переводов «Декамерона» раньше XIX в. не было. Инициатором серии можно считать русский перевод новелл Х и I дня о Гримальде и «моровой заразе» во Флоренции, сделанный Константином Николаевичем Батюшковым (1787–1855) около 1816 г. и появившийся в «Опытах в стихах и прозе» (1817 г.) и «Соревнователе просвещения и благотворения» (1819 г.) соответственно [5; 6; 7, р. 165–166; 8, с. 187]. А первый полный русский перевод «Декамерона» был сделан филологом-итальянистом Александром Николаевичем Веселовским (1838–1906) и издан в двух томах в 1891 и 1892 г. в типолитографии Товарищества «И. Н. Кушнеревъ и К^о» [9; 10; 11, с. 42; 8, с. 189]. Филологически верный, до сих пор пользующийся большим авторитетом, перевод Веселовского, по словам Томашевского (1970), «надолго определил подход не только к последующим переводам “Декамерона”, но и вообще всей итальянской новеллистики эпохи Возрождения» [12, с. 663]. После издания Веселовского появились многочисленные переводы как отдельных новелл, так и произведения целиком, которые так или иначе придерживались его манеры [8, с. 190]. Надо упомянуть и сборник «Декамерон. Избранные новеллы Джованни Боккаччо в переводе русских писателей» (1897 г.), содержащий переводы отдельных новелл «Декамерона» Н. И. Шульгина, З. Н. Журавской, В. В. Чуйко и самого Веселовского, а также уже упомянутый Томашевским (1970) полный перевод Л. И. Солововой (2-е изд. 1912 г.) и полный перевод под редакцией С. С. Трубачева (1898 г.) [13–15; 12, с. 663]. Но подробных исследований по этим переводам не наблюдается. Второй, главный по популярности русский перевод «Декамерона», выполнен советским переводчиком Николаем Михайловичем Любимовым (1912–1992), он был издан в 1970 г. [16; 8, с. 191]. Перевод Любимова в целом соответствует принципам советской школы творческого перевода и является абсолютно не буквалистским.

Личности Боккаччо в России посвящаются выставки, конференции, спектакли, исследования. Также стоит отметить наличие тематических сайтов, связанных с его творчеством, например сайт, созданный в рамках проекта «Дж. Боккаччо в русской словесности и культуре» [17, с. 9; 18]. В 2000-е гг. появилось несколько работ, анализирующих русские переводы «Декамерона», – безусловно, самого известного труда Боккаччо. Рассмотрение этих работ и является предметом нашей статьи.

Методология и источники. Основной метод исследования, использованный в нашем обзоре, – сопоставительный анализ текстов оригинала «Декамерона» Боккаччо и его переводов с итальянского языка на русский. Предпочтение отдавалось тем исследованиям, которые были проведены с лингвистической и стилистической точек зрения. Изучение работ, посвященных русским переводам «Декамерона», позволило составить представление об актуальном состоянии исследований на эту тему; выявить общие положения и открытые вопросы в работах разных авторов; предложить подход к будущим исследованиям. Все это было сделано с учетом возможности создания в будущем нового перевода «Декамерона», хотя следует уточнить, что цель настоящей работы – не стимулировать его, а предотвратить любые недостатки, показав, чего не хватает в существующих переводах.

Результаты и обсуждение. Основополагающим для изучения творчества, языка и стиля Боккаччо, а следовательно, и переводов его произведений, остается труд “*Vossaccio medievale*” (1-е изд. 1956 г.) главного в Италии исследователя творчества Боккаччо, филолога Vittore Branca (1913–2004) [19]. Большинство работ, посвященных русским переводам «Декамерона», содержат ссылки на эту фундаментальную работу, а точнее, на ее русский перевод, вышедший в 1983 г. под названием «Боккаччо средневековый» [20]. Большой заслугой Branca в сотрудничестве с итальянским филологом Pier Giorgio Ricci (1912–1976) было однозначное атрибутирование в 1962 г. Боккаччо манускрипта «Декамерона», датированного примерно 1370 г., хранящегося сейчас в Берлинской государственной библиотеке с примечанием “Hamilton 90” [21]. Эта рукопись стала основой для современных изданий «Декамерона» в оригинале, по крайней мере после 1976 г., когда он был издан под редакцией Branca, и опирались по большей части на Hamilton 90 [22]. Существуют и изучаются и другие рукописи «Декамерона». Упомянем здесь хранившуюся во флорентийской Библиотеке Лауренциана, известную по примечанию “Pluteo 42.01”, скопированную в 1384 г. филологом Francesco d’Amaretto Mannelli (1356 или 1357 – между 1427 и 1433) [23; 24, p. 10]. Эту рукопись среди прочих изучал итальянский филолог Pietro Fanfani (1815–1879), который составил текст для двухтомного издания «Декамерона», вышедшего под его редакцией в 1857 г. [25, p. XV–XXXI; 26]. Именно на тексте Fanfani основан перевод Веселовского согласно его утверждению во введении к работе «Боккаччо, его среда и сверстники» (I том изд. в 1893 г.; II том изд. в 1894 г.) [27, с. V]. Монументальный двухтомный труд Веселовского, как и труд Branca (1956), упоминается в различных рассмотренных нами работах, посвященных творчеству Боккаччо, и представляет собой солидный обзор на русском языке жизни и творчества итальянского автора, а также содержит примечания самого Веселовского к его переводу «Декамерона» [27, 28].

Рассмотрение начнем с обсуждения статьи **Михаила Леонидовича Андреева** «Два русских “Декамерона”», которая посвящена переводам Веселовского и Любимова, опубликованной в 2019 г. [11]. На наш взгляд, эта работа представляет собой один из самых значимых вкладов в рассматриваемое нами исследование. При сопоставлении отрывков из текстов оригинала и переводов Андреев изучает стилистические особенности и показывает, что переводы Веселовского и Любимова характеризуются во многом противоположными подходами. Андреев подчеркивает «буквалистский» характер перевода Веселовского (также цитируя отклики, которые сопровождали перевод в момент его выхода), соблюдение синтаксиса оригинала, его несомненные литературные достоинства. Также автор отмечает тот факт, что перевод Веселовского, хотя и выполнен в XIX в., регулярно переиздается до наших дней. Что касается перевода Любимова, Андреев упоминает традицию советского творческого перевода, предлагая точный и мотивированный комментарий к некоторым решениям знаменитого советского переводчика [11, с. 38, 41, 46]. Если в переводе Веселовского в основном сохранены синтаксическая последовательность и грамматическая конструкция оригинала (хотя и при отдельных стилистических погрешностях), то в переводе Любимова указанные моменты по большей части игнорируются. Что касается стиля, согласно Андрееву, Любимов пытался искусственно состарить язык перевода, употребляя русский литературный язык XIX–XX вв. [11, с. 47]. В целом, строгого обсуждения недостатков переводов Ве-

селовского и Любимова в статье Андреева нет. Автор лишь отмечает, что «оба перевода нашли место в современном книгоиздательском пространстве и, следовательно, как можно предположить, ориентированы на разные категории читателей» [11, с. 38]. Перевод «слово в слово» Веселовского, сохранивший не только стиль, но и синтаксис оригинала, сам стал литературным произведением, не имеющим, согласно Андрееву, аналогов в русской литературе [11, с. 47]. А перевод Любимова, сделанный на характерном для русских произведений XIX–XX вв. языке, фактически интегрировал «Декамерон» в уже известную русскоязычному читателю художественную традицию и не вызывает у него отторжения даже из-за потери идентичности с оригиналом. Иными словами, согласно демаркации (цитируемого Андреевым) Гаспарова (1971), из двух переводов именно перевод Веселовского приближает читателя к оригиналу [29, с. 110–113; 11, с. 47]. Тем не менее между двумя переводами установился оптимальный баланс, поскольку новый вариант не превзошел старый.

Особо важным, на наш взгляд, является в статье Андреева упоминание (почти отсутствующее в исследованной нами русскоязычной литературе) о наличии в тексте «Декамерона» *курсусов*, в частности *cursus planus* и *cursus velox*. Речь идет о метрических правилах, которым в рамках классической риторической традиции должны были соответствовать заключительные слова предложений. Эти правила исходили из «искусства диктовки» (*ars dictandi*), широко распространившейся в Средние века в нотариально-эпистолярной сфере и постепенно перешедшие и на художественную литературу, приведя к появлению версифицированной ритмизованной прозы [30; 19, р. 58]. Как показал Branca (1970), данный прием в полной мере использует Боккаччо (большой знаток античной литературы с молодых лет) в своих произведениях, в том числе в «Декамероне» [19, р. 49–50]. Ведь, как отметили Manni (2016) и Mondani (2020), «Декамерон» был создан для устного исполнения: он содержит прямую речь и диалоги и предназначен для декламации [31, р. 133; 32, р. 56]. Андреев рассматривает переводы фрагмента из начала «Декамерона», стиль которого, как уже показал Branca (1970) и подтвердила Mondani (2020), характеризуется частым употреблением *курсуса planus*, подчеркивающего торжественность введения [19, р. 50–51; 32, р. 56]. Как показал Андреев, Любимов пытался передать ритм оригинала Боккаччо путем употребления инверсии. А в переводе Веселовского эта попытка, по всей видимости, отсутствует. Изучение течения речи в переводе «Декамерона» Любимовым проведено Лозинской (2001), работа которой будет проанализирована в заключительной части настоящей статьи [33].

В продолжение нашего обзора надо упомянуть статью **Александра Владимировича Калашникова** 2013 г. «Новелла о Гризельде из “Декамерона” в русских переводах (к 700-летию со дня рождения Дж. Боккаччо)» [34]. В ней заслуживает внимания введение, содержащее подробные справки о жизни Боккаччо, «Декамероне» и его переводах на русский, о творчестве переводчиков. Анализ Калашникова концентрируется на переводах текста новеллы о пастушке Гризельде (10-я новелла X дня), о которой мы упоминали во введении настоящей работы, сделанных Батюшковым, Веселовским и Любимовым. Новелла о Гризельде – заключительная в «Декамероне» и, как отмечает Калашников, она сильно отличается своей трагичностью от остальных [34, с. 45, 47]. По предположению автора, наличие в текстах Батюшкова и Любимова некоторых выражений (фразеологизмов, просторечий, эмоционально устойчивых сочетаний), стилистически не соответствующих аналогичным элементам в оригинале, делает переводы не-

точными. В буквалистском переводе Веселовского, напротив, таких выражений не так много. Калашников отмечает, что переводы Батюшкова и Любимова «не исказили текст Боккаччо, но при этом русские тексты отличаются, что может считаться менее приемлемым для перевода памятника итальянской литературы» [34, с. 52].

Калашников провел анализ путем рассмотрения и комментирования отдельных слов и конструкций из переводов. Автор также принял во внимание чисто редакторские факты, такие как количество слов и предложений в каждом из трех анализируемых переводов. В переводе Батюшкова Калашников выделил большое количество предложений, что и отличает его от переводов Веселовского и Любимова, а также наличие вставок и пояснений в скобках и присутствие дополнительных устойчивых выражений [34, с. 48–49, 51]. При этом Калашников сопровождает каждое замечание примерами из текста (в котором автор выделял характеристики русского языка начала XIX в.: он отмечает употребление Батюшковым слова *sue* и оборота *муза петраркова*), а также выделяет наличие сочетаний типа «существительное + прилагательное», которые, по его мнению, «создают впечатление сказочного повествования» и придают «древнерусские, характерные для русских сказок звучание и певучесть» [34, с. 48]. Относительно использованных Батюшковым фразеологизмов (не всегда соответствующих оригиналу) автор отмечает, что они зафиксированы в словаре М. И. Михельсона и содержатся в Толковом фразеологическом словаре; по его предположению, это «говорит о том, что текст перевода современен и понятен нынешним читателям, хотя и создан в начале XIX века» [34, с. 51]. Что касается переводов Веселовского и Любимова, Калашников указывает на наличие 82 предложений в первом и 119 во втором; в переводе Веселовского автор отмечает использование устаревшей лексики, а также буквалистского стиля, что и приводит, по его мнению, к «некоторым искажениям» (например, в отношении фразы «*заялась приготовлением кухни*, в которой кухня понимается как пища») [34, с. 49]. Автор отмечает, что перевод Веселовского, хотя и более дословный и академичный, оказался ближе к оригиналу в целом, а также, что в нем, «как и следует буквальному переводу, переданы лишь те [фразеологизмы], которые упоминаются в оригинале» [34, с. 52]. А в переводе Любимова Калашников подчеркивает характерную «разговорно-эмоциональную окраску», не всегда совпадающую с подлинником, также указывает на присутствие дополнительных устойчивых выражений. Автор выделяет в нем наибольшее число разговорных выражений среди проанализированных им переводов. Его мнение по этому поводу довольно точно: «Не исключая возможности добавления фразеологизмов, следует признать, что введение элементов, отсутствующих в оригинале, не желательно» [34, с. 51–52]. Хотя статья Калашникова основана на анализе только одной из новелл «Декамерона», она заслуживает внимания благодаря своей обширности и богатству информации, и можно предположить, что она дает довольно четкое представление о работе трех основных переводчиков «Декамерона».

Переводу новеллы о Гризельде, сделанному Батюшковым, посвящена статья **Марии Сергеевны Петровой** 2015 г. «К. Н. Батюшков как переводчик Боккаччо: “Новелла о Гризельде”» [35]. По словам автора, ее статья вводит новые данные в дискуссию о характеристике стиливой принадлежности произведений Батюшкова – как поэтических, так и прозаических. Напомнив о малоизученном в литературоведении творчестве Батюшкова как переводчика и поставив несколько вопросов об уместности сопоставления прозы Батюшкова с «предроман-

тизмом», Петрова объявляет о цели своей работы: проанализировать путем сопоставления текстов «особенности литературной манеры Батюшкова, характерной для перевода Боккаччо на русский язык» [35, с. 201]. Хотя вопрос об откликах «батюшковедов» на эту статью выходит за рамки нашей дискуссии, однако вклад статьи в изучение русских переводов «Декамерона» неоспорим. Петрова выделила усиление у Батюшкова упоминаний (чаще всего немаркированных в оригинале) о бедности главной героини Гризельды с целью придать бедности «добродетельный» характер и противопоставить ее «порочному» богатству. Однако это было сделано Батюшковым за счет некоторых несоответствий в переводе с оригиналом новеллы. В частности, Петрова выделяет в его переводе такие особенности стиля, как «антитеза “честной бедности” и “порочного богатства”», «совершенно не свойственные боккачиевской прозе эпитеты», «сгущение эмоционального фона», «удаление из текста натуралистических подробностей и “грубостей”», «использование славянизмов; постпозиция прилагательного» [35, с. 211]. Несколько страниц статьи уделены сравнению отрывков из оригинала Боккаччо и перевода Батюшкова. Так, было показано, среди прочего, что у Батюшкова бедность Гризельды подчеркивается неоднократным использованием прилагательного *бедная*, даже там, где его нет в оригинале, иногда в сопровождении наречия *очень*; вводится принцип отшельничества, хотя в оригинале его нет; хижина отца Гризельды становится еще и «низкой»; и многое другое [35, с. 203]. Петрова также выделяет повторное использование слова *рубище*, которое, по ее замечанию, в русском языке имеет точную коннотацию, указывающую на нищету. И это тоже контрастирует с редакцией Боккаччо, где описание Гризельды явно более мягкое [35, с. 204]. Петрова отмечает введение Батюшковым целых предложений, отсутствующих в оригинале; наличие комментария от первого лица; подчеркивание различных качеств главной героини (если в оригинале она проявляет обычную стыдливость, то в переводе она может сильно краснеть или преображаться от сильных эмоций, а также приобретать «ангельские» черты); эмфатическое описание других персонажей, помимо Гризельды [35, с. 204–207]. В целом, как показано Петровой, в переводе Батюшкова текст Боккаччо приобретает дидактический и морализаторский характер, и даже игривая концовка оригинала сменяется дидактическим финалом [35, с. 210]. В заключение анализа Петрова подчеркивает роль перевода Батюшкова в зарождении русско-итальянских литературных связей и интерес, который он вызвал у итальянских ученых. В подтверждение того, что этот интерес сохраняется до сих пор и среди нерусскоязычных ученых, можно привести работу на итальянском языке **Stefano Garzonio** 2014 г. “*Alcune considerazioni su Konstantin Batjuškov traduttore di Boccaccio*” (в нашем переводе: «Некоторые соображения о Константине Батюшкове, переводчике Боккаччо»), посвященную переводу Батюшковым новеллы о Гризельде, а также описания «моровой заразы» во Флоренции [7]. Анализ проводится путем сопоставления отрывков текстов оригинала и переводов его на русский; однако к этому добавляются историко-литературные ссылки, а также цитаты из писем Батюшкова к Николаю Ивановичу Гнедичу (1784–1833). В переводе новеллы о Гризельде, помимо моментов, отмеченных Калашниковым и Петровой (наличие элементов, не соответствующих оригиналу Боккаччо; введение патетических и сентиментальных выражений), Garzonio выделяет упрощение и адаптацию оригинала к прозе эпохи Батюшкова; введение прямой речи; акцентирование элементов сентиментального характера [7, р. 167–170]. Что касается перевода описания эпидемии во Флоренции, Garzonio

подчеркивает в ней отход Батюшкова, в силу разницы в тематике, от сентиментализма раннего романтизма и переход автора к определенному психологическому и художественному историзму, свойственному пушкинской художественной зрелости [7, р. 170]. Статья Garzonio, хотя и рассматривает переводы Батюшкова скорее с литературоведческой, чем с переводческой точки зрения, тем не менее содержит ссылки на переводческие решения русского поэта в строгом смысле этого слова; следовательно, работа с полным основанием может учитываться при обсуждении вопросов, связанных с русскими переводами «Декамерона».

В завершение обзора рассмотрим работы «Боккаччо русский и Боккаччо средневековый (к вопросу о передаче стилистических особенностей “Декамерона” в переводе Н. Любимова)» **Евгении Валентиновны Лозинской** и «Произведения Дж. Боккаччо в русских пересказах и перевода XVIII–XX вв.» **Ирины Валентиновны Соболевой**, появившиеся в 2001 и в 2015 г. соответственно [33, 8]. Их совместный анализ объясняется тем, что они представляют собой определенное сходство при рассмотрении русских переводов «Декамерона», включая тот факт, что в обеих обсуждается вопрос о наличии в оригинале двух стилистических линий, а также о том, удалось ли сохранить ритм оригинала в русских переводах.

Лозинская (2001) сфокусировала свой анализ на переводе Любимова. Большое внимание в ее статье уделено вопросу о ритме «Декамерона» и передаче его в переводе. Опираясь на исследования Branca (1956), Лозинская ссылается на рассмотренное нами понятие курсусов, а точнее «излюбленных Боккаччо» курсусов «ровного» (*planus*) и «ускоренного» (*velox*), активное использование которых определяет ритмическую структуру текста «Декамерона» [33, с. 452]. В целом, внимание Лозинской к этому важнейшему (и упущенному в русскоязычной литературе на тему русских переводов «Декамерона») риторическому приему заслуживает уважения; однако остается не совсем ясным, что имеет в виду автор, утверждая, что излюбленные Боккаччо курсусы – *planus* и *velox* – (курсив наш) «представляют для переводчика определенную сложность, поскольку процент слов с женскими окончаниями, *использование которых необходимо в этих случаях*, несколько ниже в русском, чем в итальянском языке» [33, с. 452]. Лозинская отмечает, что в переводе Любимова ритм текста «создается за счет спорадического использования мужских клаузул или – в некоторых периодах – последовательно выдержанного чередования мужских и женских окончаний» [33, с. 452]. Хотя Лозинская признает, что сохранение ритма «Декамерона» в переводе – задача не из легких, автор отмечает, что в переводе Любимова течение речи иное, чем в оригинале: «вместо “ровного” или “ускоренного”, но плавного течения речи, возникает ощущение ее прерывистости» [33, с. 452]. Далее исследователь пишет, что инверсии, используемые в оригинале для «усиления эмоционального эффекта высказывания», употребляются Любимовым «в иных, по сравнению с оригиналом, местах и, в целом, служат для подчеркивания ритма, а не смысла»; а передача рифм (которые, как напоминает Лозинская, используются Боккаччо особенно в тех случаях, когда автор не стремится к созданию комического эффекта) в переводе Любимова полностью игнорируется [33, с. 452].

Что касается стиля перевода, Лозинская (хотя и признавая способность Любимова передать на современном русском языке живость итальянской народной речи) отмечает некоторые несоответствия с оригиналом, а точнее, введение Любимовым просторечных оборотов в новеллы, в которых они неуместны, а также нехватку в передаче диалектальных обо-

ротов (например, венецианского и сиенского) [33, с. 452]. Вопрос о передаче в русских переводах «Декамерона» народного итальянского языка XIV в. и диалектов заслуживает дальнейшего изучения, поскольку текущие исследования показывают, что в существующих переводах не всегда эффективно передаются многочисленные социокультурно и топографически маркированные высказывания героев Боккаччо; например, Траппетти (2024) показывает, что переводы Веселовского и Любимова 4-й новеллы VI дня, при всех их достоинствах, содержат некоторые неточности при передаче отдельных моментов, указывающих на происхождение главного героя, венецианского повара Chichibìo [36, с. 41–45].

В заключение анализа Лозинская утверждает, что текст перевода Любимова, «при всех несомненных достоинствах [...], оказался более нейтральным в стилистическом отношении, чем оригинал. Контраст двух начал – высокого и низкого – отражающий на уровне стилистики представление о двоemiрии, проявляется менее ярко, и “русский” Боккаччо сделался чуть менее “средневековым”, чем “итальянский”» [33, с. 452].

Вопрос о стиле (тоже опираясь на труды Branca (1956)) ставит и Соболева (2015), которая также предлагает краткий обзор истории знакомства русскоязычного читателя с творчеством Боккаччо. При сравнении переводов Веселовского и Любимова Соболева выделяет, среди прочего, включение Любимовым стилистически не соответствующих русских выражений там, где Боккаччо использовал высокую итальянскую лексику, в то время как Веселовский старался сохранить высокий стиль оригинала, используя подходящие по торжественности стиля русские термины [8, с. 191–193]. Соболева также уделяет внимание русским переводам стихов в конце I дня «Декамерона», выполненным П. И. Вейнбергом (в рамках перевода Веселовского) и Ю. Б. Корнеевым (в рамках перевода Любимова), показывая, что перевод Вейнберга верен оригиналу, а перевод Корнеева отходит от него [8, с. 193]. В заключение статьи Соболева прямо заявляет, что перевод Любимова (и стихи в переводе Корнеева) «сделан более современным языком, он легче читается и, вероятно, более доступен современному читателю» [8, с. 193–194]. Однако, по мнению автора, когда речь идет о произведении XIV в., которое до сих пор воспринимается носителями итальянского языка как классика итальянской литературы, модернизирующий перевод Любимова не совсем правомерен: «Признавая неоспоримые достоинства перевода Н. М. Любимова, мы все же полагаем, что перевод А. Н. Веселовского и по сей день непревзойденный образец перевода на русский язык “Декамерона”» [8, с. 193–194]. Позиция Соболевой, безусловно, заслуживает внимания, но ее отчасти опровергает публикация двух переработок «Декамерона» на современном итальянском языке: первая – в 2004 г. итальянским писателем Aldo Busi, вторая – в 2012 г. итальянским писателем Luciano Corona [37, 38]. Если вторая версия выглядит как чисто буквалистский перевод на современный итальянский язык для «удобства» сегодняшнего носителя (средневековый итальянский настолько отличается от современного на синтаксическом и грамматическом уровнях, что его не так просто понимать сегодняшним читателем), то первое, содержащее свойственные современности элементы и выражения, несомненно, неизвестные во времена Боккаччо, представляется как адаптация оригинала к канонам современного общества [39, р. 57]. Ведь, как видно из рассмотренной литературы, это именно то, что сделали Батюшков и Любимов.

Заключение. В результате изучения существующей литературы на тему русских переводов «Декамерона» мы пришли к следующим выводам:

Переводы «Декамерона» Джованни Боккаччо на русский язык: российские и зарубежные публикации 159
Giovanni Boccaccio's "Decameron" Translated into Russian: A Review of Russian and non-Russian Studies...

– в одной работе (Калашников, 2013) подробно рассматриваются переводы всех трех основных переводчиков «Декамерона»: К. Н. Батюшкова (изд. в 1817–1819 гг.), А. Н. Веселовского (изд. в 1891–1892 гг.), Н. М. Любимова (изд. в 1970 г.);

– в трех работах (Андреев, 2019; Соболева, 2015; Трампетти, 2024) рассматриваются, в частности, переводы Веселовского и Любимова;

– в двух работах (Garzonio, 2014; Петрова, 2015) рассматривается (частичный) перевод только Батюшкова;

– в одной работе (Лозинская, 2001) рассматривается перевод только Любимова.

Исходя из того, что было показано, а также для того, чтобы заложить основу для дальнейших исследований на эту тему, считаем необходимым высказать наше мнение о том, в каком направлении они должны развиваться. Если рассматривать «русский Декамерон» с чисто литературно-исторической точки зрения, то интерес представляют все переводы. Перевод Батюшкова дает возможность оценить способности автора как переводчика и, хотя текст передан не полностью, литератор в определенной степени придал традиции переводов «Декамерона» в России «институциональный» характер (причем в особенной «предромантической» форме). Перевод Веселовского фактически создал произведение, отсутствовавшее в русской литературе до его появления. Перевод Любимова открыл «Декамерон» массовой публике. Если рассматривать «русский Декамерон» в рамках лингвистического сопоставительного анализа существующих русских переводов (возможно, и в перспективе создания нового перевода), то следует учитывать тот факт, что переводы Батюшкова и Любимова отличаются от оригинала по стилю: у Батюшкова это стиль раннего романтизма, у Любимова – русского литературного языка XIX–XX вв. Напомним, что упрощения и адаптации «Декамерона» происходят и в наши дни в Италии, родной стране Боккаччо. Хотя они неизбежно вызывают споры у определенной части читающей публики, тем не менее интересно наблюдать за стремлением современных авторов вдохнуть новую жизнь в произведение, которое уже во времена Боккаччо и в последующие века стало «поп-феноменом». Как можно прочесть в предисловии к современным изданиям «Декамерона» под редакцией V. Branca, в шедевре Боккаччо настоящим главным героем является само общество. Действительно, именно общество со всеми его обычаями, известными в те времена личностями, пороками, ценностями, лежит в основе новелл «Декамерона». На наш взгляд, любой новый перевод «Декамерона», на каком бы языке он ни был сделан, всегда должен учитывать это и уметь сочетать различные аспекты, такие как особенности средневекового языка оригинала и современного языка, на который осуществляется перевод; особенности итальянского общества XIV в. и современного общества; наличие в оригинале репрезентации различных итальянских диалектов и отсутствие аналогов в других языках.

Мы считаем, что в будущих исследованиях по существующим русским переводам необходимо больше внимания уделять вопросам ритма оригинала и успешности передачи его в переводах. «Декамерон» – произведение, созданное для устного воспроизведения и в некотором смысле предназначенное для декламации, поэтому вопрос о сохранении его богатого риторического инструментария нельзя игнорировать, как нельзя его игнорировать и при новом переводе произведения на русский язык, если это произойдет в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wright H. G. The First English Translation of the "Decameron" // *The Modern Language Review*. 1936. Vol. 31, № 4. P. 500–512.
2. Viet N. Le Decameron et ses premiers traducteurs européens (1411–1620): état des lieux d'un malentendu international // *Réforme, Humanisme, Renaissance*. 2018. Vol. 2, № 87. P. 147–170. DOI: 10.3917/rhren.087.0147.
3. Cronia A. La fortuna del Boccaccio nella letteratura céca (con saggio bibliografico) // *Lettere Italiane*. 1954. Vol. 6, № 3. P. 296–309.
4. Myszalska J. La fortuna spicciolata del "Decameron" in Polonia // *Studi sul Boccaccio*. 2014. Vol. 42. P. 269–290.
5. Батюшков К. Н. Гризельда. Повесть из Боккаччо // *Опыты в стихах и прозе / под общ. ред. Д. Д. Благого*. М.: Наука, 1977. С. 165–175.
6. Батюшков К. Н. Морская зараза во Флоренции (Из Боккаччо) / *Сочинения: в 2 т. Т. 1*. М.: Художественная литература, 1989. С. 327–331.
7. Garzonio S. Alcune considerazioni su Konstantin Batjuškov traduttore di Boccaccio // *Kesarevo Kesarju: Scritti in Onore di Cesare G. De Michelis*. Firenze: Firenze Univ. Press, 2014. P. 165–174. DOI: 10.1400/221145.
8. Соболева И. В. Произведения Дж. Боккаччо в русских пересказах и переводах XVIII–XX вв. // *Дж. Боккаччо в отечественной и мировой культуре: сб. статей к 700-летию со дня рождения / под ред. М. С. Самариной, Л. В. Богатыревой*. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной акад., 2015. С. 182–198.
9. Боккаччо Дж. Декамерон. Т. 1 / пер. А. Н. Веселовского. М.: Т-во И. Н. Кушнерев и К°, 1891.
10. Боккаччо Дж. Декамерон. Т. 2 / пер. А. Н. Веселовского. М.: Т-во И. Н. Кушнерев и К°, 1892.
11. Андреев М. Л. Два русских «Декамерона» // *Шаги/Steps*. 2019. Т. 5, № 3. С. 38–50. DOI: 10.22394/2412-9410-2019-5-3-38-50.
12. Томашевский Н. Б. Примечания // *Боккаччо Дж. Декамерон / пер. с итал. Н. М. Любимова; под ред. Н. Б. Томашевского*. М.: Художественная литература, 1970. С. 661–688.
13. Боккаччо Дж. Декамерон. Избранные новеллы Джованни Боккаччо в переводе русских писателей / под ред. П. В. Быкова. СПб.: Герман Гоппе, 1897.
14. Боккаччо Дж. Декамерон. Сто новелл / пер. Л. И. Соколовой. М.: Типография А. П. Поплавского, 1912.
15. Боккаччо Дж. Декамерон. Полное собрание ста новелл / пер. под ред. С. С. Трубачева. СПб.: Типография брат. Пантелеевых, 1898.
16. Боккаччо Дж. Декамерон / пер. с итал. Н. М. Любимова; под ред. Н. Б. Томашевского. М.: Художественная литература, 1970.
17. Самарина М. С., Богатырева Л. В. Об изучении феномена Дж. Боккаччо в русской культуре: современные исследования // *Дж. Боккаччо в отечественной и мировой культуре: сб. статей к 700-летию со дня рождения / под ред. М. С. Самариной, Л. В. Богатыревой*. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной акад., 2015. С. 5–16.
18. Дж. Боккаччо в русской словесности и культуре // *Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского*. URL: <https://boccaccio.rhga.ru/> (дата обращения: 30.01.2025).
19. Branca V. Boccaccio medievale: nuova ed. accresciuta; terza ed. Firenze: G. C. Sansoni Editore, 1970.
20. Бранка В. Боккаччо средневековый / пер. с итал. и комм. Н. Елиной, С. Прокоповича, Г. Шеймана. М.: Радуга, 1983.
21. Decameron: Ms. Ham. 90, 1370 // *Staatsbibliothek*. URL: <http://resolver.staatsbibliothek-berlin.de/SBB0000A07E00000000> (дата обращения: 30.01.2025).

22. Boccaccio G., Decameron: ed. critica secondo l'autografo hamiltoniano. Firenze: Accademia della Crusca, 1976.
23. Plut. 42.01. // Biblioteca Medicea Laurenziana. URL: <https://cdm21059.contentdm.oclc.org/digital/collection/plutei/id/493080> (дата обращения: 30.01.2025).
24. Fiorilla M. Per il testo del "Decameron" // L'Elisse. 2010. № 5. P. 9–38. DOI: 10.48255/1571.
25. Boccaccio G. Il Decameron di messer Giovanni Boccacci; riscontrato co' migliori testi e postillato da Fanfani, P. Vol. primo. Firenze: Le Monnier, 1857.
26. Boccaccio G. Il Decameron di messer Giovanni Boccacci; riscontrato co' migliori testi e postillato da Fanfani, P. Vol. secondo. Firenze: Le Monnier, 1857.
27. Веселовский А. Н. Боккаччо, его среда и сверстники. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893.
28. Веселовский А. Н. Боккаччо, его среда и сверстники. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1894.
29. Гаспаров М. Л. Брюсов и буквализм (по неизданным материалам к переводу «Энеиды») // Мастерство перевода. Сб. 8. М.: Сов. писатель, 1971. С. 88–128.
30. Ars dictaminum // Enciclopedia Treccani. URL: <https://www.treccani.it/enciclopedia/ars-dictaminum/> (дата обращения: 30.01.2025).
31. Manni P. La lingua di Boccaccio. Bologna: Il Mulino, 2016.
32. Mondani P. Ad alta voce: l'essenza fonico-acustica e gestuale del cursus nel Decameron // Intorno a Boccaccio/Boccaccio e dintorni 2019: Atti del Seminario int. di studi, Certaldo Alta, Casa di Giovanni Boccaccio, 12–13 Settembre 2019 // Firenze Univ. Press. Florence, 2020. P. 53–76. DOI: 10.36253/978-88-5518-236-2.04.
33. Лозинская Е. В. Боккаччо русский и Боккаччо средневековый (к вопросу о передаче стилистических особенностей «Декамерона» в переводе Н. Любимова) // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы Междунар. конгресса исследователей русского языка, Москва, 13–16 марта 2001 г. / МГУ. М., 2001. С. 452.
34. Калашников А. В. Новелла о Гризельде из «Декамерона» в русских переводах (к 700-летию со дня рождения Дж. Боккаччо) // Мир русского слова. 2013. № 2. С. 45–52.
35. Петрова М. С. К. Н. Батюшков как переводчик Боккаччо: «Новелла о Гризельде» // Дж. Боккаччо в отечественной и мировой культуре: сб. статей к 700-летию со дня рождения / под ред. М. С. Самариной, Л. В. Богатыревой. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной акад., 2015. С. 199–213.
36. Трампетти Л. Выражение бытовой речи в русских переводах новеллы о Кикибио (из «Декамерона» Дж. Боккаччо) // Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и лингводидактики: материалы XXXI Междунар. науч.-практ. конф.. Москва, 19 апреля 2024 г. / МПГУ. М., 2024. С. 39–46.
37. Busi A. Aldo Busi riscrive il «Decamerone» di Giovanni Boccaccio. Milano: Rizzoli Libri, 2004.
38. Corona L. Decameron. Riscrittura integrale in italiano moderno. Seconda ed. Roma: Fermento, 2021.
39. Natoli Ch. Da un italiano all'altro. Il "Decameron" di Aldo Busi // Parole rubate/Purloined letters. 2019. № 20. P. 43–57.

Информация об авторе.

Трампетти Лоренцо – магистр лингвистики (2016); аспирант, ассистент кафедры контрастивной лингвистики Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета, пр. Вернадского, д. 88, Москва, 119571, Россия. Автор двух научных публикаций. Сфера научных интересов: контрастивная лингвистика, романские языки (итальянский).

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 04.02.2025; принята после рецензирования 19.03.2025; опубликована онлайн 22.09.2025.

REFERENCES

1. Wright, H.G. (1936), "The First English Translation of the 'Decameron'", *The Modern Language Review*, vol. 31, no. 4, pp. 500–512.
2. Viet, N. (2018), "Le Decameron et ses premiers traducteurs européens (1411–1620): état des lieux d'un malentendu international", *Réforme, Humanisme, Renaissance*, vol. 2, no. 87, pp. 147–170. DOI: 10.3917/rhren.087.0147.
3. Cronia, A. (1954), "La fortuna del Boccaccio nella letteratura céca (con saggio bibliografico)", *Lettere Italiane*, vol. 6, no. 3, pp. 296–309.
4. Miszalska, J. (2014), "La fortuna spicciolata del 'Decameron' in Polonia", *Studi sul Boccaccio*, vol. 42, pp. 269–290.
5. Batyushkov, K.N. (1977), "Griselda. A tale from Boccaccio", *Opyty v stikhakh i proze* [Experiments in verse and prose], in Blagoi, D.D. (ed.), Nauka, Moscow, USSR, pp. 165–175.
6. Batyushkov, K.N. (1989), "Pestilence in Florence (From Boccaccio)", *Sochineniya* [Essays], in 2 vols., vol. 1, Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR, pp. 327–331.
7. Garzonio, S. (2014), "Alcune considerazioni su Konstantin Batjuškov traduttore di Boccaccio", *Kesarevo Kesarju: scritti in onore di Cesare G. De Michelis*, Firenze Univ. Press, Florence, pp. 165–174. DOI: 10.1400/221145.
8. Soboleva, I.V. (2015), "Perception of the Boccaccio's works in Russia", *Dzh. Bokkachcho v otechestvennoi i mirovoi kul'ture: sb. statei k 700-letiyu so dnya rozhdeniya* [G. Boccaccio in Domestic and World Culture. Collection of articles for the 700th anniversary of his birth], in Samarina, M.S. and Bogatyreva, L.V. (eds.), Izd-vo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akad., SPb., RUS, pp. 182–198.
9. Boccaccio, G. (1891), *Decameron*, vol. 1, Transl. by Veselovskii, A.N., T-vo I.N. Kushnerev i K°, Moscow, RUS.
10. Boccaccio, G. (1892) *Decameron*, vol. 2, Transl. by Veselovskii, A.N., T-vo I.N. Kushnerev i K°, Moscow, RUS.
11. Andreev, M.L. (2019), "Two Russian Decamerons", *Shagi/Steps*, vol. 5, no. 3, pp. 38–50. DOI: 10.22394/2412-9410-2019-5-3-38-50.
12. Tomashevskii, N.B. (1970) "Notes", *Boccaccio, G., Decameron*, Transl. by Lyubimov, N.M., in Tomashevskii, N.B. (ed.), Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR, pp. 661–688.
13. Boccaccio, G. (1897), *Dekameron. Izbrannye novelly Dzhovanni Bokkachcho v perevode russkikh pisatelei* [The Decameron. Selected short stories of Giovanni Boccaccio in translation of Russian writers], in Bykov, P.V. (ed.), German Goppe, SPb., RUS.
14. Boccaccio, G. (1912), *Dekameron. Sto novell* [The Decameron. One Hundred Short Stories], Transl. by Sokolova, L.I., Tipografiya A.P. Poplavskaia, Moscow, RUS.
15. Boccaccio, G. (1898), *Dekameron. Polnoe sobranie sta novell* [The Decameron. The Complete Collection of One Hundred Short Stories], Transl. by Trubachev, S.S. (ed.), Tipografiya brat. Panteleevykh, SPb., RUS.
16. Boccaccio, G. (1970), *Decameron*, Transl. by Lyubimov, N.M., in Tomashevskii, N.B. (ed.), Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR.
17. Samarina, M.S. and Bogatyreva, L.V. (2015), "About studying the phenomenon Boccaccio in Russian culture: contemporary research", *Dzh. Bokkachcho v otechestvennoi i mirovoi kul'ture: sb. statei k 700-letiyu so dnya rozhdeniya* [G. Boccaccio in Domestic and World Culture. Collection of articles for the 700th anniversary of his birth], in Samarina, M.S. and Bogatyreva, L.V. (eds.), Izd-vo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akad., SPb., RUS, pp. 5–16.
18. "G. Boccaccio in Russian literature and culture", *Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky*, available at: <https://boccaccio.rhga.ru/> (accessed 30.01.2025).

19. Branca, V. (1970), *Boccaccio medievale*, nuova ed. accresciuta, 3rd ed., G.C. Sansoni, Florence, ITA.
20. Branca, V. (1983), *Boccaccio medievale*, Transl. by Elinaya, N. Prokopovich, S. and Sheiman, G. Raduga, Moscow, USSR.
21. Boccaccio, G. (1370), "Decameron", *Staatsbibliothek*, available at: <http://resolver.staatsbibliothek-berlin.de/SBB0000A07E00000000> (accessed 30.01.2025).
22. Boccaccio, G. (1976), *Decameron*, ed. critica secondo l'autografo hamiltoniano, Accademia della Crusca, Florence, ITA.
23. "Plut. 42.01", *Biblioteca Medicea Laurenziana*, available at: <https://cdm21059.contentdm.oclc.org/digital/collection/plutei/id/493080> (accessed 30.01.2025).
24. Fiorilla, M. (2010), "Per il testo del "Decameron", *L'Espresso*, no. 5, pp. 9–38. DOI: 10.48255/1571.
25. Boccaccio, G. (1857a), *Il Decameron di messer Giovanni Boccacci*, riscontrato co' migliori testi e postillato da Fanfani, P., vol. 1, Le Monnier, Florence, ITA.
26. Boccaccio, G. (1857b), *Il Decameron di messer Giovanni Boccacci*, riscontrato co' migliori testi e postillato da Fanfani, P., vol. 2, Le Monnier, Florence, ITA.
27. Veselovskii, A.N. (1893), *Bokkachcho, ego sreda i sverstniki* [Boccaccio, his environment and peers], vol. 1, Tip. Imp. Akad. nauk, SPb., RUS.
28. Veselovskii, A.N. (1894), *Bokkachcho, ego sreda i sverstniki* [Boccaccio, his environment and peers], vol. 2, Tip. Imp. Akad. nauk, SPb., RUS.
29. Gasparov, M.L. (1971), "Bryusov and Literalism (on unpublished materials for the translation of the "Aeneid")", *Masterstvo perevoda* [Mastery of translation], VIII, Sov. pisatel', Moscow, USSR, pp. 88–128.
30. "Ars dictaminum", *Enciclopedia Treccani*, available at: <https://www.treccani.it/enciclopedia/ars-dictaminum/> (accessed 30.01.2025).
31. Manni, P. (2016), *La lingua di Boccaccio*, Il Mulino, Bologna, ITA.
32. Mondani, P. (2020), "Ad alta voce: l'essenza fonico-acustica e gestuale del cursus nel Decameron", *Intorno a Boccaccio/Boccaccio e dintorni 2019: Atti del Seminario int. di studi*, Certaldo Alta, Casa di Giovanni Boccaccio, Florence, ITA, 12–13 Settembre 2019, pp. 53–76. DOI: 10.36253/978-88-5518-236-2.04.
33. Lozinskaya, E.V. (2001), "Russian Boccaccio and medieval Boccaccio (to the question of conveying the stylistic features of The Decameron in N. Lyubimov's translation)", *Russian Language: its Historical Destiny and Present State, Proc. and Materials of the Int. Congress of Russian Language Researchers*, Moscow, RUS, 13–16 March 2001, p. 452.
34. Kalashnikov, A.V. (2013), "The story of Griselda from "The Decameron" in translations into Russian (to 700-th anniversary of G. Boccaccio)", *World of the Russian Word*, no. 2, pp. 45–52.
35. Petrova, M.S. (2015), "K. N. Batyushkov as Boccaccio's translator: "The story of Patient Griselda"", *Dzh. Bokkachcho v otechestvennoi i mirovoi kul'ture: sb. statei k 700-letiyu so dnya rozhdeniya* [G. Boccaccio in Domestic and World Culture. Collection of articles for the 700th anniversary of his birth], in Samarina, M.S. and Bogatyreva, L.V. (eds.), *Izd-vo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akad.*, SPb., RUS, pp. 199–213.
36. Trampetti, L. (2024), "On the expression of colloquialism in Russian translations of the novel about Chichibio (from Boccaccio's "Decameron")", *Aktual'nye problemy sopostavitel'nogo yazykoznanii i lingvodidaktiki* [Actual problems of comparative linguistics and linguodidactics], *Materials of the XXXI Int. Sci. and Practical Conf.*, Moscow, RUS, 19 April 2024, pp. 39–46.
37. Busi, A. (2004), *Aldo Busi riscrive il «Decamerone» di Giovanni Boccaccio*, Rizzoli Libri, Milan, ITA.
38. Corona, L. (2021), *Decameron. Riscrittura integrale in italiano moderno*, 2nd ed., Fermento, Rome, ITA.
39. Natoli, Ch. (2019), "Da un italiano all'altro. Il 'Decameron' di Aldo Busi", *Parole rubate / Purloined letters*, no. 20, pp. 43–57.

Information about the author.

Lorenzo Trampetti – Master (Linguistics, 2016); Postgraduate, Assistant Lecturer at the Department of Contrastive Linguistics, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University, 88 Vernadsky ave., Moscow 119571, Russia. The author of two scientific publications. Area of expertise: contrast linguistics, Romanesque languages (Italian).

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 04.02.2025; adopted after review 19.03.2025; published online 22.09.2025.*

Оригинальная статья

УДК 81'42

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-4-166-176>

Обзорная статья (*Review*) в англоязычном медицинском дискурсе: функциональная систематизация жанровых разновидностей

Юлия Николаевна Наumenко¹✉, Анна Олеговна Стеблцова²

^{1, 2}Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко, Воронеж, Россия

¹✉ naumenko1981@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8471-5059>

²annastabl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4682-4887>

Введение. Обзорная статья (*Review*) является распространенным видом научных публикаций, однако ее жанровый статус, равно как и дискурсивные характеристики ее разновидностей, остаются не вполне изученными. Анализ дискурсивных практик научного обзора в англоязычном сегменте академического медицинского дискурса позволяет восполнить этот пробел, поэтому целью исследования стала систематизация жанровых разновидностей англоязычного медицинского обзора на основе их естественного функционирования в академическом дискурсе.

Методология и источники. Исследовательский корпус был собран из оригинальных обзорных статей ведущих медицинских журналов *The New England Journal of Medicine (NEJM)*, *The British Medical Journal (BMJ)*, *The Lancet*; с использованием метода семантического анализа, а также анализа дефиниций были исследованы требования для авторов, которые затем соотносились с жанровой принадлежностью статьи. Сопоставительный анализ жанровых характеристик применялся для систематизации традиционных видов обзорной статьи, а также для выявления относительно новых и специфичных для медицинского академического дискурса жанровые разновидности.

Результаты и обсуждение. Универсальным жанром обзорной научной статьи в англоязычном медицинском дискурсе остается *Review (the Lancet)*, *Clinical Review (BMJ)*, *Clinical Practice Review (NEJM)*. *Systematic Review* и *Meta-Analysis* в медицинском дискурсе фокусируются на всестороннем анализе библиографических источников, баз данных и научной литературы и участвуют в распространении подходов доказательной медицины. Были выявлены и проанализированы специфические жанровые разновидности обзорной статьи, а именно *Live Systematic Review*, *Hypotheses*, *Seminar*, *Series*, *Viewpoint*, *Therapeutics*.

Заключение. Функционально-дискурсивный подход к систематизации жанровых разновидностей *Review* в англоязычном сегменте медицинского академического дискурса продемонстрировал свою эффективность и потенциальную возможность применения в других жанрах, типах дискурса и языковых культурах.

Ключевые слова: обзорная статья, функциональный подход, медицинский дискурс, жанровые разновидности

Для цитирования: Наumenко Ю. Н., Стеблцова А. О. Обзорная статья (*Review*) в англоязычном медицинском дискурсе: функциональная систематизация жанровых разновидностей // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 4. С. 166–176. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-166-176.

© Наumenко Ю. Н., Стеблцова А. О., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Review Articles in the English-Language Medical Discourse: Functional Systematization of Genre Varieties

Yulia N. Naumenko¹✉, Anna O. Stebletsova²

^{1, 2}N. N. Burdenko Voronezh State Medical University, Voronezh, Russia

¹✉naumenko1981@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8471-5059>

²annasteb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4682-4887>

Introduction. *Review* is a common type of academic articles, however, its genre status, as well as discursive characteristics of its varieties, have yet to be studied. Analysis of discourse practices of *Review* in the English-language segment of academic medical discourse might bridge this gap, therefore the objective of the paper is to systematize genre varieties of English-language medical *Review* in the context of the functional approach to publication discourse practices.

Methodology and sources. The research corpus was collected with original review articles from the leading medical journals, i.e. The New England Journal of Medicine, The British Medical Journal, The Lancet. Semantic analysis, as well as definition analysis, were used to study the requirements for authors, which contents were then verified by the contents and structure of the original articles to assess their genre varieties. Comparative analysis of genre characteristics was used to systematize traditional types of review article, as well as to identify relatively new and specific genre varieties for medical academic discourse.

Results and discussion. The universal genre of review scientific articles in the English-language medical discourse include *Review* (the Lancet), *Clinical Review* (BMJ), *Clinical Practice Review* (NEJM). *Systematic Review* and *Meta-Analysis* in medical discourse focus on a comprehensive analysis of bibliographic sources, databases and scientific literature and largely promote evidence-based approaches in medicine. Specific genre varieties of *Review*, namely *Live Systematic Review*, *Hypotheses*, *Seminar*, *Series*, *Viewpoint*, *Therapeutics*, were identified and analyzed.

Conclusion. The functional approach to *Review* systematization in the English-language segment of medical academic discourse has proven effective and potentially applicable to other genres, types of discourse and language cultures.

Keywords: review, functional approach, medical discourse, genre types

For citation: Naumenko, Yu.N. and Stebletsova, A.O. (2025), "Review Articles in the English-Language Medical Discourse: Functional Systematization of Genre Varieties", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 4, pp. 166–176. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-166-176.

Введение. Жанровые характеристики академического дискурса занимают существенное место в современных лингвистических исследованиях [1–3]. Среди письменных публикационных жанров наибольшее внимание исследователей привлекает научная статья, выделение которой как самостоятельного речевого жанра в рамках научного дискурса не вызывает сомнений. Однако функциональное разнообразие научной статьи [4], культурно обусловленная вариативность внутри этого жанра [5] остается не вполне изученной. В частности, один из наиболее распространенных жанров научных публикаций – обзорная статья или *Review* в англоязычном дискурсе – нуждается в последовательном жанрово-стилистическом анализе с учетом дискурсивных практик его функционирования.

Научные обзорные статьи являются наиболее востребованными и цитируемыми научными публикациями [6–8], широко распространены во всех научных отраслях, при этом их Обзорная статья (*Review*) в англоязычном медицинском дискурсе: функциональная систематизация... 167
Review Articles in the English-Language Medical Discourse: Functional Systematization of Genre Varieties

жанровый статус в отечественной лингвистике, лингвостилистике, теории дискурса и теории речевых жанров остается дискуссионным. На неоднозначность толкований научного обзора указывали А. Н. Курзанов [9] и И. С. Захарова, Л. Я. Филиппова [10], относящие обзорные статьи к текстам информационно-аналитического жанра и базирующие свои определения на семантических характеристиках их содержания.

В отечественной науке широкое распространение получили «методологические» определения обзорных статей. Целый ряд авторов [11–15] определяют специфику научных обзоров на основе методологии научных исследований (анализ, синтез, обобщение, систематизация) с учетом второго (*secondary research*), более сложного и комплексного уровня работы с данными и результатами оригинальных исследований.

Еще одной проблемой, связанной с разнообразием определений и трактовок жанра обзорной статьи, является дисциплинарная специфика, т. е. научная отрасль, в которой создаются обзорные статьи. Так, медицинские науки отличаются строго разработанной типологией исследований, предусматривающей четко определенные дизайны или типы, которые затем коррелируют с жанром научной статьи (*Research, Review, Case Report* etc.). Поэтому и внутри аналитических исследований второго уровня, к которому относится обзор *Review*, функционируют его разновидности, например, *Living Systematic Review, Clinical Practice Review, Systematic Review*, связанные с различиями в используемых литературных источниках, количественным и/или качественными методами их анализа, т. е. методологическим типом обзора.

Следует отметить, что в зарубежной научной литературе жанровая самостоятельность обзорной статьи является данностью, при этом существует достаточно широкое разнообразие подходов к проблеме систематизации и классификации ее разновидностей. В работе [15] рассматривается девять разновидностей обзора, среди которых *метаанализ (Meta-analysis)*, *зонтичный (Umbrella review)*, *критический (Critical review)*. Их классификация учитывает научную цель – обобщение данных, их агрегация, интерпретация или критическая оценка – в корреляции с методологией.

М. Грант и А. Бут предлагают классификацию, включающую 14 видов обзоров [16]. В их типовой классификации присутствуют: *картографический обзор (Mapping review/Systematic map)*, отличающийся от обычных обзоров тем, что может включать в себя результаты как обзорных публикаций, так и первичных исследований; *обзор смешанных методов (Mixed studies review/Mixed methods review)*, который может состоять из систематического обзора с включением интервью с экспертами области; *экспресс-обзор (Rapid review)* как быстрая оценка доказательств; *обзор объема работ (Overview)*, который обеспечивает предварительную оценку потенциального объема исследовательской литературы; *современный/аналитический обзор (State-of-the-art review)*, затрагивающий наиболее актуальные тематики; *систематизированный обзор (Systematized review)*, который, являясь по сути систематическим, может включать один или несколько элементов процесса систематического обзора. *Систематический обзор (Systematic review)* – наиболее известный тип, который направлен на систематический поиск, оценку и синтез научных данных. *Систематический поиск и обзор (Systematic search and review)* является масштабным исследованием, включающим в себя несколько типов обзоров.

Таким образом, изучение российских и зарубежных исследований, посвященных понятию и специфике обзорных статей, показывает, что в работах зарубежных лингвистов пред-

принимаются попытки классификации жанровых разновидностей обзоров и анализа их функционально-дискурсивной специфики, однако дисциплинарное или научно-отраслевое разнообразие обзорных исследований по-прежнему представляется существенной проблемой для построения единой классификации. В то же время сама проблема выделения обзорной статьи как самостоятельного жанра в научных исследованиях отечественных авторов не получила окончательного решения, равно как и не существует единства подходов к вопросу жанровой систематизации научной статьи в целом или обзорной статьи в частности. Мы предполагаем, что анализ дискурсивных практик научного обзора в конкретной лингвокультуре и определенной отрасли науки может способствовать прояснению его жанровой специфики. Поэтому целью нашего исследования стала систематизация жанровых разновидностей англоязычного медицинского обзора на основе их естественного функционирования в академическом дискурсе.

Методология и источники. В соответствии с целью исследования и функциональным подходом к ее достижению мы обратились к трем ведущим международным научно-издательским платформам, публикующим медицинские обзорные исследования на английском языке: The New England Journal of Medicine (далее NEJM), <https://www.nejm.org>; The British Medical Journal (далее BMJ), <https://www.bmj.com/>; The Lancet, <https://www.thelancet.com>. В каждой из них были выбраны и проанализированы разделы журналов, содержащие требования для авторов, а именно *General Information/ Article type* (NEJM), *Resources for author/Content type* (The Lancet), *Recourses for authors/Article types and preparation* (BMJ). Данные разделы включали не только формально-технические рекомендации к рукописи, но представляли позицию редакции относительно содержания материала и того, какому именно жанру этот материал соответствует. В связи с этим мы использовали приемы семантического и дефиниционного анализа при изучении описаний типов и форматов публикаций, относящихся к жанру обзорных статей или *Review*. Использование одноименной лексемы *review* в названии разделов, рубрик журналов, при описании типа публикации, наконец, в заголовке публикации было обязательным критерием включения материала в исследовательский корпус.

Содержательно-композиционная и семантическая верификация корректного отнесения публикации к жанровой разновидности происходила с помощью оригинальных обзорных статей (по 30 из каждого издания), опубликованных в 2024 г. в разделах *Research, Education* (BMJ), *Reviews and Reports* (The Lancet), *Review Articles* (NEJM). Статьи, полученные методом сплошной выборки, были проверены на соответствие их структуры и содержания на описание данной разновидности в разделе «Для авторов».

Сопоставительный анализ полученных из трех источников жанровых разновидностей позволил сделать выводы относительно традиционных, наиболее стандартизованных и общепринятых жанров обзорной статьи, а также выявить относительно новые и специфичные для медицинского академического дискурса жанровые разновидности.

Названия жанровых разновидностей обзорной статьи (*Review, Clinical Review, Living Systematic Review* и др.) приведены по-английски как академические реалии и используются в настоящей работе как терминологические обозначения жанровых разновидностей.

Результаты и обсуждение. В англоязычных медицинских изданиях существуют строгие критерии, предъявляемые к обзорным публикациям. Эти критерии охватывают широкий

спектр аспектов, таких как тематика исследований, структура работы и другие, включая соотношение авторского исследования с жанром публикации. Последнее представлено в отдельных разделах требований для авторов, а именно *Article type* (NEJM), *Content type* (The Lancet), *Article types and preparation*. На их основе были выделены и описаны жанровые разновидности *Review* в этих научных журналах, каждый из которых в реальности является масштабной научной платформой или научной базой медицинских публикаций.

1. Жанровые разновидности *Review* в *The New England Journal of Medicine*.

Анализ раздела жанровых требований *Article type* свидетельствует, что ведущей жанровой разновидностью этого издания является *Clinical Practice Review* (обзор клинической практики), предполагающий анализ прикладных медицинских исследований. Научные обзоры, не подпадающие под определение клинических, обобщенно представлены как *Other Review* (другие обзоры). В табл. 1 даны параметры анализа и характеристики обзорной статьи и ее жанровых разновидностей в NEMJ.

Таблица 1. *Review* в NEMJ: требования и жанровые разновидности
Table 1. *Review* in NEMJ: requirements and genre varieties

Раздел	NEJM Author Center	
Рубрика	Determine Your Article Type	
Жанр	Review	
Жанровая разновидность	Clinical Practice Review (обзор клинической практики)	Other Review (другие обзоры)
Определение	Обзор исследований доказательной медицины по актуальным проблемам практического здравоохранения	Обзор исследований доказательной медицины по широкому спектру клинических и инструментальных проблем
Композиционная структура	6 разделов	Требования отсутствуют
Объем	2500 слов	3000 слов
Количество авторов	Не более двух	Не более трех
Визуально-графические средства	Небольшое количество	Не более пяти
Библиографические источники	Не более 50	Не более 75

Результаты анализа требований к жанру обзорной статьи в NEJM говорят о функционировании нескольких его разновидностей, об их специфике можно судить по определениям, композиционным характеристикам и техническим требованиям, таким как объем, количество авторов, визуально-графические средства представления данных. Судя по детализации описания, можно предположить, что в жанре обзорной статьи NEJM отдает предпочтение *Clinical Practice Review* (обзору клинической практики), на что указывает развернутое описание его композиционной структуры (Clinical problem, Strategies and evidence, Areas of uncertainty, Guidelines from professional societies, Authors' conclusions and recommendations), позволяющее четко структурировать содержание. Отсутствие подобных требований к другим разновидностям обзорных статей свидетельствует о большей гибкости и возможности большей свободы для авторов структурировать свои тексты в соответствии с методологией исследования.

2. Жанровые разновидности обзорных статей в *British Medical Journal* (BMJ).

Жанр обзорной статьи в BMJ частотен, востребован и популярен. Примечательно, что в рубрикации портала BMJ обзорные статьи (*Review*) помещаются в раздел Research, однако

экспликация жанра происходит непосредственно в заголовке, например: *Ultra-processed food exposure and adverse health outcomes: umbrella review of epidemiological meta-analyses*. При этом клинический обзор (*Clinical Review*) – одна из наиболее востребованных разновидностей обзора в BMJ – обычно размещается в рубрике Education, что указывает на фундаментальный характер его содержания. Клинический обзор всегда заказывается редакцией наиболее авторитетным экспертам. В табл. 2 представлены основные разновидности обзорных статей в BMJ и их основные параметры.

Таблица 2. *Review* в BMJ: требования и жанровые разновидности
Table 2. *Review* in BMJ: requirements and genre varieties

BMJ		
Раздел	For author	
Рубрика	Article types and preparation	
Тип	Education	Research
Подтипы	Clinical Review	Living systematic reviews
Определение	Тема клинического обзора – это наиболее серьезные или имеющие тяжелые последствия заболевания, или медицинские состояния в глобальном контексте, которые требуют решений в клинической медицине, здравоохранении, медицинском образовании или биомедицинских исследованиях	Наиболее динамичный и не окончательно формализованный вид <i>Review</i> , суть которого – в обновлении ранее опубликованных данных в систематических обзорах и метаанализах с учетом появления новой информации или в связи с изменившейся эпидемиологической ситуацией
Композиционная структура	Внутреннее структурирование текста зависит от автора и обычно представляет собой сочетание стандартизованных разделов (Introduction, Guidelines, Conclusions) и разделов с дескриптивными заголовками в соответствии с материалом обзора	
Объем Количество авторов Визуально-графические средства Библиографические источники	Технические требования определяются между заказчиком материала – редакцией – и авторами	Технические требования обычно соответствуют предъявляемому к предыдущему материалу

Результаты анализа жанровых требований к обзорным статьям в BMJ свидетельствуют о функционировании нескольких разновидностей жанра *Review*, наиболее частотным среди которых является *Clinical Review*, фокусирующийся на самых актуальных и практических медицинских проблемах глобального масштаба, требующих новых клинических решений. Не случайно эта разновидность обзоров имеет дополнительное название – *State of the Art Review*, которое подчеркивает высокую актуальность и клиническую ценность проблематики.

Появление *Living systematic review* среди жанровых разновидностей обзора говорит о динамичности дискурсивных практик BMJ, а также о «жанровом ответе» академического дискурса на вызовы быстро меняющегося научного контекста и появление новых исследовательских данных. В то же время отсутствие описаний *Systematic reviews*, *Meta-analyses* и других распространенных видов обзоров говорит об их нормативности и устойчивом функционировании в дискурсе.

3. Жанровые разновидности обзорных статей в *The Lancet*.

The Lancet – старейший медицинский журнал с двухсотлетней историей, сегодня является одной из крупнейших научно-медицинских платформ. На ней представлен широкий спектр жанровых разновидностей *Review*. В разделе *Reviews and Reports* в рубрике *Content* Обзорная статья (*Review*) в англоязычном медицинском дискурсе: функциональная систематизация... 171
Review Articles in the English-Language Medical Discourse: Functional Systematization of Genre Varieties

type представлены не только *Review*, но и *Commissions*, *Hypotheses*, *Seminar*, *Series*, *Viewpoint*. В информационном разделе *Information for Authors (Green section)* все перечисленные типы дополняются типом *Therapeutics*. Очевидно, что функциональная систематизация жанров не вытекает из вариативности названий типов обзоров, но требует ориентироваться на их предметно-содержательное описание. Его анализ показал, что в дефиниции всегда используется лексема *review*, указывается узко- или широкопрофильный статус целевой аудитории, актуальный и клинически значимый характер темы и дифференциальные признаки, например:

- shorter reviews that contain slightly more opinion-based information – *Viewpoints*;
- two or more evidenced reviews that take an in depth look at a topic of special interest to explore new thinking – *Series*;
- reviews for clinicians on new and up-and-coming therapeutic options – *Therapeutics*;
- disease-oriented clinically focused overviews for the generalist, covering epidemiology, pathophysiology, diagnosis, management, and prevention – *Seminars*.

В табл. 3 представлены разновидности обзорных статей по версии The Lancet, а именно *Review*, *Series*, *Viewpoint*, *Therapeutics*, *Seminars*.

Таблица 3. *Review* в The Lancet: требования и жанровые разновидности
Table 3. *Review* in The Lancet: requirements and genre varieties

The Lancet Resources for Authors/Information for Authors (specific article requirements)				
Жанровые разновид- ности		Определение	Компози- ционная струк- тура	Объем/визуально- графические средства/ библиографические источники
Seminars	Overview	Клинически ориентированные обзоры для специалистов-медиков с акцентом на эпидемиологию и профилактику за- болеваний	жесткая	до 5000 слов/–/ до 140 источников
Reviews	Review	Комплексный обзор актуальной темы, которой может быть одно заболевание или методы диагностики и лечения не- скольких заболеваний. Темами могут быть системы здра- воохранения или политики в области здравоохранения, а также исторические обзоры, посвященные важным собы- тиям или юбилейным датам	жесткая	до 4500 слов/–/ до 100 источников
Therapeutics papers		Актуальные исследования перспективных терапевтических подходов к лечению, предназначенные для врачей-клини- цистов. Основное внимание в таких работах – новым фар- мацевтическим препаратам, классам медикаментов или не- медикаментозным вариантам лечения	жесткая	3500–4500 слов/ 5–6 рисунков, таблиц и пр./ до 80 источников
Viewpoint		Обзорная публикация, выражающая общее мнение автор- ского коллектива по актуальной проблеме, обычно проходя- щая внешнее экспертное рецензирование, но не всегда	гибкая	до 1500 слов/–/ до 20 источников
Series		Два или более обзоров на основе данных доказательной медицины по одной теме, представляющей особый экс- пертный интерес в контексте инновационных подходов и развития конкретной области медицины	гибкая	–/–/–

В таблице представлены жанровые разновидности обзорных статей, функционирующие в соответствии с публикационной политикой The Lancet. На их специфичность указывают развернутые описания в требованиях для авторов. При этом такие традиционные и стандартизированные обзоры, как *Systematic Review* и *Meta-analysis*, успешно функционируют и в разделе *Information for Authors Red section* с пометкой (*Articles*), к авторам также предъявляются следующие требования:

- недекламаторский заголовок (*non-declamatory title*), в котором будет указан вид обзора *systematic review/ meta-analysis*;
- структурированная аннотация (*Background, Methods, Findings, Interpretation, and Funding*);
- жесткая композиционная структура (*Background, Methods, Results, Discussion*);
- количественные требования к объему, библиографическим источникам и пр.

Содержательное наполнение *Systematic Review* и *Meta-analysis* не описывается, что позволяет сделать вывод о том, что оно не отличается от нормативных и хорошо известно авторам.

Заключение. Подводя итоги работы, отметим, что *Review* как жанр научных публикаций чрезвычайно распространен в англоязычном сегменте медицинского академического дискурса. Ведущие международные научные платформы New England Journal of Medicine, The British Medical Journal и The Lancet являются естественной дискурсивной средой функционирования *Review*, в которой традиционные жанры и практики развиваются и порождают новые жанровые разновидности. Предпринятые в настоящей работе выявление и анализ жанровых характеристик *Review* на основе требований для авторов *Determine your article type, Article type and preparation, Content type* в NEJM, BMJ, The Lancet, соответственно, позволили систематизировать содержательные и формальные признаки *Review* и определить некоторые разновидности этого жанра.

Наиболее традиционным и распространенным жанром обзорной научной статьи в англоязычном медицинском дискурсе остается *Review* (The Lancet), *Clinical Review* (BMJ), *Clinical Practice Review* (NEJM), что, безусловно, объясняется дисциплинарной спецификой, т. е. потребностью во всесторонне подтвержденных, систематизированных и обобщенных медицинских данных для принятия клинических решений и стратегической политики в здравоохранении. Эти базовые разновидности *Review* обычно заказываются наиболее авторитетным экспертам, предназначены для экспертной аудитории, их композиционная структура обусловлена проблематикой, однако может быть описана как жесткая (наличие количественных и технических требований к аннотации, композиции текста, его объему и пр.).

К числу нормативных и универсальных жанровых разновидностей обзорной статьи относятся *Systematic Review* и *Meta-Analysis*, которые функционируют на всех трех исследованных публикационных платформах. В отличие от предыдущей группы, *Systematic Review* и *Meta-Analysis* в медицинском дискурсе содержательно фокусируются на всестороннем анализе библиографических источников, баз данных и научной литературы, обладают собственными разработанными методиками систематизации материала и устойчиво функционируют не только в медицинских, но и любых других отраслях науки. *Systematic Review* и *Meta-Analysis* занимают особое место в распространении подходов доказательной медицины.

Функциональный подход к жанровой систематизации позволил выявить несколько новых или специфических жанровых разновидностей обзорной статьи, а именно *Live Systematic Review*, *Hypotheses*, *Seminar*, *Series*, *Viewpoint*, *Therapeutics* и другие. Появление новых или специфичных для отдельной научно-публикационной платформы жанровых разновидностей *Review* объясняется несколькими факторами. Во-первых, обновление медико-биологических знаний и изменения эпидемиологического контекста (например, недавняя пандемия Covid-19) происходит настолько стремительно, что фундаментальные исследования и обзоры успевают устареть ко времени их публикации. Поэтому появление *Live Systematic Review* (BMJ), *Therapeutics* или *Series* (The Lancet) вызвано стремлением академического сообщества адаптировать традиционные жанры к новым исследовательским и информационным потребностям. Возникающие форматы представляют собой своеобразный «жанровый ответ» академического дискурса на запросы медицинской науки и практики, а научно-публикационные платформы вырабатывают новые дискурсивные практики, вовлекая в них академические сообщества. Во-вторых, появление отдельных жанровых разновидностей, таких как *Seminars* или *Viewpoint* (The Lancet), может свидетельствовать о тенденции к жанровой гибридизации, т. е. смешении жанровых характеристик разных функциональных стилей, например научного и публицистического в *Viewpoint*. В настоящее время невозможно сказать, какова будет дискурсивная динамика перечисленных жанровых разновидностей, однако их последующее устойчивое функционирование и распространение на другие научно-издательские платформы могло бы быть косвенным признаком их нормативности в англоязычном сегменте медицинского академического дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Swales J. M. *Research Genres: Explorations and Applications*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
2. Martin-Martin P. A. Genre Analysis of English and Spanish Research Paper Abstracts in Experimental Social Sciences // *English for Specific Purposes*. 2003. Vol. 22, iss. 1. P. 25–43. DOI: 10.1016/S0889-4906(01)00033-3.
3. Дементьев В. В. К проблеме интегрального описания речевых жанров // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 6–22. DOI: 10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-6-22.
4. Галанов О. А. Жанр научной статьи как форма культуры // *Медицина и образование в Сибири*. 2013. № 6. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26027073> (дата обращения: 10.01.2025).
5. Vakhterova E. V., Stebletsova A. O. Medical Research Genres in the English Academic Discourse // *DISCOURSE*. 2024. Vol. 10, no. 1. P. 151–162. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-151-162.
6. Ho Y.S., Kahn M. A bibliometric study of highly cited reviews in the *Science Citation Index expanded* // *J. of the Association for Information Science and Technology*. 2014. Vol. 65, iss. 2. P. 372–385. DOI: <https://doi.org/10.1002/asi.22974>.
7. Horsley T. Tips for improving the writing and reporting quality of systematic, scoping, and narrative reviews // *J. of Continuing Education in the Health Professions*. 2009. Vol. 39, iss. 1. P. 54–57. DOI: 10.1097/CEH.0000000000000241.
8. Ketcham C. M., Crawford J. M. The impact of review articles // *Laboratory Investigation*. 2007. Vol. 87, iss. 12. P. 1174–1185. DOI: 10.1038/labinvest.3700688.
9. Курзанов А. Н. Научный обзор: роль и место в системе информационно-аналитических текстов, подготовка в формате журнальной статьи // *Научное обозрение*. URL: <http://science-review.ru/Articles1.html> (дата обращения: 03.03.2025).

10. Захарова И. С., Филиппова Л. Я. Основы информационно-аналитической деятельности: учеб. пособие. Киев: Центр учебной литературы, 2013.
11. Корюкова А. А., Дера В. Г. Основы научно-технической информации: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1985.
12. Журавель Е. Ш., Корсунская Г. В. Классификация обзоров // НТИ. Сер. 1. 1974. № 7. С. 14–17.
13. Azer S. A. The Top-Cited Articles in Medical Education: A Bibliometric Analysis // *Academic Medicine*. 2015. Vol. 90, № 8. P. 1147–1161. DOI: 10.1097/ACM.0000000000000780.
14. Пастухов В. М. Общие понятия обзорной литературы // НТИ. Сер. 1. 1983. № 4. С. 19–24.
15. Synthesizing information systems knowledge: A typology of literature reviews / G. Paré, M.-C. Trudel, M. Jaana, S. Kitsiou // *Information & Management*. 2015. Vol. 52, iss. 2. С. 183–199. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.im.2014.08.008>.
16. Grant M. J., Booth A. A typology of reviews: an analysis of 14 review types and associated methodologies // *Health Information and Library J.* 2009. Vol. 26, iss. 2. P. 91–108. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1471-1842.2009.00848.x>.

Информация об авторах.

Науменко Юлия Николаевна – кандидат филологических наук (2021), доцент кафедры иностранных языков Воронежского государственного медицинского университета им. Н. Н. Бурденко, ул. Студенческая, д. 10, Воронеж, 394036, Россия. Автор 27 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистика, академический дискурс в сфере высшего образования и науки.

Стеблецова Анна Олеговна – доктор филологических наук (2016), доцент (2010), заведующая кафедрой иностранных языков Воронежского государственного медицинского университета им. Н. Н. Бурденко, ул. Студенческая, д. 10, Воронеж, 394036, Россия. Автор 124 научных публикаций. Сфера научных интересов: прикладная лингвистика и дискурс-анализ, профессиональная коммуникация, академический английский и научные жанры медицинского дискурса.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 12.05.2025; принята после рецензирования 16.06.2025; опубликована онлайн 22.09.2025.

REFERENCES

1. Swales, J.M. (2004), *Research Genres: Explorations and Applications*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
2. Martin-Martin, P.A. (2003), "Genre Analysis of English and Spanish Research Paper Abstracts in Experimental Social Sciences", *English for Specific Purposes*, vol. 22, iss. 1, pp. 25–43. DOI: 10.1016/S0889-4906(01)00033-3.
3. Dementyev, V.V. (2024), "On the problem of integral description of speech genres", *Speech Genres*, vol. 19, no. 1 (41), pp. 6–22. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-6-22>.
4. Galanov, O.A. (2013), "Genre of Scientific Article as Culture Form", *J. of Siberian Medical Sciences*, no. 6, available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26027073> (accessed 10.01.2025).
5. Vakhterova, E.V. and Stebletsova, A.O. (2024), "Medical Research Genres in the English Academic Discourse", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 1, pp. 151–162. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-151-162.
6. Ho, Y.S. and Kahn, M. (2014), "A bibliometric study of highly cited reviews in the *Science Citation Index expanded*", *J. of the Association for Information Science and Technology*, vol. 65, iss. 2, pp. 372–385. DOI: <https://doi.org/10.1002/asi.22974>.

7. Horsley, T. (2009), "Tips for improving the writing and reporting quality of systematic, scoping, and narrative reviews", *J. of Continuing Education in the Health Professions*, vol. 39, iss. 1, pp. 54–57. DOI: 10.1097/CEH.0000000000000241.
8. Ketcham, C.M. and Crawford, J.M. (2007), "The impact of review articles", *Laboratory Investigation*, vol. 87, iss. 12, pp. 1174–1185. DOI: 10.1038/labinvest.3700688.
9. Kurzanov, A.N. (2025), "Scientific review: role and place in the system of information and analytical texts, preparation in the format of a journal article", *Scientific Review*, available at: <http://science-review.ru/Articles1.html> (accessed 03.03.2025).
10. Zakharova, I.S. and Filippova, L.Ya. (2013), *Osnovy informatsionno-analiticheskoi deyatel'nosti* [Fundamentals of information and analytical activities], Tsentr uchebnoi literatury, Kiev, UKR.
11. Koryukova, A.A. and Dera, V. G. (1985), *Osnovy nauchno-tekhnicheskoi informatsii* [Fundamentals of scientific and technical information], Vysshaya shkola, Moscow, USSR.
12. Zhuravel', E.Sh. and Korsunskaya, G.V. (1974), "Classification of reviews", *NTI. Seriya 1*, no. 7, pp. 14–17.
13. Azer, S.A. (2015), "The Top-Cited Articles in Medical Education: A Bibliometric Analysis", *Academic Medicine*, vol. 90, no. 8, pp. 1147–1161. DOI: 10.1097/ACM.0000000000000780.
14. Pastukhov, V.M. (1983), "General concepts of review literature", *NTI. Seriya 1*, no. 4, pp. 19–24.
15. Paré, G., Trudel, M.-C., Jaana, M. and Kitsiou, S. (2015), "Synthesizing information systems knowledge: A typology of literature reviews", *Information & Management*, vol. 52, iss. 2, pp. 183–199. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.im.2014.08.008>.
16. Grant, M.J. and Booth, A. (2009), "A typology of reviews: an analysis of 14 review types and associated methodologies", *Health Information and Library J.*, vol. 26, iss. 2, pp. 91–108. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1471-1842.2009.00848.x>.

Information about the authors.

Yulia N. Naumenko – Can. Sci. (Philology, 2021), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, N.N. Burdenko Voronezh State Medical University, 10 Studencheskaya str., Voronezh 394036, Russia. The author of 27 scientific publications. Area of expertise: linguistics, academic discourse in higher education and science.

Anna O. Stebletsova – Dr. Sci. (Philology, 2016), Docent (2010), Head of the Foreign Languages Department, N.N. Burdenko Voronezh State Medical University, 10 Studencheskaya str., Voronezh 394036, Russia. The author of 124 scientific publications. Area of expertise: applied linguistics and discourse analysis, professional communication, academic English writing and medical research genres.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 12.05.2025; adopted after review 16.06.2025; published online 22.09.2025.*

Оригинальная статья

УДК 81'42; 811.111

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-4-177-191>

Коммуникативные характеристики жанра американского предвыборного президентского видеоролика в динамическом аспекте

Инна Владимировна Кононова¹, Татьяна Александровна Мельничук²✉

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

²Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

✉ ¹ivkononova-unecon@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4903-5856>

²ta.melnichuk@s-vfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8126-0925>

Введение. В статье описаны тенденции изменения коммуникативных характеристик президентского видеоролика как жанра американской предвыборной коммуникации. Актуальность работы обусловлена интересом современной лингвистики к изучению дискурса в динамическом аспекте. Научная новизна исследования заключается в установлении стратегий и тактик, свойственных дискурсу американского предвыборного видеоролика в разные периоды существования жанра, а также выявлении исторической вариативности его эмоционально-стилевого формата.

Методология и источники. Исследование выполнено в русле исторической дискурсологии. Анализ эмпирического материала, которым послужили тексты 499 предвыборных президентских видеороликов общим объемом 61497 слов, выполнялся с использованием методов корпусной лингвистики и интерпретативного метода анализа дискурса. Тексты видеороликов разделены на три подкорпуса в соответствии с периодами развития жанра, обусловленными социально-политическими факторами (1952–1972 гг., 1976–2000 гг., 2004–2024 гг.).

Результаты и обсуждение. Сравнительный анализ ключевых слов подкорпусов позволил описать изменения в функциональном фокусе высказываний основных субкатегориальных типов адресанта дискурса видеоролика. Выявлена трансформация ведущей функции сторонника кандидата как говорящего субъекта: от формирования положительного образа кандидата в первом периоде до дискредитации оппонента во втором периоде, усиление значимости которой приводит к возникновению в третьем периоде самостоятельной категории адресанта – противника оппонента. Меняются ключевые тактики позитивной самопрезентации: от апелляции к общественному мнению в первом периоде к апелляции к субъективному опыту говорящего в третьем периоде. Усиление роли стратегий эмоционального воздействия и дискредитации в дискурсе видеоролика приводит к изменению эмоционально-стилевого формата жанра: отмечается ведущая роль дидактической тональности в первом периоде, информативной тональности во втором периоде и фамильярной тональности в третьем.

Заключение. Коммуникативная динамика жанра американского президентского видеоролика проявляется в повышении агональности предвыборной рекламной комму-

© Кононова И. В., Мельничук Т. А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

никации и ее демократизации. Выявленные тенденции коррелируют с кризисом доверия к официальным источникам информации, распространением соцсетей, цифровизацией медиа, динамизацией и фрагментизацией информации. Перспективным представляется дальнейшее изучение динамики жанров предвыборной коммуникации под влиянием указанных процессов.

Ключевые слова: предвыборный дискурс, политическая реклама, предвыборный видеоролик, корпусный анализ, динамика жанра

Для цитирования: Кононова И. В., Мельничук Т. А. Коммуникативные характеристики жанра американского предвыборного президентского видеоролика в динамическом аспекте // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 4. С. 177–191. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-177-191.

Original paper

Communicative Characteristics of American Presidential Campaign Commercials: a Diachronic Approach

Inna V. Kononova¹, Tatiana A. Melnichuk²✉

¹*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia*

²*M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia*

✉¹*ivkononova-unecon@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4903-5856>*

²*ta.melnichuk@s-vfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8126-0925>*

Introduction. The article identifies trends in the evolution of communicative characteristics of presidential campaign ads as a genre of American electoral communication. The relevance of the study stems from the growing interest in modern linguistics toward analyzing discourse in its dynamics. The scientific novelty lies in identifying strategies and tactics inherent to the discourse of American presidential campaign ads across different historical periods of the genre, as well as describing the historical variability of its emotional-stylistic format.

Methodology and sources. The research is carried out in line with historical discourse studies. The analysis of empirical material, which comprises 499 presidential campaign ad texts with the total volume of 61,497 words, is based on corpus linguistics methods and interpretive discourse analysis. The texts were divided into three subcorpora corresponding to genre development periods shaped by socio-political factors (1952–1972, 1976–2000, 2004–2024).

Results and discussion. A comparative analysis of subcorpora keywords revealed shifts in the functional focus of utterances produced by key subcategorical types of the campaign ad discourse addresser. The study highlights the transformation of the primary role of the candidate's supporter as a participant of the discourse: from constructing a positive image of the candidate in the first period to discrediting the opponent in the second period. The growing significance of the discrediting strategy leads to the emergence of a new addresser category in the third period: the opponent's adversary. It is shown that the tactics of positive self-presentation evolve from appeals to public opinion in the first period to appeals to subjective experience of the addresser in the third one. The increasing role of emotional impact and discrediting strategies in the presidential campaign ad discourse leads to a change in the emotional and stylistic format of the genre, marked by the dominance of the didactic tonality in the first period, informative tonality in the second period, and familiar tonality in the third one.

Conclusion. The communicative dynamics of the American presidential campaign ad genre manifests in increasing agonality and democratization of electoral advertising

communication. These trends correlate with declining trust in official information sources, the rise of social media, digitalization of media, and the acceleration and fragmentation of information. Further research into the evolution of electoral communication genres under the influence of these processes is deemed promising.

Keywords: political campaign discourse, campaign ads, campaign commercials, corpus analysis, genre dynamics

For citation: Kononova, I.V. and Melnichuk, T.A. (2025), "Communicative Characteristics of American Presidential Campaign Commercials: a Diachronic Approach", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 4, pp. 177–191. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-177-191 (Russia).

Введение. Внимание современной лингвистики и дискурсологии к предвыборной политической рекламе обусловлено рядом причин: во-первых, представляет интерес социокультурное измерение предвыборного дискурса, поскольку функционирование жанров предвыборной коммуникации непосредственно связано как с формированием, так и с отражением актуальных ценностных, идеологических и нравственно-этических установок социума [1]; во-вторых, исследователи все чаще фокусируются на семиотическом анализе предвыборной рекламы, обращаясь к описанию процессов смыслообразования в гетерогенном тексте с помощью вербальных и невербальных средств [2]; в-третьих, персуазивная коммуникация как значимая социальная практика остается предметом устойчивого научного интереса [3]. Отдельное внимание уделяется исследованию мультимодальной структуры предвыборной рекламы как фактора реализации дискурсивного воздействия на аудиторию [4].

Жанры англоязычной политической рекламы неоднократно становились объектом исследований на синхронном уровне [3; 5; 6], при этом в фокусе внимания исследователей оказывался современный предвыборный дискурс [7–9]. Своеобразие предвыборной рекламы в поле жанров политической рекламы в целом обуславливается ее коммуникативной целью и функциями. В отличие от социальной или имиджевой политической рекламы предвыборная реклама неразрывно связана с контекстом избирательной кампании, что предопределяет ее основные задачи: формирование положительного образа политического кандидата, дискредитирование и ослабление позиции оппонента и внушение аудитории идеологических и мировоззренческих установок, выгодных кандидату [10, с. 72; 11, с. 152]. Кроме того, структурно-содержательная специфика предвыборной рекламы формируется под влиянием особенностей конкретной избирательной системы. Так, организация выборов в США представляет собой двухэтапный процесс: на первом этапе происходит общенациональное голосование, а на втором 538 выборщиков определяют победителя в зависимости от того, за кого проголосовало большинство в представляемом ими штате. Эта система приводит к ситуациям, когда кандидат, получивший более 50 % голосов на первом этапе, проигрывает выборы за счет меньшего количества голосов выборщиков. В качестве примера можно привести результаты выборов 2016 г., когда за Хиллари Клинтон проголосовало большинство фактических избирателей, однако Дональд Трамп выиграл в ключевых штатах [12]. Второй особенностью американской политической системы является абсолютное доминирование двух партий – Республиканской и Демократической, ведущее к идеологической поляризации общества [13]. Таким образом, интерес исследователей вызывает не только организация общенациональной избирательной кампании, но и предвыборная аги-

тация на уровне штатов и округов в связи с феноменом географически обусловленной идеологической поляризации (geographical polarization) [14; 15], включая вопрос эффективности воздействия предвыборной телерекламы [16; 17].

Предвыборные видеоролики, которые сегодня активно используются не только на телевидении, но и в цифровом пространстве, остаются важным инструментом воздействия на электорат в рамках американских предвыборных кампаний [18]. Предвыборная телереклама возникла в США в 1952 г., и в первые десятилетия ее существования были заложены такие структурно-содержательные характеристики формата, как средняя продолжительность ролика (30–60 секунд), функциональный фокус высказывания (идеологическая легитимация кандидата и делегитимация оппонента), набор ключевых тем (актуальные политические вопросы и характеристика политических акторов), диалогичность и квазидиалогичность текста [19, р. 349; 20]. Американская предвыборная телереклама исследовалась в основном с позиций критического дискурс-анализа [20; 21], при этом коммуникативно-прагматический аспект остается малоисследованным. Перспективным также представляется рассмотрение жанров предвыборной рекламной коммуникации в диахронии.

Целью данной статьи является описание коммуникативно-прагматических характеристик американского предвыборного президентского видеоролика в динамическом аспекте. В фокусе исследования – эволюция ключевых стратегий и тактик, применяемых в предвыборном рекламном дискурсе, а также трансформация его эмоционально-стилевых параметров на разных этапах развития.

Методология и источники. Эмпирическую базу исследования составили 499 американских президентских предвыборных видеороликов, выпущенных с 1952 по 2024 г. и сгруппированных в три подкорпуса. Разграничение исторических периодов, в соответствии с которыми определялись хронологические рамки подкорпусов, выполнено на основе анализа доминирующих общественно-политических факторов. В первый подкорпус входят 116 видеороликов 1952–1972 гг. (общий объем – 22 649 слов), когда ключевыми экстралингвистическими факторами становятся холодная война и глобальная идеологическая поляризация. Второй подкорпус включает 152 видеоролика 1976–2000 гг. (19 424 слова), когда акцент сместился на внутриполитическую обстановку, экономический спад и рост преступности. Третий подкорпус составляет 231 видеоролик 2004–2024 гг. (27 729 слов). В этот период доминировали вопросы борьбы с терроризмом, обеспечения национальной безопасности и защиты гражданских свобод.

Исследование выполнено в русле *исторической дискурсологии* – современного направления теории дискурса, активно развивающегося в настоящее время в трудах отечественных исследователей [22–24]. Впервые возможность экстраполяции диахронического подхода и метода дискурс-анализа на исследование текстовых фрагментов, образующих дискурсы, была обоснована в трудах Л. А. Кочетовой [22; 25]. Разработанная автором *параметрическая модель* изучения дискурса в динамическом аспекте включает рассмотрение динамики его семиотических, коммуникативно-прагматических и аксиологических характеристик, а также исторических изменений жанровой организации дискурса [22]. Таким образом, «выявление динамических аспектов реализации интенциональной составляющей дискурса, а именно – стратегий и специфических тактик, характеризующих данный вид институцио-

нальной коммуникации на разных этапах функционирования» [26, с. 110], является важным аспектом изучения дискурса в исторической перспективе. Вслед за Л. А. Кочетовой под динамикой стратагемно-тактической организации дискурса в данном исследовании понимаются «системные изменения в наборе стратегий и тактик, характеризующих дискурсивные практики в отдельный период функционирования дискурса, выявление на основе сопоставительного анализа векторов функционально-семантической вариативности их языкового воплощения» [26, с. 110].

Задача выявления стратегий и тактик дискурса в синхронии и диахронии осложняется вариативностью средств языковой реализации и многозначностью лингвистических маркеров. Для минимизации субъективности в оценке динамики коммуникативных параметров предвыборных видеороликов в работе использован корпусный подход, а именно метод автоматического извлечения ключевых слов с применением программы AntConc [27]. В основе метода лежит показатель Keyness (K), отражающий статистическую значимость словоформы в исследуемом корпусе относительно референциального корпуса. В качестве пороговых критериев определения статистической значимости использовались $p\text{-value} \leq 0.01$ и $\log\text{-likelihood (LL)} \geq 6.63$. Эти параметры позволяют исключить нерелевантные лексемы, частотность которых обусловлена языковой вариативностью.

Корпусные методы активно используются в современных дискурсивных исследованиях с целью описания лингвоаксиологических и коммуникативно-прагматических характеристик жанров и дискурсивных практик [24; 28; 29], а также изучения дискурсивно-обусловленной вариативности концептов [30; 31]. Метод ключевых слов был успешно применен для описания коммуникативных характеристик дискурсивной личности американского политика – кандидата в президенты США – в синхроническом аспекте в исследовании Я. Ю. Демкиной [9]. Автор сопоставляет корпуса текстов предвыборных дебатов представителей Республиканской и Демократической партий США для выявления специфики их политических социолектов [9].

Настоящее исследование коммуникативных характеристик дискурса американского предвыборного видеоролика в динамическом аспекте предполагает сопоставление ключевых слов каждого из трех подкорпусов, включающих тексты определенного исторического периода, с ключевыми словами двух других подкорпусов. Ключевые слова, безусловно, не исчерпывают весь репертуар языковых средств реализации коммуникативных стратегий и тактик в дискурсе видеоролика, однако анализ ключевых слов позволяет сделать обоснованные выводы о наиболее существенных коммуникативных характеристиках дискурса на каждом этапе его функционирования.

Результаты и обсуждение. На первом этапе исследования рассматривались изменения в употреблении местоимений *I* (15.45), *he* (11.36) (здесь и далее в скобках указывается значение меры Keyness), вошедших в список ключевых слов первого периода (см. таблицу), и местоимений *she* (36.33), *we* (14.26), *her* (10.66), *my* (10.35), которые продемонстрировали значимые показатели меры Keyness в третьем периоде. На основе данных о функциональной динамике личных и притяжательных местоимений были сделаны выводы об основных векторах изменения коммуникативно-прагматических характеристик исследуемого жанра.

Ключевые слова трех подкорпусов текстов предвыборных видеороликов с указанием меры Keyness
Keywords of the three subcorpora of presidential campaign ads with the Keyness value indicated

1-й период		2-й период		3-й период	
Ключевые слова	Keyness	Ключевые слова	Keyness	Ключевые слова	Keyness
man	52.73	welfare	51.71	Iraq	72.25
of	41.07	tax	37.71	jobs	41.45
about	34.31	harbor	36.42	she	36.33
communism	29.69	cut	35.65	economy	27.32
must	23.66	drug	27.92	middle	23.64
all	22.51	state	26.42	supporters	22.7
peace	21.64	hundred	25.62	breaks	20.5
that	21.47	taxes	25.43	terrorists	20.5
this	19.28	inflation	24.7	crisis	18.15
individual	17.29	penalty	24.28	troops	17.38
think	16.83	control	22.64	class	16.97
states	16.78	thousand	21.93	energy	16.81
I	15.45	surplus	20.52	stronger	15.69
these	14.73	tuition	20.52	America	15.56
rights	14.67	deficit	17.74	small	15.09
which	14.66	dream	17.29	we	14.26
well	14.27	tried	16.23	businesses	14.03
be	14.1	increase	15.51	low	13.97
fail	13.86	weapons	14.91	oil	13.67
civil	13.43	rates	14.27	together	12.53
young	12.78	opposed	14.25	China	12.52
senator	12.71	most	14.17	gotta	12.41
united	12.18	tough	13.96	companies	12.28
thinking	11.78	plan	13.91	will	12.08
way	11.65	spending	13.01	guy	11.58
he	11.36	balanced	12.83	someone	11.58
war	10.92	doubled	12.83	are	11.23
in	10.7	record	12.77	black	10.79
problems	10.24	medicare	12.73	lost	10.79
come	10	money	12.08	her	10.66
much	9.71	military	12.06	my	10.35
white	9.11	work	12	build	9.7
whole	8.97	dollars	11.95	just	9.37
because	8.69	best	11.59	care	8.94
said	8.68	raise	10.79	turning	8.83
freedom	8.53	reform	10.79	back	8.7
law	8.11	clean	10.6	it	8.63
men	8.11	deficits	10.47	Wall	8.57
now	7.84	college	10.45	safe	8.41
yes	7.78	schools	10.45	street	8.41
many	7.72	arms	10.35	served	8.32
feel	7.65	seniors	10.34	gonna	8.28
and	7.54	government	10.12	lead	7.43
want	7.49	million	9.34	who	7.41
leadership	7.48	governor	9	health	7
world	7.3	new	8.85	–	–
–	–	family	8.48	–	–
–	–	children	7.91	–	–
–	–	foreign	7.78	–	–
–	–	percent	7.48	–	–

Личные местоимения первого лица *I* и *we* используются в видеороликах с целью репрезентации субъектов предвыборного рекламного дискурса, к которым относятся кандидат, оппонент, закадровый повествователь, сторонник кандидата, сторонник оппонента и противник оппонента (см. подробнее [32, с. 89]). Так, местоимение *I* в текстах первого подкорпуса в 46 % случаев используется в высказываниях кандидата и в 50 % случаев – в высказываниях сторонника кандидата. Эти показатели отражают значимость стратегии позитивной самопрезентации в первом периоде. Высказывания от первого лица служат актуализации тактик апелляции к мнению говорящего, обещания и самовосхваления: *I feel, with President Eisenhower in command of our country, I can raise my children with great security* (Эйзенхауэр, «Football/Peace», 1956 г.) [33]. В реализации дискредитирующих тактик Я-высказывания, напротив, используются менее активно. Интересно отметить в связи с этим, что к третьему периоду доля использования местоимения *I* кандидатом и сторонником кандидата от общего количества употреблений снижается до 34 и 18 % соответственно, при этом возрастает процент употреблений местоимения *I* оппонентом (32 %) и противником оппонента (13 %). Так, в ролике Дональда Трампа 2024 г. приводятся кадры из выступлений его оппонента (Камалы Харрис) с заявлениями, которые характеризуют ее как леворадикального политика: *I give credit to Bernie Sanders <...> I am a radical* (Трамп, «Kamala chameleon», 2024 г.) [33]. В данном примере говорящий не только идентифицирует себя как убежденного левого политика, но и подтверждает свою лояльность Берни Сандерсу, который воспринимается консервативными кругами как ярый приверженец социализма и угроза демократическим западным ценностям. Тенденция к распространению я-высказываний, конструирующих идентичность оппонента, свидетельствует о смене фокуса предвыборной рекламы: тактики, направленные на создание положительного образа кандидата, уступают место тактикам обвинения, обличения, критики и высмеивания, ориентированным на формирование отрицательного образа политического противника.

Ключевое местоимение третьего периода *we* используется в инклюзивном значении чаще (79 %), чем в эксклюзивном (21 %), однако в высказываниях сторонника кандидата преобладающим становится употребление *we* именно в эксклюзивном значении (64 %). Такая тенденция объясняется усилением тактик апеллирования к личному опыту и дискредитирующих тактик. В частности, распространенным является использование местоимения *we* при описании индивидуального негативного опыта сторонника кандидата и его семьи или иной группы близких людей с целью подрыва доверия адресата к оппоненту: *He betrayed us in the past. How could we be loyal to him now?* (Буш, «Sellout, Swift Boat Veterans for Truth», 2004 г.) [33]. В приведенном примере в качестве сторонников Джорджа Буша выступает группа ветеранов Вьетнамской войны, критикующих оппонента – Джона Керри – за его антивоенные и непатриотичные высказывания, которые использовались вражеской пропагандой и нанесли вред американским военным.

В целом на протяжении трех исследуемых периодов можно наблюдать трансформацию ведущей функции сторонника кандидата как говорящего субъекта: от формирования положительного образа кандидата в первом периоде до дискредитации оппонента во втором периоде, усиление роли которой приводит к возникновению в третьем периоде самостоятельной категории адресанта – противника оппонента.

Высокая мера Keyness местоимения *we* в текстах третьего периода указывает на значимость тактики солидаризации с одной стороны (инклюзивное *we*) и тактики оппозиционирования с другой (эксклюзивное *we*). Маркерами усиления тактики солидаризации выступают также ключевые лексемы третьего периода *together* (12.53) и *are* (11.23). Предикативное сочетание *we are* является частотным в текстах третьего подкорпуса: в 82 % случаев *we* употребляется в этом сочетании в инклюзивном значении, что говорит об акцентировании общности приоритетов, ценностных ориентиров и целей говорящего и адресата: *We need to be great again together* (Трамп, «I'm not with her», 2024 г.); *Together we'll build a brighter future for our nation where we stand for freedom, we stand for justice* (Харрис, «Brighter Future», 2024 г.) [33].

Свидетельством усиления тактики оппозиционирования в третьем периоде становится увеличение частотности использования местоимения *we* оппонентом (17 % словоупотреблений) по сравнению с первым (3 %) и вторым (1,5 %) периодами. Так, в предвыборном ролике Барака Обамы 2008 г. реплики оппонента – Джона Маккейна – в которых он говорит об итогах восьми лет правления республиканской администрации в США как о периоде процветания (*we have had a pretty good prosperous time; I think we are better off overall*), перемежаются с внутрикадровыми текстовыми вставками, опровергающими этот тезис (*Unemployment Up; Highest Inflation in 17 Years; 1.8 Million Jobs Lost*). Процесс становления оппонента в качестве активного говорящего субъекта предвыборного рекламного дискурса отражается также в увеличении доли использования оппонентом местоимений *I* (2 % в первом, 6 % во втором, 32 % в третьем периоде) и *my* (2 % в первом, 2 % во втором, 12 % в третьем периоде). Стоит отметить, что ключевая лексема третьего подкорпуса *supporters* (22.7) также является индикатором усиления тактики оппозиционирования, поскольку используется в контекстах, представляющих сторонников оппонента как «чужих»: *Did you see what President Obama said today? He asked his supporters to vote 'for revenge'. For revenge* (Ромни, «Revenge or Love of country», 2012 г.) [33].

Динамика использования местоимения третьего лица *he* (11.36), а также лексем *man* (52.73) и *men* (8.11), входящих в список ключевых слов первого периода, связана с реализацией тактики апелляции к общественному мнению и тактики апелляции к авторитету. Референтом местоимения *he* в первом периоде в 54 % случаев является кандидат, что отражает значимость кандидата как объекта рекламы в первом периоде, которая постепенно снижается вместе с усилением роли оппонента, который становится референтом местоимения *he* в текстах третьего подкорпуса в 56 % контекстов употребления.

В видеороликах первого периода перечисляются профессиональные заслуги кандидата: *When American destroyers were attacked in the Gulf of Tonkin, he replied firmly and decisively, and communist aggression was turned back* (Джонсон, «Accomplishments», 1964 г.) [33]; отмечаются положительные последствия его избрания для нации в целом: *He is meeting the challenge of the '60s; he's offering new American leadership for the country, for the world* (Кеннеди, «Debate 2», 1960 г.) [33]. В последующие периоды тактика восхваления с использованием местоимения *he* часто реализуется с опорой на индивидуальный опыт говорящего, чего не наблюдается в рекламе первого периода. Например, в третьем периоде: *And he turned around, and he came back, and he said "I know that's hard. Are you all right?"* (Буш, «Ashley's Story», 2004 г.) [33]; *The decisions that he made saved our lives* (Керри, «Heart», 2004 г.) [33]. Пред-

ставляется возможным утверждать, что в реализации стратегии позитивной самопрезентации, как и стратегии дискредитации, с течением времени усиливается субъективность оценки и повышается значимость личного опыта говорящего.

Говоря о динамике реализации стратегии убеждения в американских предвыборных видеороликах, можно отметить вариативность ведущих персуазивных тактик. Одной из доминирующих персуазивных тактик первого периода является тактика побуждения к действию, индикаторами которой являются ключевые лексемы *must* (23.66) и *be* (14.1), используемые в прескриптивных контекстах: *There is much to be done, to be changed* (Никсон, «Youth», 1972 г.); *...the need that must be met in a new America* (Стивенсон, «Education», 1956 г.); *[every veteran] should be given a guaranteed job* (Макговерн, «Young Vets», 1972 г.) [33]. В видеороликах второго периода на передний план выходят тактики информирования и предоставления фактуальной информации, маркируемые целым рядом ключевых лексем с семантикой количества (*hundred* (25.62), *thousand* (21.93), *million* (9.34), *percent* (7.48)) и денежных отношений (*tax* (37.71), *deficit* (17.74), *spending* (13.01), *money* (12.08) и др.). В большинстве случаев контексты, в которых используются данные лексемы, отсылают к экономической ситуации в стране либо с целью акцентирования негативных последствий политики предыдущей администрации, либо для указания на ее достижения. Нередко в рамках одной избирательной кампании в роликах кандидатов можно встретить противоречащие друг другу сообщения. Так, в кампании 1976 г. кандидат Джимми Картер описывает результаты экономической политики администрации оппонента – Джеральда Форда – как разрушительные для страны (*And I don't think we'll ever have a solution to our present economic woes, as long as we've got eight and a half or nine **million** people out of jobs, or looking for jobs, another two or three **million** who have given up hope of getting work, and another **million** and a half on welfare that never have worked but are fully able to work full time* (Картер, «Jobs», 1976 г.), в то время как в ролике Форда, напротив, говорится о положительных последствиях его пребывания на посту президента для экономики США (*Steady leadership has helped produce four **million** jobs in **seventeen** months* (Форд, «Leadership», 1976 г. [33]). Третий период характеризуется существенным усилением роли тактик эмоционального воздействия в реализации стратегии убеждения, на что указывают ключевые слова с негативной коннотацией *radical* (27.76), *betrayed* (10.32), *lying* (9.3), *corrupt* (8.25), *disastrous* (8.25), *dishonest* (8.25), *dishonorable* (8.25), *evil* (8.25): *Dishonest smears that he repeats even after it's been exposed as a lie* (Обама, «Honor», 2008 г.); *Kamala backed Biden on everything. She was the deciding vote for his disastrous economic agenda* (Трамп, «Fix it», 2024 г.) [33].

В результате корпусного анализа ключевых слов также были выявлены изменения в эмоционально-стилевом формате предвыборного президентского видеоролика. Было установлено, что рекламе первого периода свойственна дидактическая тональность, маркерами которой являются прескриптивные сочетания с модальным глаголом *must* (23.66) и обобщения с детерминативом *all* (22.51): *Where doors to housing are closed because of race, we must open them equally to all* (Стивенсон, «Equal opportunity», 1956 г.); *The next President must have all of these qualities* (Никсон, «Lodge», 1960 г.) [33]. Относительно высокая прескриптивность рекламных текстов первого периода во многом обусловлена позиционированием фигуры президента как авторитетного лидера, пользующегося безоговорочным доверием электората. Это восприятие

президента впоследствии сменилось кризисом доверия власти в результате неудачных политических решений, связанных с Вьетнамской войной, и Уотергейтского скандала.

Информативная коммуникативная тональность реализуется в видеороликах первого периода с помощью сложных предложений с союзами *unless* (13.46), *and* (7.54), предложениями *of* (41.07), *in* (10.7), *about* (34.31) и относительными местоимениями *that* (21.47), *which* (14.66): *Last year, the senator suggested regulating marijuana along the same lines as alcohol, which means legalizing it. Now he's against legalizing it, and says he always has been* (Никсон, «McGovern Turnaround», 1972 г.) [33]. Таким образом, информирование достигается использованием тактик разъяснения и описания. В текстах второго периода наблюдается качественное изменение информативной тональности: говорящие регулярно прибегают к рациональной логической аргументации с опорой на количественные данные, что отражается в ключевых словах соответствующей семантики (*hundred, percent, dollars* и др.): *California was faced with a \$194 million deficit and was spending a million dollars a day more than it was taking in. The state was on the brink of bankruptcy* (Рейган, «Reagan's Record», 1980 г.); *Over the last three years, those making over 200,000 dollars a year got a 60,000 dollar tax break. Thousands of profitable corporations pay no taxes* (Мондейл, «Loopholes», 1984 г.) [33]. В приведенных примерах описывается плачевное состояние экономики страны в недавнем прошлом: в первом случае с целью подчеркнуть достижения кандидата во время первого срока президентства, которые приводятся далее: *Governor Reagan became the greatest tax reformer in the state's history. When Governor Reagan left office, the \$194 million deficit had been transformed into a \$550 million dollar surplus* (Рейган, «Reagan's Record», 1980 г.) [33]; во втором – чтобы создать выгодный контраст с программными обещаниями кандидата: *Mondale will close tax loopholes and simplify the tax code* (Мондейл, «Loopholes», 1984 г.) [33].

Предвыборная телереклама третьего периода отличается снижением формальности регистра речи и повышением эмоционально-экспрессивной составляющей коммуникации. Этот процесс находит выражение в усилении фамильярной тональности, подтверждением чего становятся разговорные редуцированные глагольные формы *gonna* (8.28), *gotta* (12.41), присущие неформальному общению лексемы *gu* (11.58), *just* (9.37) в значениях «только, всего лишь, просто», входящие в список ключевых слов третьего подкорпуса: *Oh, this is gonna be tough* (Обама, «Al the Shoe Salesman», 2008 г.) [33]. На синтаксическом уровне текста тенденция к снижению формальности коммуникации проявляется в распространенности простых и эллиптических синтаксических конструкций: *Kamala backed Biden on everything. She was the deciding vote for his disastrous economic agenda. They raised taxes on the middle class and prices soared. Now Kamala wants to double down on failure* (Трамп, «Fix it», 2024 г.) [33].

С ростом агональности предвыборной рекламы все большее значение приобретает фигура оппонента как говорящего субъекта, что проявляется в использовании в видеороликах фрагментов из неподготовленных выступлений оппонента. Спонтанные высказывания оппонента нередко содержат коммуникативные ошибки или прагматически неудачные формулировки, которые приводятся в рекламном ролике кандидата с целью дискредитации политического противника. Так, в видеоролике Дональда Трампа 2020 г. приводится фрагмент из выступления оппонента (Джо Байдена) где он называется себя «одним из самых прогрессивных президентов в американской истории»: *I'm gonna go down as one of the most*

progressive presidents in American history (Трамп, «Progressista», 2020 г.) [33], а следом приводятся фрагменты из выступлений лидеров латиноамериканских стран Уго Чавеса, Фиделя Кастро, Николаса Мадуро, которые также говорят о себе как о прогрессивных политических деятелях. Таким образом, проводится параллель между Байденом и приверженцами идеологии социализма, который до сих пор воспринимается в США как угроза ценностям капитализма и демократии. Одновременно с этим отмечается тенденция к снижению формальности и усилению экспрессивности высказываний других говорящих субъектов (закадрового повествователя, кандидата, сторонника кандидата).

Заключение. В результате сопоставительного анализа семантики ключевых слов трех подкорпусов текстов, а также сравнительной интерпретации контекстов их употребления, были выявлены векторы изменения коммуникативных характеристик жанра американского предвыборного президентского видеоролика. Установлено, что изменения в сфере субъекта проявляются в постепенном смещении фокуса рекламы с кандидата на оппонента, что сопровождается усилением дискредитирующих тактик обвинения, критики и высмеивания. Динамика ведущих персуазивных тактик, где побуждение к действию и информирование уступают место эмоциональному воздействию, отражает тенденцию к повышению агональности предвыборной рекламы и некоторому отходу от традиционных форм политической риторики в сторону менее формального и более экспрессивного стиля коммуникации.

Вариативность эмоционально-стилевого формата предвыборной рекламы проявляется в тенденции к демократизации предвыборного дискурса, снижению дистанции между адресантом и адресатом и к дальнейшей диалогизации медийной политической коммуникации. Можно констатировать, что динамика предвыборной президентской рекламы во многом связана с изменениями, происходящими в политическом и медийном дискурсах в США и на глобальном уровне. Так, постепенное усиление стратегий эмоционального воздействия и дискредитации можно связать с такими факторами, как развитие соцсетей, значимость которых в качестве инструмента предвыборной агитации сложно переоценить; рост конкуренции за внимание аудитории в связи с динамизацией и фрагментизацией информационного потока; кризис доверия традиционным СМИ и т. д. Представляется перспективным применение апробированной в настоящей работе методики для дальнейшего исследования эволюции жанров предвыборной политической коммуникации в условиях стремительных изменений, происходящих в медиапространстве в связи с цифровизацией и развитием технологий искусственного интеллекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kadim E. N. A critical discourse analysis of Trump's election campaign speeches // *Heliyon*. 2022. Vol. 8, Iss. 4:e09256. DOI: 10.1016/j.heliyon.2022.e09256.
2. Arnold-Murray K. Multimodally constructed dialogue in political campaign commercials // *J. of Pragmatics*. 2021. Vol. 173. P. 15–27. DOI: 10.1016/j.pragma.2020.11.014.
3. Морозова О. Н. Политический рекламный дискурс в интернет-пространстве Великобритании (на материале персональных сайтов членов парламента Великобритании): дис. ... д-ра филол. наук / ЛГУ им. А. С. Пушкина. СПб., 2012.
4. Schubert C. Multimodal cohesion in persuasive discourse: A case study of televised campaign advertisements in the 2020 US presidential election // *Discourse, Context & Media*. 2021. Vol. 43: 100537. DOI: 10.1016/j.dcm.2021.100537.

5. Филимонов А. Е. Риторические особенности текста политической рекламы (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2009.
6. Шустова И. Н. Роль аксиологической лексики в формировании имиджа англоязычных политических деятелей: дис. ... канд. филол. наук / ВГУ. Воронеж, 2012.
7. Гайкова О. В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / ВолГУ. Волгоград, 2003.
8. Мурашова Е. П. Политический спот как жанр политической рекламы (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук / МГЛУ. Москва, 2018.
9. Демкина Я. Ю. Лингвокультурные характеристики дискурсивной личности американского политика – кандидата в президенты США: дис. ... канд. филол. наук / СПбГЭУ. СПб., 2023.
10. Мягкова А. Ю. Непрямое речевое воздействие в политической рекламе // Вестн. ВятГУ. 2010. № 2-2. С. 71–74.
11. Ковальчук Л. П. Особенности концептуальной интеграции в лингвостилистических средствах американской политической рекламы // Полит. лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 151–157. DOI: 10.26170/pl18-01-18.
12. Sides J., Tesler M., Vavreck L. The 2016 U.S. Election: How Trump Lost and Won // J. of Democracy. 2017. Vol. 28, no. 2. P. 34–44. DOI: 10.1353/jod.2017.0022.
13. Iyengar S. The polarization of American politics // The Routledge Handbook of Political Epistemology. NY: Routledge, 2021. P. 90–100. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429326769>.
14. Powell R. J. The Strategic Importance of State-Level Factors in Presidential Elections // Publius. 2004. Vol. 34, Iss. 3. P. 115–130.
15. Kinsella C., McTague C., Raleigh K. Closely and deeply divided: Purple counties in the 2016 presidential election // Applied Geography. 2021. Vol. 127: 102386. DOI: 10.1016/j.apgeog.2021.102386.
16. Freedman P., Franz M., Goldstein K. Campaign advertising and democratic citizenship // American J. of Political Science. 2004. Vol. 48, Iss. 4. P. 723–741. DOI: 10.1111/j.0092-5853.2004.00098.x.
17. Krasno J. S., Green D. P. Do televised presidential ads increase voter turnout? Evidence from a natural experiment // The J. of Politics. 2008. Vol. 70, Iss. 1. P. 245–261. DOI: 10.1017/S0022381607080176.
18. Sides J., Vavreck L., Warshaw C. The Effect of Television Advertising in United States Elections // American Political Science Review. 2022. Vol. 116, Iss. 2. P. 702–718. DOI: <https://doi.org/10.1017/S000305542100112X>.
19. Mackay R. R. Multimodal legitimation: Looking at and listening to Obama's ads // Analyzing Genres in Political Communication: Theory and practice; Cap P., Okulska U. (eds.). Amsterdam: John Benjamins Publ. Company, 2013. P. 345–377.
20. Benoit W. L. Seeing spots: A functional analysis of presidential campaign advertisements, 1952–1996. Westport: Praeger, 1999.
21. Simon A. F. The winning message: Candidate behavior, campaign discourse, and democracy. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
22. Кочетова Л. А. Английский рекламный дискурс в динамическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук / ВолГУ. Волгоград, 2013.
23. Володченкова О. В. Динамика характеристик жанра «объявление о приеме на работу» в английской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук / ВолГУ. Волгоград, 2016.
24. Плавина А. А. Жанрово-стилистические характеристики англоязычного травелога в динамическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук / ВолГУ. Волгоград, 2019.
25. Кочетова Л. А. Диахронный подход к изучению рекламного дискурса: теоретико-методологический аспект // Вестн. МГЛУ. 2012. Вып. 5 (628). С. 216–224.
26. Кочетова Л. А. Динамика стратегическо-тактической организации рекламного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3-2 (21). С. 109–115.
27. Anthony L., AntConc (Version 3.5.8). Computer Software. Tokyo: Waseda University, 2019. URL: <http://www.laurenceanthony.net/> (дата обращения: 03.02.2025).

28. Кочетова Л. А., Попов В. В. Исследование аксиологических доминант в жанре пресс-релиза на основе методов автоматического извлечения ключевых слов корпуса текстов // Научный диалог. 2019. № 6. С. 32–49. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-32-49.

29. Аль-Баяти Я. Ш. С. Национально-культурная специфика англоязычного арабского делового общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук / ВолГУ. Волгоград, 2021.

30. Ильинова Е. Ю., Волкова О. С. Динамика медиатизации транскультурного концепта «индивидуальная мобильность»: корпусно-ориентированное исследование // Вестн. ВолГУ. Сер. 2. Языкознание. 2023. Т. 22, № 5. С. 19–39. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.2>.

31. Кочетова Л. А., Кононова И. В. Медиатизация регулятивной ценности «здоровый образ жизни» в англоязычных СМИ: корпусный подход // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 6. С. 186–208. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-186-208.

32. Мельничук Т. А. Дискурс американского предвыборного президентского видеоролика в динамическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук / СПбГЭУ. СПб., 2024.

33. The livingroom candidate: Presidential campaign commercials 1956–2024 // Museum of the moving image. URL: <https://www.livingroomcandidate.org/> (дата обращения: 03.02.2025).

Информация об авторах.

Кононова Инна Владимировна – доктор филологических наук (2010), профессор (2024), профессор кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: аксиологическая лингвистика, диахроническая концептология, корпусные исследования текста и дискурса.

Мельничук Татьяна Александровна – кандидат филологических наук (2024), доцент кафедры английского языка и перевода Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, ул. Белинского, д. 58, Якутск, 677027, Россия. Автор 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: политический дискурс, лингвосемиотика, корпусная лингвистика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 24.03.2025; принята после рецензирования 29.04.2025; опубликована онлайн 22.09.2025.

REFERENCES

1. Kadim, E.N. (2022), "A critical discourse analysis of Trump's election campaign speeches", *Heliyon*, vol. 8, iss. 4: e09256. DOI: 10.1016/j.heliyon.2022.e09256.

2. Arnold-Murray, K. (2021), "Multimodally constructed dialogue in political campaign commercials", *J. of Pragmatics*, vol. 173, pp. 15–27. DOI: 10.1016/j.pragma.2020.11.014.

3. Morozova, O.N. (2012), "Political advertising discourse in the UK internet space (based on personal websites of UK parliament members)", Dr. Sci. (Philology) Thesis, Pushkin Leningrad State Univ., SPb., RUS.

4. Schubert, C. (2021), "Multimodal cohesion in persuasive discourse: A case study of televised campaign advertisements in the 2020 US presidential election", *Discourse, Context & Media*, vol. 43: 100537. DOI: 10.1016/j.dcm.2021.100537.

5. Filimonov, A.E. (2009), "Rhetorical features of political advertising (based on the English language)", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, MSU, Moscow, RUS.

6. Shustova, I.N. (2012), "The role of axiological vocabulary in shaping the image of English-speaking politicians", Can. Sci. (Philology) Thesis, VSU, Voronezh, RUS.

7. Gaykova, O.V. (2003), "Pre-election discourse as a genre of political communication (based on the English language)", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, VolSU, Volgograd, RUS.

8. Murashova, E.P. (2018), "Political spot as a genre of political advertising (based on the English language)", Can. Sci. (Philology) Thesis, MSLU, Moscow, RUS.
9. Demkina, Ya.Yu. (2023), "Linguocultural characteristics of the discursive personality of an American politician – US presidential candidate", Can. Sci. (Philology) Thesis, UNECON, SPb., RUS.
10. Myagkova, A.Yu. (2010), "Indirect persuasion in political advertising", *Herald of Vyatka State University*, no. 2-2, pp. 71–74.
11. Kovalchuk, L.P. (2018), "Peculiarities of conceptual integration in linguostylistic means of American political advertising", *Political Linguistics*, no. 1 (67), pp. 151–157. DOI: 10.26170/pl18-01-18.
12. Sides, J., Tesler, M. and Vavreck, L. (2017), "The 2016 U.S. Election: How Trump Lost and Won", *J. of Democracy*, vol. 28, no. 2, pp. 34–44. DOI: 10.1353/jod.2017.0022.
13. Iyengar, S. (2021), "The polarization of American politics", *The Routledge Handbook of Political Epistemology*, Routledge, NY, USA, pp. 90–100. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429326769>.
14. Powell, R.J. (2004), "The Strategic Importance of State-Level Factors in Presidential Elections", *Publius*, vol. 34, no. 3, pp. 115–130.
15. Kinsella, C., McTague, C. and Raleigh, K. (2021), "Closely and deeply divided: Purple counties in the 2016 presidential election", *Applied Geography*, vol. 127: 102386. DOI: 10.1016/j.apgeog.2021.102386.
16. Freedman, P., Franz, M. and Goldstein, K. (2004), "Campaign advertising and democratic citizenship", *American J. of Political Science*, vol. 48, no. 4, pp. 723–741. DOI: 10.1111/j.0092-5853.2004.00098.x.
17. Krasno, J.S. and Green, D.P. (2008), "Do televised presidential ads increase voter turnout? Evidence from a natural experiment", *The J. of Politics*, vol. 70, no. 1, pp. 245–261. DOI: 10.1017/S0022381607080176.
18. Sides, J., Vavreck, L. and Warshaw, C. (2022), "The Effect of Television Advertising in United States Elections", *American Political Science Review*, vol. 116, no. 2, pp. 702–718. DOI: 10.1017/S000305542100112X.
19. Mackay, R.R. (2013), "Multimodal legitimation: Looking at and listening to Obama's ads", *Analyzing Genres in Political Communication: Theory and practice*, in Cap, P. and Okulska, U. (eds.), John Benjamins Publ. Company, Amsterdam, NLD, pp. 345–377.
20. Benoit, W.L. (1999), *Seeing spots: A functional analysis of presidential campaign advertisements, 1952–1996*, Praeger, Westport, USA.
21. Simon, A.F. (2002), *The winning message: Candidate behavior, campaign discourse, and democracy*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
22. Kochetova, L.A. (2013), "English advertising discourse in a dynamic aspect", Dr. Sci. (Philology) Thesis, VolSU, Volgograd, RUS.
23. Volodchenkova, O.V. (2016), "Dynamics of the "job announcement" genre characteristics in English linguoculture", Can. Sci. (Philology) Thesis, VolSU, Volgograd, RUS.
24. Plavina, A.A. (2019), "Genre-stylistic characteristics of English-language travelogues in a dynamic aspect", Can. Sci. (Philology) Thesis, VolSU, Volgograd, RUS.
25. Kochetova, L.A. (2012), "Diachronic perspective in advertising discourse studies: theory and methodology", *Vestnik of Moscow State Linguistic Univ.*, no. 5 (628), pp. 216–224.
26. Kochetova, L.A. (2013), "Dynamics of stratagemic-tactical organization of advertising discourse", *Philology. Theory and Practice*, no. 3-2 (21), pp. 109–115.
27. Anthony, L. (2019), *AntConc (Version 3.5.8) [Computer Software]*, Waseda Univ., Tokyo, JPN, available at: <http://www.laurenceanthony.net/> (accessed 03.02.2025).
28. Kochetova, L.A. and Popov, V.V. (2019), "Research of axiological dominants in press release genre based on automatic extraction of key words from corpus", *Scientific Dialogue*, no. 6, pp. 32–49. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-32-49.
29. Al-Bayati, Ya.Sh.S. (2021), "National-cultural specifics of English-Arabic business communication", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, VolSU, Volgograd, RUS.

30. Ilyinova, E.Yu. and Volkova, O.S. (2023), "Transcultural concept "individual mobility": mediatization dynamics through corpus-based study", *Science Journal of Volgograd State Univ. Linguistics*, vol. 22, no. 5, pp. 19–39. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.5.2.

31. Kochetova, L.A. and Kononova, I.V. (2024), "Media studies of regulatory value of healthy lifestyle in English media: a corpus-based approach", *Scientific Dialogue*, vol. 13, no. 6, pp. 186–208. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-186-208.

32. Melnichuk, T.A. (2024), "Discourse of American presidential election video commercials in a dynamic aspect", Can. Sci. (Philology) Thesis, Thesis, UNECON, SPb., RUS.

33. "The livingroom candidate: Presidential campaign commercials 1956–2024", *Museum of the moving image*, available at: <https://www.livingroomcandidate.org/> (accessed 03.02.2025).

Information about the authors.

Inna V. Kononova – Dr. Sci. (Philology, 2010), Professor (2024), Professor at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30–32 Griboyedov Channel emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of 100 scientific publications. Area of expertise: axiological linguistics, diachronic conceptology, corpus-based studies of text and discourse.

Tatiana A. Melnichuk – Can. Sci. (Philology, 2024), Associate Professor of the Department of English Language and Translation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, 58 Belinsky str., Yakutsk 677027, Russia. The author of 30 scientific publications. Area of expertise: political discourse, linguistic semiotics, corpus-based studies of text and discourse

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 24.03.2025; adopted after review 29.04.2025; published online 22.09.2025.*

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, *a*).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- *Заголовочная часть*:
 - УДК (выравнивание по левому краю);
 - авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;
– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

- текст статьи;
- приложения (при наличии);
- список литературы (библиографический список);
- справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);
– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в

ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

- заголовок «Список литературы»;
- библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В References совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 5.7.1. Онтология и теория познания;
- 5.7.2. История философии;
- 5.7.3. Эстетика;
- 5.7.4. Этика;
- 5.7.5. Логика;
- 5.7.6. Философия науки и техники;
- 5.7.7. Социальная и политическая философия;
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры;
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Социология (по научным специальностям):

- 5.4.1. Теория, методология и история социологии;
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 5.4.5. Политическая социология;
- 5.4.6. Социология культуры;
- 5.4.7. Социология управления.

Филология (по научным специальностям):

- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, О. Р. Крумина,*
Е. А. Ушакова
Компьютерная верстка *Е. С. Рыбец*

Editors: *O. N. Artunian, O. R. Krumina,*
E. A. Ushakova
DTP Professional *E. S. Rybets*

Подписано в печать 18.09.25. Дата выхода в свет 25.09.25.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 25,48. Печ. л. 24,5. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 86.
Цена свободная.

Signed to print 18.09.25. Publication date 25.09.25.
Sheet size 60 × 84 1/8. Educational-ed. liter. 25,48. Conventional printed sheets 24,5.
Number of copies 300. Printing plant 1–150 copies. Order no. 86.
Free price.

Отпечатано в издательстве СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

Published by ETU Publishing house
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia. Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56